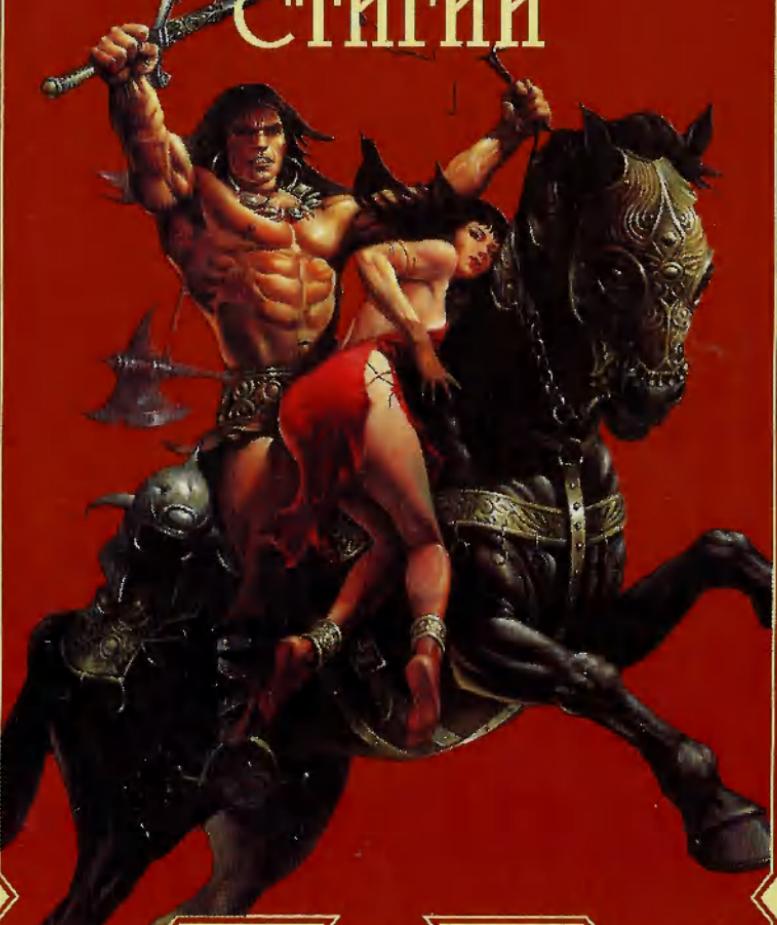

КОНАН И ДЬВЫ СТИГИИ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТХИИ 1	КОНАН И ВОГН ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВОЛНЯИ ПЛЕСЕНЬ 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБСКАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЯ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ ГОРОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРИ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И НЕРЯ ЖАЛЕВИЦ СТРВА 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТАИСМАН ЗЛА 17	КОНАН И БИЧ ИНЕГЛА 18
КОНАН И ГОРОДА ПАННЕННЫХ ЛУН 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЬИ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТГОРОВОЕ ОГО 22	КОНАН И ПРИЧАМЫ ПРОШЕГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАРЫ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗАНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТЫ ВЕННОСТИ 30	КОНАН И НАМЯЧИЙ ЛАВРИНТ 31	КОНАН И ВСКОУПНИ ИДА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ГЛАДИОН СТРАЖ 34	КОНАН И ТЕРРОРЫ ТРЕЗАЛЫ 35	КОНАН И АЛДАРЬ СТОЯДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ ПЛОТИ 37	КОНАН И БОЖИЕСТВА ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАСТЬЯ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛЯВИЯ 40	КОНАН И БЛАДИНА НЕВРО 41	КОНАН И ПЕРВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЫО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ АРЕВИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45
КОНАН И ГЛЯДЬ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЪМНЫ СОДНЬ 49	КОНАН И МЯДЫК ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗАМЕИ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ГОДЛАНДИК СЛЕПА 54
КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗДО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕН ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИНИ ПИКТО 59	КОНАН И ПОВАЛЕНЬЕ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАРБОРНИ 61	КОНАН И ВСЛАННИК БУРИ 62	КОНАН И САЕА ИСТОЛНА 63

КОНАН И ЛЬВЫ СТИГИИ

ИДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сос)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 11.04.2005. Формат 84x108^{1/32}
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 9 000 экз. Заказ № 2417

К64 Конан и львы Стигии : [повести, рассказы] — М.: АСТ; СПб.:
Северо-Запад Пресс, 2005. — 429, [3] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029821-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-192-4 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайборийского мира, легендарный Конан-киммериец, без устали сражается с колдунами и некромантами, когда их магия угрожает ему самому или его друзьям. В Стигии и в лжунгах Черных королевств, в подземельях Кезанкии и в Зингаре — всегда его ждут неизбываемые приключения.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сос)

© А. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шинкин, обложка, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2004

Беспокойные мертвецы

В

сем известно, что его величество король Аквилонии Конан ненавидит всякого рода магию. Какие-нибудь целительницы-травницы, которые умеют ставить пригарки и лечат простуду травяными настоями, — еще куда ни шло, но заклинания, вызывание духов и прочее каралось у него быстро и беспощадно. Поэтому судья Геторикс некоторое время колебался, прежде чем обратиться к королю за советом.

Геторикс, молодой мужчина с густыми светлыми волосами и аккуратно подстриженной бородой, был назначен судьей всего полгода назад и рассматривал это как большую честь для себя. Перед Конаном он робел, что, впрочем, было естественно: король многим внушал трепет своей массивной мускулистой фигурой, копной черных волос и пронзительными синими глазами. Это был человек, многое переживший, многое пови-

— Не вижу вопроса, — фыркнул Конан. — Все ведьмы рано или поздно обзаводятся дочками, которые никогда не знают, кто их отец.

— В данном случае все обстоит немного по-другому, ваше величество. У Корацезии был супруг, но он умер в прошлом году, — возразил Геторикс. — И женщина не хочет, чтобы ее репутация ведьмы погубила жизнь маленькой дочери. Понятное дело, если Корацезия будет осуждена как колдунья, то ее дочери в дальнейшем придется очень несладко. Она будет вынуждена либо избрать это предосудительное ремесло и поступить в ученицы к какой-нибудь бабке....

— Сомневаюсь, чтобы ей удалось сделать это в Тарантии, — перебил Конан.

— Именно, ваше величество. В противном случае, девочка-сирота окажется в конце концов на панели. Поэтому ее мать предпочитает не признаваться в наведении злых чар, которые и привели к прискорбной кончине господина Грумента-старшего.

— Гм, — сказал король.

— К ней применяли допрос с пристрастием, — продолжал Геторикс. — Но она продолжает отрицать свое участие в злом деле. Утверждает, что это наговор.

— Что именно она говорит? — поинтересовался король с деланно скучающим видом. История, которую путали, с лишними подробностями излагал ему недавно назначенный судья, против воли Конана начала его занимать. Ведьмы редко подолгу отрицали свою связь с темными силами.

Ведь они, в конце концов, гордятся тем, что злые могущественные духи избрали их, согласились вести с ними разговор и в конце концов начали совместно с ними творить на земле, среди людей свою волю! А не поделиться тем, что составляет гордость всей жизни человека, — практически невозможно. И наступает такой момент, когда схваченный властями колдун начинает похвастаться своими преступлениями.

Корацезия же все отрицала. Даже под пытками, как утверждает Геторикс. И это Конан находил весьма странным.

— Корацезия — красивая женщина, — продолжал Геторикс. — Я не исключаю, что Грумэнт-младший мог заинтересоваться ею. Надо полагать, женщина отвергла притязания богатого наглеца — вот и мотив для оговора.

— Однако полностью отрицать возможность того, что колдовские чары были наведены, нельзя, — сказал Конан. — Я не стану утверждать смертный приговор для Корацезии, пока не будут представлены убедительные доказательства ее вины. Кто нанял ее, если только она действительно совершила то, в чем ее обвиняют? Не из любви же к искусству она околдовала Грумента-старшего! Для нее совершенно безразлично, жив этот Грумэнт или мертв. От смерти старика выигрывал прежде всего его наследник. Не он ли — истинный виновник случившегося? Не он ли заплатил Корацезии, чтобы та применила злые чары?

— Мы проверяли этот вариант, — сказал Гето-

рикс. — Но оба, и Грумент-младший, и Кораце-
зия, дружно отрицают словор. Вряд ли Корацезия
будет жертвовать собой ради Грумента.

— Она вообще отказывается признавать тот
факт, что она ведьма, — задумчиво молвил Ко-
нан. — Нет, я не стану утверждать смертный
приговор. Нужно внимательнее рассмотреть все
обстоятельства дела. Пусть женщина пока побу-
дет в тюрьме. А ее дочь доставьте ко мне во дво-
рец. Я не хочу, чтобы с ребенком что-нибудь слу-
чилось.

Геторикс поклонился и вышел. Аудиенция
была окончена.

* * *

Девочку звали Цезония. Когда королевская
стража явилась за ней, пятилетний ребенок за-
бился под кровать и наотрез отказывался выле-
зать наружу, так что Геторикс в конце концов
вынужден был встать на четвереньки и выта-
щить ее оттуда за ногу.

Все то время, пока Корацезия находилась в
тюрьме — то есть, шесть дней кряду, — ребенок
находился один в маленьком домике, что прятал-
ся в глубине переудка, как будто стиснутый с
двух сторон более богатыми домами: справа —
трехэтажным особняком Грумента, слева — мас-
сивным домом, принадлежащим купцу из Корин-
фии по имени Ильва. Кухарка Ильвы, сердоболь-
ная старуха, несколько раз заглядывала к Цезо-
нию и приносила ей фрукты и лепешки, а боль-

ше никто пока не проявлял интереса к судьбе
покинутого ребенка.

Водворяя Цезонию в королевском дворце, Ге-
торикс еще раз подивился своему королю. У Ко-
нана хватило времени позаботиться о какой-то
сироте, мать которой обвиняют в колдовстве! А
ведь это должно было прийти в голову самому
Геториксу. Увы, он слишком недолго находился
на своем ответственном посту и слишком сосре-
доточился на самом деле, чтобы обращать внима-
ние на «несущественные» мелочи.

Девочку поручили заботам дворцовых служа-
нок. Те надарили ей глиняных лошадок с грива-
ми из волос, выстриженных из хвостов настоя-
щих лошадей, куколок с соломенными прическа-
ми, платьиц; а кроме того, обещали, что с ней по-
видается сам король. И еще — что скоро мама к
ней непременно вернется.

Цезония, разряженная, с липкими от сладо-
стей пальцами, молча играла в свои новые иг-
рушки, а Конан стоял в дверях отведенной ей
комнаты и наблюдал. Девочка выглядела совер-
шенно нормальной. Немного растерянной, что
вполне естественно в ее положении. Но никаких
следов дурного обращения или черной магии.
Конан знал, что ведьмы часто используют своих
детей в магических ритуалах. Дети с их незамут-
ненным, чистым сознанием нередко служат хоро-
шим проводником при разговорах колдуна с под-
властным тому духом. Такие дети, если они не
находятся под воздействием чар, выглядят тупы-
ми, как бы одурманенными, и почти не интере-

суются происходящим вокруг. Они пугливы, вздрагивают, если с ними заговорить, у них бледная кожа, черные круги под глазами; они не любят сладкое и вообще почти ничего не едят.

Цезония была другая. Обычный пятилетний ребенок, любопытный и прожорливый. Конан осторожно вышел из комнаты и прикрыл дверь.

— Следить за ней! — велел он служанке и двум рослым стражам королевского дворца. — Никто не должен пытаться проникнуть к ней! Никто не смеет забирать ее отсюда, даже под предлогом прогулки! Не верить никаким «приказам от короля» — если я захочу видеть ребенка или говорить с ним, я приду лично, а не пришлю посыльного! Ясно?

Безмолвный кивок был ему ответом.

Конан вернулся в свои личные покой и задумался. Что-то в этой истории не давало ему покоя. Что? Неизвестная ему молодая женщина, которая упорно продолжала отрицать свою вину? Брошенная на произвол судьбы пятилетняя девочка?

Нет, другое. Будучи королем, Конан мог исправить положение: он не позволил казнить мать, позаботился о дочери. Но где-то в его стомице обитает злой колдун. От одной только мысли о том, что чародейство безнаказанно бродит по Тарантии, у Конана пропадали аппетит и сон.

В конце концов он велел позвать Натизона, своего придворного алхимика. Этот бодрый, довольно ехидный старикашка занимался преимущественно тем, что разрабатывал различные по-

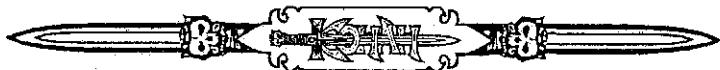

рошки от блох и тараканов, а также трудился над составами для укладки волос. Конан держал его во дворце уже несколько лет. Так некоторые владыки кормят и ласкают забавных маленьких зверьков — обезьянок, хорьков, — которые больше развлекают их, цежели приносят реальную пользу.

Натизон был по-своему предан его величеству. Он явился в Тарантию откуда-то с востока — старик сам не мог в точности назвать свою родину и утверждал, что практиковал в Китае, Венгрии, Офире и даже Стигии (Конан подозревал, что все это чистейшее вранье). Старик был жалок и нищ; в первый же день попался на мелкой краже и был ввергнут в тюрьму, где долго прикидывался умалишенным. В конце концов, слухи о безумном алхимике дошли до Конана, а король, который время от времени начинал интересоваться разными диковинами, соизволил посетить Натизона.

Старый жулик понравился королю. Конан почувствовал в нем родственную душу. Неунывающий алхимик перестал ломать комедию и сообщил королю, что умеет составлять различные препараты. Например, чесоточный порошок. Если посыпать им человека, тот будет чесаться не переставая, — отличный способ отомстить неприятелю, не подвергая его серьезной беде. Человек, который постоянно скребет ногтями у себя подмышкой, смешон, а репутация его будет навек погублена!

Конан рассмеялся и велел освободить Натизо-

на. С тех пор потешный алхимик и создавал при дворе свои волшебные снадобья. Некоторые были полезны — например, микстура от кашля.

Но теперь Конану требовалась куда более серьезная консультация.

Натизон явился на зов своего короля так быстро, как только смог. Он приковылял на высоких, похожих на палки кривых ногах, с достоинством расправил широченную бархатную мантию и поклонился, взмахнув в воздухе длинными редкими седыми волосами, которые тщательно расчесывал и украшал лентами и жемчужными нитками.

— Садись, Натизон, — махнул ему Конан. — Скажи мне вот что. Ты настоящий алхимик или просто шарлатан?

Натизон оскорбился. Его борода встала дыбом, бесцветные глаза выпучились, ноздри хрящеватого носа широко раздулись.

— Неужели у вашего величества не было случая убедиться в том, что мое искусство, отточенное многолетней практикой...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Конан, — я знаю, что ты способен смешивать порошки и делать мази от ревматизма.

— Мой господин король никогда прежде не спрашивал, шарлатан ли я, — продолжал пыхтеть возмущенный старик.

— Просто раньше мне было все равно, — объяснил Конан. — Ты хороший человек и разбираешься в своем деле, а большего не требуется. Но сейчас вопрос гораздо сложнее. Сможешь ли ты

определить, был ли данный человек изведен при помощи порчи, или же его кончина последовала от естественных причин? Только не обманывай. Если не можешь — так и скажи. Клянусь, это никак не отразится на твоем положении при моем дворе.

Старикашка пошамкал губами, поразмыслил, поглядывая на Конана исподлобья — лукаво и вместе с тем задумчиво.

Наконец он выговорил:

— Я мог бы попробовать. Мы ничего не теряем, ваше величество. Если я увижу, что ничего в этом не понимаю, то так и скажу. Но если я паче чаяния разберусь в деле... то что мне за это будет?

— То же, что и всегда, — сказал Конан, забавляясь. — Сытный стол, красивая одежда, прислуга и возможность заниматься любимым делом.

— Ладно, — сдался старик. — Я попробую. Где этот покойник?

— В семейном склепе, надо полагать. Это Груммент-старший. Не слышал о таком?

Натизон замотал головой.

— Никогда в жизни. Я прихвачу с собой траву-лиходейку. В толченом и высушенном виде эта трава входит в состав порошка, из которого колдуны делают мазь для ночных полетов. — Выговорив это, Натизон смутился. — То есть, я хочу сказать, что слыхал об этом от одной старухи. Еще давно, в Стигии. Или в Кхитае — сейчас не помню.

— Мне безразлично, где ты это слыхал, — зая-

вил король. — Меня интересует одно: сработает ли твое зелье.

Сразу успокоившись, Натизон заговорил деловито:

— Понимаете ли, ваше величество, если взять траву-лиходейку и поднести ее к трупу человека, изведенного порчей, она даст знать. Она узнает своих собратьев по злому колдовству и подаст голос. Вот так. — И старик несколько раз тонко вскрикнул, как будто его кололи иголкой. Затем победоносно посмотрел на Конана.

Конан с большим трудом сохранял невозмутимость. Ему хотелось рассмеяться, несмотря на всю серьезность ситуации.

— Ладно, иди готовься, — сказал король. — Я буду ждать тебя в кордегардии. И оденься попроще — в дорожный плащ и сапоги.

* * *

Семейный склеп семейства Грументов находился на окраине Тарантии, где погребали самых знатных и богатых граждан города. За пределами города хоронили тех, кому и при жизни не улыбалась удача. Могилы бедняков в конце концов поглощала земля — они зачастую оставались безымянными холмиками, едва различимыми на поверхности. Другое дело — погребения богачей. Грументы возвели для своих мертвцевов настоящий дворец — правда, небольшой, но вместительный. Внутри было достаточно места для могил, скамей и столов для поминальных трапез.

На стенах даже имелись заранее заготовленные факелы.

— Настоящая крепость! — фыркнул старик алхимик. — Как мы войдем сюда, ваше величество? Дверь-то заперта?

— А мы попробуем открыть, — ответил Конан и вытащил из-под своего плаща ломик. Являя известную сноровку, он взломал замок и толкнул дверь ногой. Она со скрипом отворилась. — Прощу! — Король театрально взмахнул рукой, приглашая алхимика войти.

Натизон посмотрел на своего короля с восхищением.

— Стадо быть, это правда — то, что про вас говорят, — вымолвил он.

— Про меня много что говорят, — строго ответствовал Конан.

— Ну, некоторые воры болтали, будто ваше величество — такой же взломщик, как они сами. Только вашему величеству повезло, а им нет.

— Это ты в тюрьме наслушался? — сказал Конан. — Мало ли что будут говорить забулдыги и жулики, которых сцепала моя стража!

— Конечно, конечно, — пробормотал Натизон, но хитрая улыбочка, появившаяся на лице старика говорила совсем об обратном.

Вдвоем они вошли в склеп, и Конан зажег факелы. Натизон испугался:

— Вдруг нас здесь увидят?

— Пусть видят, — небрежно отмахнулся король. — Я имею право входить куда угодно. Я — король. И если мне захотелось навестить усопшего,

го Грумента — кстати, законослушного и добродорядочного господина! — то я в своей власти.

— Так-то оно так, но слухи пойдут... — вздохнула старик.

— Приступай к делу, — велел Конан. — Нужно выкапывать труп, или ты обойдешься надгробием?

— Пока обойдусь надгробием, — сказал Натизон, поежившись. — Не люблю я трупы.

— От тебя не требуется, чтобы ты кого-то там любил, — серьезно заявил Конан. — Просто поднеси траву. Давай.

И король решительно скрестил на груди руки.

Натизон пробормотал несколько молитв, обращенных к разным милосердным божествам, после попросил прощения у бедного Грумента, чей прах он намерен потревожить, и вытащил из-за пазухи корень травы-лиходейки. Этот корень представлял собой странную фигурку, похожую на гротескного человечка, у которого вместо волос растет на голове трава. Ротик человечка был раскрыт, глазки сожмурены, ручки растопырены.

— Это трава-мужчина, — объявил Натизон, поднося корешок к глазам Конана и показывая крошечный отросток между «ног» корешка. — Бывают еще женские травки, но они менее сговорчивы. Более лживы.

— Можешь ничего не объяснять, — отмахнулся Конан, отворачиваясь от корешка. — Меня мало занимают подробности алхимических процессов.

— Это не алхимия, — опять надулся старик. — Алхимия есть строгая наука. В алхимии всегда известно, что из чего получится. А это...

Он замолчал, видя, что лицо короля приняло угрожающее выражение, и поднес корешок к свежему надгробию, под которым покоялся прах несчастного Грумента-старшего. Поначалу ничего не происходило. А потом из глубины гробницы послышалось тончайшее пение, и фигурка-корешок шевельнулась в руках алхимика. Раздался тот самый тонкий писк, который Натизон пытался имитировать в покоях королевского дворца. Только звук этот был куда более пронзительным. Он проникал в самый мозг и терзал его. Конан зажал ладонями уши.

— Я больше не могу выносить этого! — закричал он. — Уходим отсюда!

— Я не могу оставить корешок, — возразил Натизон.

— Делай, что должен, и убираемся, — повторил Конан. — Я знаю все, что хотел узнать.

Он погасил факел и решительно вышел из склепа.

— Подождите, ваше величество, — старик засеменил следом. — Не бросайте меня здесь одного! Я боюсь!

Конан остановился.

— Закрой дверь, — приказал он, — и иди сюда. Что ты должен сделать с корешком?

— Я вернусь в землю, — пробормотал старик. — Прямо здесь, возле склепа. Пусть поет и переговаривается с той лиходейкой, что извела

Грумента. Им будет, о чём поболтать, пока не наступит осень и корни не стянут в земле.

* * *

Несколько следующих дней его величество был занят другими делами: прибыли знатные лорды из Немедии, и Конан приятно провел с ними время на охоте и в пирах. Девочка Цезония по-прежнему жила во дворце и не доставляла никаких неудобств ни нянькам, ни своим охранникам. Это был кроткий ребенок, рано узнавший горе и умеющий быть благодарным. Две служанки, приставленные к дочке арестованной «ведьмы», не могли нарадоваться на дитя. Если бы Конан спросил их мнение, они захлебывались бы от похвал. Но Конан, как назло, ни о чём не спрашивал.

Больше других страдал от королевского невнимания судья Геторикс. У него появились новые обстоятельства, однако принимать решение без короля — коль скоро тот вмешался в дело — он не осмеливался.

Наконец Геторикс перехватил Конана в коридорах дворца. Король, навеселе, с оленьей ляжкой в одной руке и кубком в другой, шел с каким-то рослым человеком — судя по всему, одним из киммерийских посланников, — и громко хохотал.

Геторикс вырос перед ними, как бледная тень, жаждущая отмщения. Конан остановился. Лицо его приняло недовольное выражение. Что до его

спутника, то тот удивленно поднял брови и скрчил гримасу.

— Что? — отрывисто спросил король у судьи.

— Прошу прощения, ваше величество, — пролепетал Геторикс, чувствуя себя крайне глупо. Нельзя так робеть перед королем! Тем более перед таким королем, как Конан.

— Ну, — Конан махнул оленьей ляжкой. — Я слушаю! Говори, раз уж подстерег меня здесь.

— В доме Корацезии... Той женщины... — Он не решился произносить слово «колдунья» при чужих людях, тем более при послах. — Мы еще раз обыскали дом.

— Что вы там нашли? — спросил Конан.

— Одну вещь. Она подтверждает обвинение.

Конан оценил деликатность Геторикса, который продолжал излагать дело иносказаниями.

— Я хочу, чтобы эту вещь принесли в мои покой. Будь там же. И распорядись, чтобы явился Натизон. Ближе к полуночи встретимся там. Надеюсь, твоя жена не против того, что ты занимаешься работой далеко за полночь?

Отпустив последнюю шутку (Конан прекрасно знал, что Геторикс до сих пор не женат), аквилонский король удалился вместе со своими гостями.

Настроение у него было испорчено, хотя он этого и не показывал. Ближе к полуночи король, изрядно пьяный, но все еще с ясной головой, вломился в собственные покой, едва не снеся по дороге двери. Натизон сидел в любимом кресле короля, положив ноги на стол и лениво разглядывая

дывая разные безделушки, украшавшие королевскую спальню. Геторикс при виде короля вскочил и поклонился.

Конан небрежно махнул рукой и повалился на свою кровать, которая протестующе скрипнула под тяжестью его тела.

— Что там у вас? — осведомился киммериец. — Показывайте!

— Амулет, ваше величество, — Геторикс протянул королю маленькую золотую вещицу, представлявшую собой несколько переплетенных колец с рубиновым «глазком» в центре.

— Может, это от дурного глаза, — отмахнулся Конан. — Глупость, конечно, но безвредная.

— Нет, это не глупость, а гадость, — заявил Натизон, убирая ноги со стола. — Я посмотрел.

— А, мой знаток черных магических искусств, по совместительству мелкий воришко... — подал голос король, простертый на кровати. — Кстати, любезный Натизон, у тебя почему-то оттопыривается халат на груди. Что ты сунул за пазуху?

Натизон побагровел.

— Ничего. Неужели ваше величество опустится до того, чтобы подозревать своего верного, преданного...

Конан, захочтав, одним прыжком вскочил с кровати и схватил хрупкого старика в охапку. Никто не успел и слова вымолвить, как король уже перевернулся Натизона вниз головой и потряс. На пол посыпались золотые флакончики для духов, браслеты, массивные золотые кольца и вазочки из серебра с эмалью изумительной работы.

Затем король поставил старику на ноги.

— Подбери и поставь на место, — велел он, снова отправляясь к постели. — Глупый старишка! Вздумал надуть своего короля!

— Это привычка, — забормотал, оправдываясь, старик. — Я не могу иначе. Я ведь никому не приношу вреда.

— Кроме себя самого, — фыркнул Конан и заложил руки за голову. — Рассказывай про амулет.

— Опасная вещица. Ею пользуются для того, чтобы сосредоточиться и войти в мир злых духов.

— Откуда ты знаешь?

— Видел как-то раз. У одного мага. Ах, король, неужели ты не веришь своему верному Натизону? — Старик возмущенно затряс головой. — Я знаю, что говорю. Эта вещь нужна для того, чтобы связываться с демонским миром!

— Верю, — вздохнул Конан. — И все-таки что-то здесь не сходится. Казнить эту Корацезию мы всегда успеем. Никуда она из темницы не денется.

— А если она действительно ведьма? — подал голос Геторикс. — Если она собирается с силами и удерет?

— Ее никто ни разу не навестил. Никто не поинтересовался ее судьбой. И будь она сильна, она давно бы удрала, еще до того, как ее подвергли допросу с пристрастием. Нет, друзья мои, мы не будем выносить поспешных решений. — Произнося сию мудрую фразу, его величество громко рыг-

нул. — Боги, как я хочу спать... Убирайтесь вон со своими важными проблемами! Убирайтесь, господа! Ваш король будет отдыхать! Никого пока казнить не будем! К амулету приставить охрану... Или знаете что? Поместите амулет в комнату, где содержат девочку... Посмотрим, как они отреагируют друг на друга... И охране скажите...

Затем раздался громкий королевский храп. Судья его величества и придворный алхимик его величества покинули опочивальню.

* * *

Господин Грумент-младший, законный наследник Грумента-старшего, вот уже несколько дней испытывал странное беспокойство. Как будто некто не сводит с него пристального взгляда. Кто этот некто? Где он скрывается? Нечто подобное, насколько слышал Грумент, бывает при магической слежке. Невидимый взор, устремленный на жертву через кристалл ясновидения, вызывает такие ощущения. Грумент лихорадочно соображал: кому из магов он мог насолить в достаточной степени?

На ум ничего толкового не приходило. Да и с магами он в контакт практически не входил. Тот единственный уже стар и немощен. Да и смысла ему никакого нет подглядывать за Грументом. Грумент его всяко не обидел.

Но ощущение всевидящего ока, устремленного на него, не проходило, и наследник покойного Грумента-старшего терял сон и аппетит.

А человек в сером капюшоне сидел на карнизе соседнего дома, заглядывал в окна грументова особняка и ухмылялся сам себе.

* * *

Соглядатая Грумент обнаружил к исходу второго дня слежки и похолодел. Кто мог нанять этого широкоплечего гиганта? Кому выгодно? Неужели у глупой Корацеции есть любовник? Нет, это невозможно. Всем известно, что Корацеция добродетельна и до сих пор хранит траур по почившему супругу. Друзей у нее тоже нет — она в Тарантии недавно.

И все-таки некто заподозрил нечто и нанял шпиона.

Грумент усмехнулся, разглядывая себя в зеркало. Он часто рассматривал свое отражение, словно пытался увидеть в облике тридцатилетнего упитанного мужчины с рыжеватой бородкой и выпученными серыми глазами нечто особенное, нечто такое, что отличало его от прочих смертных и возносило над ними.

— Хорошо же! — произнес он вслух, с удовольствием глядя на то, как шевелятся пухлые губы, отраженные в зеркале. — Если он следит за мной, то ему придется за это ответить! Я не стану разбираться, кто нанял шпиона и для какой цели это сделано. Мне недосуг заниматься такими вещами, когда имеются дела поважнее.

Конан ожидал чего-то подобного и потому не удивился, когда в переулке, ведущем к домам Грумента и Корацезии, столкнулся с тремя безмолвными фигурами в черном. Они отделились от стены и молча направились к королю. Естественно, его величество не удосужился сделать свои шпионские приключения достоянием общественности, а убийцам и в голову не пришло, что они имеют дело с королем. Если бы они хотя бы заподозрили, что докучаивый соглядатай, не спускающий глаз с их нанимателя, — сам король Конан, они ни за что не взялись бы за эту работу. Более того, они бежали бы из Тарантии и долго не показывались бы в столице из опасения, что король доберется до них и, не снисходя до судебного разбирательства, попросту свернет им шею.

Но ничего этого люди в черных плащах не знали. Уверенные в своем превосходстве, они закружили вокруг жертвы, нащупывая под одеждой длинные кривые кинжалы. Завтра в переулке найдут еще один безымянный труп с перерезанным горлом — вот и все. Одет этот бродяга так, что сомнений нет: состоятельных друзей или родственников в Тарантии у него не имеется. И руки у него не белые, не гладкие — исчерченные шрамами, мозолистые руки бойца, что также говорит о незнанном происхождении.

Нет, опасаться нечего. Конечно, он окажет сопротивление. Но он один против троих. Никаких сомнений в том, кто победит.

У Конана, впрочем, тоже никаких сомнений на этот счет не водилось.

Первый убийца метнулся вперед. Плащ его взлетел за плечами, как темные крылья летучей мыши. Конан оскалился под серым капюшоном. Он сделал едва заметное движение, переместившись в сторону и выкинув вперед руку с ножом. Никто не успел ничего понять — убийца вдруг резко остановился, как будто налетел на невидимую преграду, громко, гортанно вскрикнул, схватился руками за бок и рухнул на мостовую. Двое остальных отскочили в стороны.

В переулке было тесно, и Конан поспешил воспользоваться этим преимуществом. Он прижался к стене дома Корацезии и несколько раз взмахнул кинжалом так, чтобы отогнать убийц хотя бы на несколько мгновений. И когда они отпрыгнули, киммериец быстро, как кошка, вскарабкался на карниз второго этажа.

Его преследователи переглянулись, очевидно, озадаченные этим маневром своей «жертвы». Затем один из них полез за Конаном. Разумеется, это было ошибкой, в чем не сомневался ни король, ни наемный убийца. Но деньги от заказчика получены, и соглядатай не должен уйти отсюда живым. К тому же смерть одного из троих разъярила убийц. Прежде им не доводилось встречать столь яростного отпора.

Конан с усмешкой наблюдал за неловкими движениями своего соперника. Он не собирался мешать ему — пусть лезет. Здесь, на карнизе, шансов бедняги попросту не будет. Киммериец

прижался спиной к стене, на мгновение как будто растворившись в ней — серый плащ на фоне серого камня — а потом неожиданно нанес нападающему сильный удар ножом по голове.

С пронзительным криком тот повалился на мостовую, и когда сообщник подбежал к нему, его товарищ был уже мертв: при неудачном падении он сломал себе шею.

Последний из троих поднял голову и посмотрел на Конана, стоявшего на карнизе. Конан видел в бледном лице городского убийцы страх и ненависть. Эти два чувства боролись в груди наемника.

— Для тебя было бы лучше сдаться, — сказал ему Конан почти дружески.

— Будь ты проклят! — вскричал наемник, размахивая кинжалом. — Спускайся и покажи на твердой земле, какой ты боец!

— Не пожалей потом! — сказал Конан, спрыгивая с карниза прямо ему на голову.

Они повалились вдвоем на мостовую и покатались по камням, норовя пырнуть друг друга кинжалом. Наконец король, более массивный и сильный, оказался сверху. Он прижал руки своего врага к земле и уселся ему на живот. Наемник захрипел, дергаясь всем телом в бессильной попытке освободиться.

— Тихо, тихо, — сказал ему Конан. — Иначе мне придется перерезать тебе горло.

— Тогда ты... должен будешь... разжать одну руку... — просипел поверженный негодяй. — И я освобожусь.

— Я удержу тебя и одной рукой, — заверил его Конан. — Лучше отвечай: кто нанял тебя?

И король улыбнулся. При виде этой улыбки наемник застонал, из глаз его покатились слезы. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким униженным. Ему доводилось и проваливать дело, и бежать с поля боя, и бросать умирающих товарищев. Но никогда еще тот, кто был намечен в жертву, не сидел у него на животе и не улыбался так уверенно и весело.

— Лучше расскажи мне все как есть, дружок, — посоветовал Конан. — Иначе ты горько пожалеешь.

— Я уже... горько жалею... — всхлипнул наемник. Он был сломлен.

— О чувствах — потом. Сперва о деле. Кто?

— Грумент... — выговорил наемный убийца. — Теперь я вне закона... Ты вынудил меня...

— Да ты и без того был вне закона, — «утешил» его Конан.

— Наемник, который выдает своего нанимателя... навек вне закона... среди своих.

— Тебе недолго ходить среди своих, — сказал Конан. — Позволь представиться: я — Конан из Киммерии, король Аквилонский. Моим именем я арестовываю тебя, дружище, и препровождаю в тюрьму. Попробуй только дернуться, и нож будет торчать у тебя в спине. Ты понял?

От ужаса наемный убийца оцепенел. Он не мог произнести ни слова. И даже веки его застыли, отказываясь моргать. Сам король Конан! Не королевская власть страшила негодяя — та несо-

крушимая мощь, которой, по слухам, обладал киммериец. Этот человек сам по себе подобен тарану и может один заменить целую армию. И теперь наемник имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре.

— Ну, ты все понял? — нетерпеливо повторил король. — Дай мне знак!

— Я... понял... — прохрипел наконец убийца. — Я... не побегу... подчиняюсь... мой король.

— Вот и хорошо. — Конан вскочил, освобождая наемника и наблюдая за тем, как тот со стонами корчится на земле.

Наконец ему удалось подняться на ноги. Спотыкаясь и поминутно вздрагивая, он побрел вместе с Конаном в сторону королевского дворца, где в подвалах тюрьмы ждала решения своей участи женщина по имени Корацезия.

Нового узника заперли в соседней камере.

* * *

Слежка за домом Грумента прекратилась. Правда, наемники почему-то до сих пор не приходили за обещанной второй половиной платы, но Грумента это не особенно беспокоило. Они еще явятся. Возможно, боятся, что их увидят городская стража, и затаились на время в каком-нибудь логове. Главное, исчез соглядатай в сером капюшоне, а это яснее ясного говорило о том, что поручение выполнено и неведомый шпион убран с дороги.

Оставался еще один свидетель, которому не-

зачем долее коптить небо. Если под Грумента начинают копать его враги, которые до поры до времени желают оставаться неизвестными, то следует «почистить» за собой. И в сумерках Грумент нанес визит одному убогому старцу, который обитал на окраине Тарантии, рядом с городскими склепами, где богачи хоронили своих умерших.

Глинобитная хижина лепилась прямо к стене кладбища, и в неярком вечернем свете ее нелегко было заметить. Она, как будто выросла из стены, точно прыщ на лице. Однако Грумент уже не раз бывал здесь и знал, где вход. Он не утруждал себя и стучать не стал, а просто толкнул покосившуюся дверь, откинулся в сторону рваную портьеру и оказался в крошечной комнатке, еле-еле освещенной тусклым огоньком масляной лампы.

Грумент никогда не понимал таких людей, каким был старик Далза. Тот занимался весьма выгодным ремеслом — тайно практиковал магическое искусство. Кто только не прибегал к помощи Далзы за те долгие годы, что алчный старик коптил небо Тарантии! В былье времена, возможно, его услуги и стоили не слишком дорого, но затем он набрался опыта и научился делать вещи, которые другим были не под силу. А после того, как к власти в Аквиадонии пришел король Конан и магия вообще оказалась под строжайшим запретом, Далза начал брать дополнительную плату за секретность, и доходы его возросли невероятно.

К нему приходили дурнушки, измученные

безнадежной страстью, и влюбленные старики. У него побывали многие замужние женщины, которые легкомысленно вели себя в отсутствии мужей и желали избавиться от некоторых последствий таких необдуманных поступков. Его услугами пользовались и те, кому по какой-либо причине требовалось тихо, незаметно и не вызывая подозрений отправить к праотцам в Серые Земли мешающего человека...

К числу последних и принадлежал Грумент-младший. И сумма, которая перекочевала из кошельей Грумента в скорченную ладонь старика, была очень немалой. Далза давно мог жить в богатстве и роскоши, покинув Тарантию и уйдя от дел. Однако он предпочитал заниматься колдовством тайно и никуда из аквилонской столицы не уезжал. Интересно, где он держит свои деньги? Маловероятно, чтобы Далза успевал их тратить.

Старика в хижине Грумента поначалу даже не заметил, настолько тот сливался со своим жилищем. Наконец в углу комнаты ожила и зашевелилась гора грязных, засаленных тряпок, и оттуда неожиданно вынырнуло лицо. Вирочем, называть это «лицом» было бы несколько опрометчиво: грубая, изрезанная морщинами, похожая на кору дерева кожа, между широкими складками утонули крохотные темные глазки без зрачков и белков, огромный нос причудливо изогнутой формы, с глубоко вырезанными ноздрями, из которых торчит серая шерсть, и провал беззубого рта. Все это подрагивало, тряслось и шамкало.

И тем не менее «оно» являлось самым могущественным магом Тарантии и обладало определенной властью над многими знатными и богатыми горожанами.

— Явился! — лязгнул голой челюстью старики. — Зачем явился?

Голос его дребезжал.

Грумент молча смотрел на него.

— Убрайся! — завизжал Далза. — Мы с тобой в расчете! Дурак! Твой отец помер, как мы и договаривались! У Коратезии нашли все, что должны были найти! Они ничего не поймут! Твой король — такой же дурак, как и ты! Он ничего не поймет!

Грумент, все так же безмолвно, сделал шаг вперед и поднял руки.

* * *

Судья Геторикс, не вполне здоровый, был весьма раздражителен и разговаривал со стражником, который топтался на пороге его дома, довольно нелюбезно.

— Ты видишь, я болен? — сипел он, кутаясь в плед. — Ты заметил, что у меня болит горло?

Стражник, который никак этого заметить не мог, моргал и удивлялся.

— Я ведь не лекарь, господин судья, — произнес он наконец и, почувствовав себя совершенным идиотом, замолчал.

— Зачем ты пришел? — рявкнул Геторикс и отчаянно закашлялся. — Ну, что ты молчишь?

— Так ведь господин судья болен... Просто тут ведь убийство... Ну, придушили стариичка... — пробормотал стражник. — Может, ничего интересного.

— Богатый стариичок? Знатный? Или нищий пьяница утонул в канаве? — сердито наседал на стражника Геторикс. — Говори толком! Если я узнаю, что ты побеспокоил меня напрасно, я тебя... не знаю, что я с тобой сделаю!

Стражник поглядел на судью сочувственно. Несмотря на то, что Геторикс пытался выглядеть грозным и властным, как и подобает настоящему судье, он был человеком довольно кротким и добросердечным. Больше всего он боялся нарушить закон и погрешить против справедливости. Он боялся богов, опасался короля и желал бы прожить свою жизнь честно, не совершая ошибок. Кроме того, ходили слухи, что Геторикс до сих пор находится в полном подчинении у своей властной матушки-вдовы.

Наконец стражник сказал:

— Если господин судья соизволит, мы могли бы пройти вместе к тому месту. Господин судья сам решит, стоящее дело или нет...

Геторикс фыркнул, закутался плотнее в плед и, как был, в домашней обуви, отправился со стражником к месту преступления.

По дороге оба молчали. Геторикс думал о судьбе женщины по имени Корацеция. Конан до сих пор не отдал никаких распоряжений на ее счет. Она просто жила в тюремной камере. На допросы ее больше не вызывали, несколько раз

ее посещал врач. Геторикс на всякий случай вел кормить ее получше и несколько раз присыпал ей фрукты со своего стола.

Скорей бы уж закончилось это дело. Конан что-то задумал, но своими соображениями и планами, естественно, ни с кем не делится.

— Это здесь, — заговорил стражник. Он подал голос так внезапно, что Геторикс даже подскочил. Он слишком глубоко ушел в свои мысли.

— Где? — сипло спросил судья и опять закашлялся.

— Да вот, — стражник махнул рукой, указывая на стену кладбища и маленькую хижину возле нее. — Труп там, внутри. Очень интересно.

— Необычайно интересно! — язвительно согласился Геторикс. — Убили нишего? Какая редкость! Он был пьян?

— Он был очень стар, — сказал стражник.

Морщась и зажимая насморочным нос, Геторикс вошел вслед за стражником в хижину. Там было темно.

— Здесь ничего не видно, — недовольно поморщился Геторикс. — Одни только запахи, а я не собака-ищейка, чтобы делать выводы на основании... э... ароматов.

— Давайте, мы с вами разломаем дверь, господин судья! — предложил стражник. — Я уж думал над этим.

Геторикс иронически поднял брови. Он и сам не понимал, почему его раздражает этот стражник, неглупый и инициативный. Вероятно, потому, что является сегодня полной противополож-

ностью своему начальству, отупевшему от простуды и ленивому.

— Развали уж сразу стену, — сказал Геторикс. — Я подожду снаружи.

Он вышел и остановился у стены кладбища, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Хижина тряслась, как живая, там ворочался стражник. Он сдернул дверь с петель, сорвал занавес, а потом, пользуясь, как тараном, обломком двери (которая тотчас развалилась в его руках на три части), вышиб кусок глиняной стены.

Из пролома показалась его голова.

— Господин судья! — позвал стражник. — Можно обратно заходить! Теперь тут светло.

Геторикс вздохнул и вернулся в хижину.

На полу лежал труп старика. Более безобразного, отвратительного и гадкого старики Геторикс в жизни своей не видывал. Даже бывалый стражник — и тот присвистнул.

— Ну и гадина! — вырвалось у него. Впрочем, он тотчас покосился на начальство и прикусил язык.

Но Геторикс был склонен согласиться с ним.

— Иные говорят, будто по внешности нельзя судить о человеке, но мне кажется, к данному случаю это высказывание не имеет отношения.

— После смерти, господин судья, все, так сказать, у человека наружу. Потому как он прикидывается перестает, — философским тоном рассудил стражник. — Вот, к примеру, живет гадина какая-нибудь, а на лицо очень даже любезно держится. И живет она, живет... А потом, как поми-

рает, — тут вся ее сущность на физиономии и на-
малевана. Гляди и соображай. Вот так я думаю.

— Вероятно, ты прав, — задумчиво молвил Геторикс, наклоняясь над стариком.

Тот был задушен. Лицо его, и без того жуткое, посинело, толстый язык был вывален изо рта и прикушен голыми деснами, глаза выпучились.

— Но самое любопытное не это, — продолжал стражник. — Это что, просто труп. А вот тут разные документы...

— Где? — судья резко повернулся.

— А везде, — ответствовал стражник. — Я почему вас позвал, господин судья. Старикан, вроде, из простых, из кладбищенских побиушек, но вот ни у кого из нищих, вы уж меня простите, не будет столько исписанного пергамента. И прочего. Он был из ученых. Или ростовщик. Я ведь не разберу, что там написано.

Судья поднял несколько «бумаг» — обрывков пергамента, кусков коры, тряпок и даже остроганных щепочек. Везде одно и то же — имена довольно известных в Тарантии людей и суммы.

— Что это? — проговорил он. — Долговые расписки?

— А здесь! — крикнул стражник, отбрасывая ногой в сторону груду полуистлевших тряпок и открывая яму, выкопанную прямо в полу. — Тут у него тайник был!

— Вероятно, там он хранил деньги. Денег, естественно, нет — их забрал убийца. А вот документы... Почему он оставил документы? Ведь этими долговыми расписками он мог шантажи-

ровать по крайней мере три почтенные фамилии... Нет, четыре... пять! — Судья быстро перебрал расписки. — Пять... да, пять. Здесь имена повторяются.

— Он их не заметил, — сказал стражник. — Про деньги он знал, а про расписки — нет. Да и выглядят они... — Он поморщился. — Я бы ни в жизнь не догадался.

— Нет, дружочек, ты-то как раз и догадался, — поправил его Геторикс. — Не надо скромничать. Ты ведь поэтому меня позвал, не так ли?

— Ну... — стражник опустил голову.

— Да, ты прав, ты прав. Тут было темно, убийца задушил старика, забрал деньги... и ушел... Возможно, он — один из этих пятерых... Нет ли здесь имени Грумента, а? Нет, вроде бы нет... Но все равно — крайне любопытно.

Он еще раз посмотрел на то, что держал в руках, а потом улыбнулся.

— Очень, очень интересно. Думаю, стоит доложить об этом королю.

* * *

Его величество находился в покоях, отведенных маленькой Цезонии. Девочка привыкла к мощной фигуре короля и перестала его бояться уже давно. Он не приносил ей сладостей или игрушек, но инстинктивно она чувствовала, что этот страшный, гигантский человечище относится к ней с любовью. Не то чтобы король, достигнув зрелого возраста, начал любить детей. Он во-

обще не разделял людей на детей, взрослых и стариков. Он разделял людей на тех, кто ему нравится, и тех, кто ему активно не нравится. Первых он защищал и по-своему баловал, вторых истреблял без всякой щады. В случаях, подобных делу Корацеции, Конан медлил, решая, к какой категории отнести данного человека.

А вот Цезония нравилась ему безоговорочно. Девочка рассказывала своим куклам бесконечные истории, каталась на деревянных лошадках, угощала сладостями, а потом заботливо вытирала подолом своего платьища их измазанные рожищи. Конан попивал вино из кубка и поглядывал на эти игры.

Что еще было хорошо в Цезонии — она не приставала к другим людям с требованием рассказать ей историю или покатать на спине, как это делают некоторые невоспитанные дети. И о маме она тоже не заговаривала. Ждала, пока все решится.

Когда возле дверей покоев возник шум, Конан приподнялся на кресле и крикнул громовым голосом:

— Тихо! Мы тут отдыхаем!

— Это я, ваше величество, — проговорил Геторикс, всовывая на миг голову и тотчас исчезая. Стражник, получивший от короля четкие указания непускать никого, даже Крома во плоти, утащил судью подальше от входа.

Конан поднялся и, тяжело ступая, направился в коридор. По дороге он осторожно перешагнул через девочку и тут же чуть не споткнулся о ее

мячик. Король фыркнул, как рассерженный конь. Цезония весело помахала ему рукой.

— Что случилось? — осведомился Конан у Геторикса. Тот долго чихал и откашливался, прежде чем заговорить.

— Простите, ваше величество.

— Ну, говори, говори!

— Ваше величество, мы обнаружили убитого кладбищенского нищего.

— Крайне важное сообщение. Надеюсь, государство не пошатнется от этой потери, — сказал Конан.

— Он был задушен, ваше величество. В его хижине обнаружена пустая яма.

— О! — воскликнул Конан, закатывая глаза. — Пустая яма?

— Да, ваше величество, пустая, — не сдавался Геторикс. — Мы предполагаем, что в ней он хранил свои сокровища.

— Кто это — «мы»?

— Один из городских стражей и я.

— А она не была, случайно, отхожим местом?

— Нет, ваше величество. Будь это так, мы установили бы это по запаху, — сказал Геторикс и покраснел. Он вдруг понял, что король насмехается. — Простите, ваше величество! Я не вполне здоров и тую соображаю.

— Ладно, — скривился Конан. — Рассказывай, как можешь.

— Самое интересное — долговые расписки. Я забрал их.

— У нищего в хижине были долговые расписки?

— Именно. — И Геторикс вручил королю то, что забрал в доме Даэзы. Молодой судья с удовольствием наблюдал за тем, как изменяется выражение лица Конана. Наконец король кивнул:

— Поразительно! А теперь, Геторикс, идем ко мне. Я велю Натизону принести тебе какое-нибудь снадобье от боли в горле и от насморка. Надеюсь, он тебя не отравит. А потом, в тишине и покое, рассмотрим эти документы. Я хочу, чтобы ты прочитал их мне. Стоит обсудить, кто в Тарантии и почему задолжал какому-то кладбищенскому нищему. Так ты говоришь, речь идет о немалых суммах?

* * *

События в Тарантии опережали короля, и Конану это не нравилось. Следующая же ночь принесла очередную неожиданность.

Некий пьяничка, возвращаясь домой и проходя мимо кладбища, увидел странную картину. Настолько странную, что поначалу не поверил своим глазам.

Опыт общения с явлениями «потустороннего мира», вызванными исключительно винными парами, у него имелся — и немалый. Приходили к нему и демоны из преисподней, и обнаженные красавицы, которые на глазах стремительно старели и превращались в рассыпающийся скелет...

И тем не менее он всегда в глубине души знал, чем вызваны сии видения, и никогда не пугался.

Разве что самую малость. Клыки там окровавленные или когти, тянувшиеся к его горлу...

Но то, что он увидел той ночью, потрясло его видавшее виды воображение.

Солидный господин в хорошей одежде... Точнее, эта одежда некогда была хорошей, а теперь пообносилась и выглядела так, словно ее владелец несколько ночей провел в мусорном баке... Так вот, этот господин перелезал через кладбищенскую ограду.

Спрашивается: что делает упитанный, хорошо одетый (хоть и чумазый) человек ночью на кладбище? Обворовывает могилы? Сомнительно.

Пьянчужка ни жив ни мертв прижался к стене, стараясь скрыться в тени. В лунном свете мелькнуло лицо странного человека, и тут уж бедняге соглядатаю пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть от ужаса: он узнал этого ночного гуляку. То был владелец таверны «Колесо и мышь», с которым у пьянчужки случались разнообразные столкновения. Но не это устрашило его. А то прискорбное обстоятельство, что сей владелец таверны был мертв не менее месяца и мирно покоился в своей могиле. В наследство вступил его племянник (который, к слову сказать, и на порог теперь не пускает некоторых по-дозрительных типов).

— Ой-ой, — прошептал пьянчужка, не сводя побелевших глаз с мертвца, который шатающейся походкой удалялся по улице, направляясь в центр города. — Ой, что это делается...

Он задохнулся и приложил ко рту ладони.

Потому что над оградой показалась вторая голова. Лицо выглядело ужасно — белое, с отвисшими щеками и провалившимся ртом.

Этот, хоть и был пьянчужке незнаком, тоже был мертв. И пролежал он в земле несколько дольше, чем первый.

После второй или третьей попытки покойнику удалось забросить ногу на ограду. Он подтянулся на руках, потерял палец (на что не обратил внимания) и неловко свалился на землю по другую сторону кладбища. Он находился в каких-то двадцати шагах от потрясенного наблюдателя. До пьянчужки доносились запахи раскопанной земли и разложения. Его едва не вырвало — одни боги знают, как ему удалось удержаться и не завопить от страха и отвращения. А кошмар продолжался. Второй покойник вел себя точно так же, как и первый, — он осторожно побрел по улице.

Не желая больше находиться рядом с этим жутким местом, пьяница полетел по переулкам и мчался до тех пор, пока не оказался на площади, где стоял королевский дворец.

Конечно, дворец — не место для загулявших пьяниц. Это он кое-как понимал — краем воспаленного, истерзанного ужасом сознания. Но идти к себе домой он боялся. Мертвецы могут быть везде. Здесь хотя бы стоит стража.

В любое другое время наш пьянчужка избегал бы общества стражников. Потому что он не только любил употреблять горячительные напитки, но и прикладывал время от времени некоторые

не вполне законные усилия к тому, чтобы их раздобыть. Говоря проще, подворовывал на рынке.

Но сейчас стражники показались ему милее родных братьев. Аквилонские гвардейцы, обычно невозмутимые верзилы, которых трудно смутить, — и те вздрогнули и отпрянули, когда из темноты, завывая и захлебываясь слезами, к ним выскоцил оборванный человечек и бросился перед ними на колени. Он простирая к ним чумазые руки, весь трясясь и бормотал бессвязное.

— Уйди ты, — брезгливо выговорил наконец один из стражников. — Что ты здесь делаешь? Иди, проспись. Здесь тебе не кабак. Ты хоть знаешь, куда прибежал?

— Спасите, — лепетал пьяница. — Они везде...

— Кто? — полюбопытствовал второй стражник, наклоняясь к ползающему по мостовой пьянице и качнув при этом алебардой. — Кого ты увидел?

— Мертвцы...

— Пьяный бред, — сказал один стражник другому.

— Нет, клянусь! Клянусь богами! Почтенные стражники! — взвыл несчастный, видя, что его сейчас прогонят. — Не оставляйте меня одного! Здесь страшно! В Тарантию пришла порча!

Он так умолял, так пресмыкался и плакал, что стражники в конце концов позволили ему провести ночь рядом с ними, поставив единственным условием: замолчать и не двигаться.

А утром стало ясно, что все эти ужасы бедолаге не привиделись. Несколько человек в Таран-

тии были найдены мертвыми — задушенными, с проломленной головой, зарезанными в собственном доме.

Конан был мрачнее тучи, когда судья докладывал ему о происшествиях в столице.

— Соображения? — спросил наконец киммериец.

Судья молча развел руками.

— Ладно. Кто из погибших числился в расписках, которые ты нашел в хижине кладбищенского нищего?

Таковых оказалось двое. Однако остальные тоже каким-то боком — Конан чуял это! — имели отношение к задушенному старику.

Судья Геторикс наконец решился и высказал свое мнение:

— Ваше величество, между этими людьми есть нечто общее.

Конан взвел левую бровь, показывая, что внимательнейшим образом слушает.

— Все они унаследовали некоторое состояние от своих родителей или дядьев.

— Это довольно распространенное явление, — сухо заметил король.

— Все они вступили в наследство недавно, — упорно продолжал Геторикс. — Самое раннее — два месяца назад. После скоропостижной кончины богатых родственников.

— А это уже интереснее, — сказал король. — И знаешь, что я думаю?

— Вероятно, то же, что и я, — отважился Геторикс.

Король откинулся на спинку кресла и удовлетворенно улыбнулся.

— Говори.

— Я думаю, что все эти мертвецы были изведены колдовством. Что наследники побывали у известного нам кладбищенского нищего и заплатили ему, чтобы тот провел ритуалы черной магии. Что некоторые из них расплатились с колдуном деньгами или драгоценностями, а другие остались долговые расписки. И что после смерти черного мага сила его чар ослабла, и мертвецы начали выходить из могил, чтобы отомстить тем, кто стал причиной их смерти.

— Молодец! — рявкнул Конан. — Я вижу, что не ошибся, назначив тебя на должность судьи. Отлично, друг мой. Превосходно. Теперь осталось выяснить, где же украденные у кладбищенского нищего драгоценности. Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что один из клиентов колдуна — господин Грумент. Он вызвал гнев черного мага и послужил причиной появления в городе оживших мертвецов. И драгоценности у него.

— Именно. Когда мы их обнаружим, виновник кошмара станет известен всей Тарантии. — Конан вдруг зевнул. Он плохо спал все это время. — И мы сможем его с чистой совестью... а-ах... — Зевая, король едва не вывихнул челюсти. — ...четвертовать.

— Есть свидетель, — сказал вдруг Геторикс.

— Какой свидетель? — насторожился Конан.

— Один пьяничка. Он первым увидел, как

мертвецы выбираются из могил. Он был так напуган, что прибежал ко дворцу и умолял стражников оставить его ночевать в казарме.

— Он до сих пор там? — заинтересовался король.

— Да, ваше величество. Наотрез отказывается выходить. Когда его пытались вытащить, вцепился в огромный дубовый стол, за которым обычно трапезничает целый отряд, и держался так крепко, что оторвать его не удалось. Сдвинулся стол.

— Поразительно! Я хочу видеть этого отважного пьяницу, — заявил король.

И Конан вместе с Геториксом немедленно отправился в казарму. Картина происходящего была Конану, в общем, ясна, но его забавляли некоторые люди. В былое время он нередко проводил с ними много времени и хорошо знал: те, кто выглядят ничтожными и ни на что не годными, иногда оказываются способны на настоящие подвиги. Или — вынужден был напомнить себе король — на настоящие подлости. Такое тоже случается.

Бедный пьяничка забился в угол казармы и глядел по сторонам ошалевшими выпущенными глазами. У него болела голова, но никто из бессердечных стражников не догадался дать ему вина. Он был также голоден, но об этом даже не знал. Умереть от голода и жажды представлялось ему лучшей участью, нежели погибнуть от лап живого мертвеца.

Конан вошел в казарму и с любопытством посмотрел на «свидетеля».

— Эй, ты, — позвал король. — Иди-ка сюда.

— Я? — ужаснулся чему-то пьяничка.

— Ну да, ты. Как тебя зовут?

Пьяничка задумался.

— Ну... Тибур.

— Тибур? Не тот ли Тибур, которого в прошлом месяце публично высекли на рыночной площади за кражи?

— Нет, нет. Совсем другой. Тот Тибур мне даже не родственник, — быстро сказал пьяница.

— Вина мне и Тибуру! — крикнул Конан громовым голосом.

Один из стражников немедленно подскочил к королю с кувшином. Конан уселся за стол, который действительно был немного сдвинут с места, и поманил Тибура пальцем.

— Иди, иди. Ты ведь хочешь выпить?

— Больше всего на свете, — искренне сказал Тибур.

— Садись и пей. Расскажи мне обо всем, что ты видел.

— Ладно, господин. Все расскажу без утайки... — Тибур выбрался из своего угла, приблизился к Конану и вдруг затрясся всем телом. — Вы ведь... вы ведь король? Конан? Ваше вели...

Он повалился на пол лицом вниз. Конан ленясько подтолкнул его ногой.

— Да, я король, а ты сейчас сядешь рядом, выпьешь со мной вина и обо всем расскажешь. А потом, если я решу, что ты достоин награды, я дам тебе пару монет.

— Выпить с королем — вот награда... — про-

бормотал Тибур. Он осторожно поднял голову, увидел, что король насмешливо улыбается, сразу осмелел и уселся на краешек скамьи.

...И до конца дней своих потом рассказывал по тавернам, как пил с самим Конаном-киммерийцем, королем Аквилонии. Ему, естественно, не верили, но охотно угождали выпивкой — лишь бы послушать страшную историю о живых мертвецах и королевской награде — двух золотых монетах, которые Тибур носил на веревочке на шее.

* * *

Однако не следует так далеко забегать вперед. Отпустив Тибура, пьяного от счастья, Конан вернулся во дворец. Его уже ждала небольшая делегация из двух десятков почтенных граждан, как доложил его величеству дежурный капитан стражи.

— Пустить, — махнул рукой король. — Чем скорее я узнаю все новости, тем лучше. И распорядись, чтобы мне подали завтрак в зал для приемов.

Таким образом, когда делегация была допущена к королю, его величество сидел на троне, держа на коленях большое блюдо с мясом и хлебными лепешками, и ел.

— Говорите, — обратился к вошедшим король, жуя. — Не обращайте внимания.

— Но ваше величество... — попятился один из делегатов, важного вида мужчина в черной бархатной одежде. — Мы не смеем мешать...

— Я же сказал — говорите! — рявкнул король

с набитым ртом. — Мне некогда. Я не могу позволить себе сперва позавтракать, а потом выслушать новости. Слишком быстро все происходит.

— Ваше величество прав, — произнес другой посетитель, худощавый человек лет тридцати, в красном атласе и золотой цепью на шее. — Мы напуганы. Мы, уважаемые жители Тарантии, боимся живых мертвецов. До вчерашней ночи мы полагали, что, законно вступив в права наследования, мы находимся в полной безопасности. Но случившееся...

Конан впился зубами в кусок мяса.

— Кстати, — сказал его величество спустя несколько секунд, — а все ли из вас законно вступили в права наследования? Может, кто-нибудь прибил своего дядю или папашу?

Грубый тон короля смущил многих. Но по-настоящему обозлились только двое, и Конан тотчас взял их на заметку.

— Нет, ваше величество, — от лица всех присутствующих важно проговорил господин в черном бархате. — Ничего подобного у нас и в мыслях не было. Мы все — добропорядочные, законопослушные...

Конан махнул ему рукой, чтобы замолчал, и обрызгал жиром бархатные одежды собеседника.

— Понятно, понятно, — произнес король. — Можете не продолжать. Что вам угодно от меня?

Заговорил третий посетитель — совсем молодой человек, бледный, востроносый, с темными кругами под глазами.

— Мы все полагаем, что мертвецы оживают,

потому что некто осквернил их своим черным колдовством.

— Согласен, — сказал король.

— Ваше величество повелел арестовать некую ведьму Корацеziю, — продолжал востроносый. — Она совершенно справедливо содержится под стражей. Наши мертвые требуют возмездия. И возмездие возможно лишь одно: виновница их гибели должна быть уничтожена!

— Так вы признаете, что обращались к колдуну с просьбой извести ваших богатых родственников? — язвительно спросил король.

Востроносый отшатнулся, а остальные за его спиной принялись возмущенно перешептываться.

— Ваше величество не понял, — вмешался тот, что в черном бархате. — Мы вовсе не виновны в этом преступлении. Но ожившие мертвецы угрожают всему городу. И в их появлении мы обвиняем Корацеziю. Мы требуем ее смерти!

— А, — сказал король и принялся ковырять в зубах. — Теперь понятно. Ступайте, господа! Я приму все меры к тому, чтобы ожившие мертвецы снова стали спокойными мертвецами и заснули вечным сном в глубоких могилах.

И властным жестом он показал, что аудиенция окончена.

* * *

Некий человек по имени Гавий не стал тратить времени и ходить к королю с прошениями. Едва прослышиав о том, что случилось в столице

этой ночью, он мгновенно сделал определенные выводы и принял решение. Он собрал в мешок некоторое количество золотых монет и драгоценных камней, в другой уложил припасы, позвал слугу и велел подготовить двух лошадей и вьючного мула.

— Мы уезжаем из Тарантии, — объявил Гавий. — Ты будешь меня сопровождать.

— Могу я спросить господина, куда мы направляемся? — осторожно осведомился слуга. Он кое-что знал о своем хозяине и имел определенные подозрения на его счет.

— Пока что переправимся за реку Хорот, — нервно ответил Гавий. — Кто знает, может быть, они не могут преодолевать водные преграды...

— Кто «они»? — спросил слуга и тут же склонил голову.

— Не твоё дело! Я же сказал — подготовь двух лошадей и мула. Навьючь на мула вот эти мешки. Встречаемся во дворе. Думаю, за неделю добаться до Танасула. — Последнюю фразу он пробормотал под нос, явно разговаривая сам с собой. Слуга плеснул и, потирая щеку, на которой отпечаталась красная хозяйская пятерня, отправился в конюшню.

Вскоре они уже мчались, сломя голову, к переправе через реку чуть севернее столицы. Слуга был почти уверен, что дело именно в том странном ночном происшествии. Служанки на базаре (которые всегда и все знают в самых подробных деталях) говорят — мертвцы убивают тех, кто извел их порчей. А старший сводный брат госпо-

дина Гавия скончался не так давно — и от очень странной болезни. Самым странным в этой хвори была ее внезапность. Старший Гавий был здоров, как бык, и вдруг начал чахнуть на глазах. Он увядал и таял, как девица, которая томится по возлюбленном. И в конце концов умер. Вот так история! И тотчас объявился Гавий-младший и заявил о наследстве.

Прошлое — такая неприятная штука! Особенно если оно подозрительное. И особенно — если оно упорно не желает оставаться в прошлом и все время лезет в настоящее, вмешиваясь в ход событий.

Утро не предвещало никаких бед. Солнце вот-вот показалось из-за горизонта. На траве искарилась роса, река медленно несла свои воды на свидание к притокам — Тайбору и Красной, чтобы потом, объединившись, влиться в бескрайнее море возле Мессантии. То и дело по водной глади расходились круги — там плескала рыба.

Переправа была уже видна вдали — паром, устроенный здесь в незапамятные времена. Паромщик, конечно, еще спит — в такое время суток желающих переправиться за реку найдется немного. Но ничего, его разбудят. А золотая монета подбодрит его и заставит хорошенъко по-трудиться. Так размышлял Гавий, глядываясь вперед. Слуга угрюмо тащился за ним. Если ожившие мертвцы не успокоятся, пока не прикончат всех, кто свел их в могилу, то ему, Деку, который много лет служит семейству Гавиев, лучше бы держаться подальше от молодого на-

следника. Как бы не оказалось, что служанки на рынке вышли кругом правы. Эти болтушки — они ведь не только болтать умеют, но и слушать. Ох, много всякого разного доходит до их ушей!

Дек поскреб затылок, размыслия о происходящем. Конечно, лучше всего было бы сейчас дать деру. Но у хозяина лошадь лучше — догонит, и тогда... не стоит даже задумываться над тем, что «тогда». Рука у молодого Гавия тяжелая. И Дек опять потер щеку.

Перевозчик, как ни странно, не спал. Сидел себе на берегу и как будто поджидал пассажиров. Это насторожило Дека, но обрадовало Гавия.

— Смотри! — он подтолкнул слугу в бок. — Кажется, мы оторвались от погони. Если тот, о ком я думаю, и преследует нас, мы будем на противоположном берегу реки прежде, чем он доберется до переправы. Очень хорошо! А я обрублю канат, и паром выйдет из строя до вечера... К вечеру мы будем далеко отсюда.

Дек угрюмо поглядел на хозяина, но промолчал. Ему не хотелось поддерживать разговор.

Тем временем паромщик медленно поднялся и не спеша заковылял навстречу Гавию и его слуге. Он шел вразвалку, как будто ему трудно было волочить по земле ноги. Эта походка заставила Дека насторожиться. Что-то показалось ему подозрительным. Он не мог сказать — что именно. Просто... нехорошо как-то.

Не могли высказать своего мнения и бессловесные твари — лошади и мул, но их поведение говорило само за себя, таким выразительным оно

было. Мул, всегда такой смиренный и покладистый, вдруг бешено раздул ноздри, заржал и поднялся на дыбы, а потом повернулся и что есть духу галопом пропустил прочь от переправы. Не лучше вели себя и верховые лошади. Как ни пытались управлять ими всадники, они бесились, брыкались и в конце концов сбросили на землю седоков, после чего побежали вслед за мулом.

Гавий, сидя на земле и потирая ушибленную спину, глядел, как удирают его животные. Вместе с мулом от него стремительно удалялись немалые сокровища и припасы, столь необходимые в дороге. Однако страх смерти пересилил алчность. Мертвому богатства не нужны, это всякий знает. Ко гробу, как говорится, не приделаешь карман. И Гавий с трудом поднялся на ноги. Теперь и он ковылял не хуже перевозчика. А тот был уже довольно близко.

Дек поскорее отполз в кусты. Самое время бежать! Хозяин слишком занят своей ушибленной персоной — сейчас он вовсе позабыл о слуге. Но скоро Гавий вспомнит о нем. Вспомнит — да будет поздно! Нет уж. Старый Дек не такой болван, каким кажется. Всю жизнь он проработал у Гавиев, изучил их вдоль и поперек. Одни Гавии ему нравились, другие — вовсе не нравились, а этот, последний, — и дурак, и подлец, ничтожная дрянь, одним словом. Старый Дек потихоньку покинет его и вернется в Тарантию, в обжитой дом в центре столицы. И будет жить там, сторожить дом и хозяйское имущество, пока не объявитя какой-нибудь дальний родственник.

Потому что с теперешним Гавием — и Дек видел это слишком ясно — покончено.

Паромщик приблизился к Гавию вплотную — рыхлая, воняющая землей туша. Почекневший рот раскрылся, пахнуло гнилью.

— Ну что, сводный братец? — низким, рокочущим голосом произнес «паромщик». — Вот мы с тобой и встретились!

Дикие вопли Гавия долго еще преследовали убегающего Дека, пока тот, не разбирая дороги, несся вдоль реки, обратно в Тарантию.

* * *

Грумент, проснувшись в своем особняке, обнаружил — к собственному возмущению — что в доме нет ни одного слуги. Все разбежались кто куда. Поначалу он приписал это какому-то мятежу, который, вероятно, начался в столице.

Ничего удивительно — при правлении короля-варвара!..

Однако ближе к полудню кое-какие слухи стали доходить и до Грумента, который отважился выйти на улицу и прогуляться. Никаких признаков мятежа он не обнаружил; равно никто из врагов не пытался штурмовать столицу Аквилии. Ничего такого. И все же прохожие выглядели бледными и взволнованными, и на всех углах, на площадях, возле фонтанов собирались зеваки по двое, по трое, а то и небольшой толпой. Все они переговаривались, взволнованно размахивая руками и то и дело повышая голос, чтобы

вскрикнуть: «Не может быть!», «Какой ужас!» или «Поделом вору и мука».

На одном углу Грумент вдруг заметил своего камердинера и устремился к нему. Однако камердинер при виде хозяина побелел, как стена, возле которой он околачивался, подскочил на месте — точно узрел призрака — и бросился бежать со всех ног.

Толпа сомкнулась, не пропуская Грумента и позволив нерадивому слуге скрыться.

— Что происходит? — выкрикнул Грумент, с ненавистью разглядывая глупые плебейские рожи, которые пялились на него со страхом и отвращением. — В чем дело? Куда все разбегаются? В городе чума?

— Хуже, господин, — промямлил один из простолюдинов, которого Грумент ухватил за горло и тискал, не на шутку угрожая придушить. — Ожившие мертвецы! Нападают на богачей!

Грумент отпустил зеваку и широкими шагами удалился. Он возвращался домой. Тарантия охвачена паникой. И Грумент лучше, чем кто бы то ни было, догадывался о причинах этой паники. А это означало...

Это означало, что проклятый король-варвар либо уже все знает, либо скоро пронюхает правду и явится прямиком к Грументу. Конан ненавидел магию и не делал из этого тайны. И Грументу лучше поостеречься. Покинуть столицу так, чтобы об этом никто не знал, ему уже не удастся — за его домом наверняка следят. И то неслыханное, о чем шепчутся на улицах, то, что восста-

ло из могил, взвыая к отмщению и справедливости, тоже стережет Грумента. Оно может оказаться где угодно. Самым безопасным местом является особняк.

Грумент забаррикадировал двери, закрыл окна ставнями, обложился оружием и стал ждать.

Времени прошло совсем немного, когда в дверь постучали. Грумент усмехнулся, но даже не пошевелился. Если им так нужно войти, пусть ломают дверь. Это займет у них немало времени. А к тому моменту, когда стражники будут здесь, они изрядно подустанут, и справиться с ними не составит большого труда.

— Откройте именем короля! — прокричал чей-то громовой голос.

Очень хорошо. Пусть трудятся. Им за это жалованье выплачивают. Грумент фыркнул и провел пальцем по острию своего меча. Отец недурно обучил его фехтованию. Нанимал для отпрыска лучших учителей. Вообще, надо признать, заботливый был папаша. Только вот зажился на свете, так что пришлось его поторопить. Единственный его недостаток.

Внизу что-то рухнуло. Грохот раскатился по дому. Грумент вскочил. Как быстро! Сколько же там народу? Они, похоже, решили штурмовать дом, словно вражескую крепость! Уж не таран ли они с собой прихватили?

Но все оказалось гораздо хуже. Нет, тарана с городскими стражниками не было. Зато с ними был сам король Конан, собственной персоной. В сером плаще с капюшоном, с обнаженным мечом

в руке, киммериец ворвался в комнату, где отсиживался Грумент.

Тот вдруг узнал соглядатая, который шпионил за его домом. Так вот кто был тот неведомый человек! Так вот почему наемные убийцы так и не явились за своей платой! Ничего удивительного — король Конан мог передушить их одной рукой, как слепых кутят.

И теперь этот страшный человек, этот варвар на королевском троне, стоял перед Грументом и весело улыбался — как будто они встретились за кружкой доброго темного эля где-нибудь в придорожной таверне. Старые друзья-приятели.

— Я предлагаю тебе положить оружие и сдаться, — сказал Конан. — Расскажешь обо всех своих преступлениях, и я позабочусь о том, чтобы твое упитанное тельце не досталось на завтрак мертвцам.

— Я не совершил никаких преступлений! — выкрикнул Грумент в отчаянии и поднял меч.

— Почему-то я сильно сомневаюсь, — ответил Конан. — Но если ты хочешь — сразимся. Надеюсь, ты умеешь владеть этой железкой, в которую ты вцепился, точно в материнскую сиську?

Зарычав, Грумент кинулся на короля. Стражники, которые поднялись в комнату вслед за его величеством, столпились у входа. Никому из них не приходило в голову вмешаться в поединок. Они уже знали, что король Конан терпеть такого не мог. После боя виновник отправится под арест, а то и вовсе вынужден будет покинуть Тарантию и королевскую службу. Поэтому они про-

сто наблюдали, время от времени разражаясь воплями и издевательским хохотом.

Грумент огромными прыжками скакал по комнате, то и дело налетая на громоздкую мебель. Конан, точно дикая кошка, скользил за ним. И непрерывно улыбался. В полутемной комнате с закрытыми ставнями то и дело вспыхивала белозубая улыбка варвара, ослепительная на загорелом обветренном лице.

Затем последовал выпад. Один-единственный. Меч вылетел из руки Грумента и с низким звоном вонзился в деревянные ставни. Грумент метнулся к своему оружию, но Конан, совершив мгновенный, неуловимый для глаза прыжок, оказался у него на пути. Улыбаясь, король покачал головой.

— Даже не думай об этом, вонючка. Ты арестован. Моим именем ты будешь препровожден к месту казни... Берите его, ребята! — обратился он к стражникам, и они, как спущенные с привязи цепные псы, кинулись на осужденного.

Пока крепкие солдатские руки вязали преступника, король Конан стоял над ним, широко расставив ноги, и перечислял назидательным тоном — как будто делал внушение напроказывшему ребенку:

— Ты, дорогой мой, обвиняешься в клевете. Из-за тебя чуть не казнили неповинную женщину. Нехорошо! А еще аристократ и богатей. Фу, фу, фу. У бедняжки ведь есть ребенок, ты не знал? Девочка. Очаровательная малышка. Не в пример тебе, гадкий дурак. Ты обвиняешься в

том, что обратился к тайному магу. Магия в Тарантии запрещена. Забыл? Ах, дурашка. Запрещена, запрещена. Ты убил родного отца. Очень дурной поступок. А потом убил и тайного мага. Это единственный хороший поступок в твоей жизни. Но вот грабить его не следовало. Следовало отнести все его денежки в мою казну, а заодно сдать туда и долговые расписки... А, ты ничего не знал о долговых расписках? Были, были такие. И все, кто в них упомянут, будут арестованы и понесут справедливое наказание. Ташите его, ребята! — Эта последняя фраза была обращена к солдатам.

И господина Грумента, связанного по рукам и ногам, вытащили из его собственного дома и с шутками, прибаутками и издевательскими песнями потащили по улицам Тарантии.

Герольд в полном официальном облачении ждал Конана внизу. Он возглавил шествие, по дороге выкрикивая:

— Смотрите, жители Тарантии! Смотрите на человека, из-за которого мертвецы вышли из могил! Смотрите и на нашего доброго короля, который схватил его и сейчас предаст справедливой казни! Смотрите! Смотрите, жители Тарантии!

И жители Тарантии выбегали из домов, останавливаясь на пороге, и выглядывали из окон, они вылезали из сточных канав и выбирались из таверн, они останавливали телеги и лошадей, чтобы увидеть убийцу — сообщника колдуна. Они приветствовали Конана громкими возгласами и собирались толпами, чтобы бежать за про-

цессией и собственными глазами увидеть, чем закончится вся эта ужасная история.

Вот уже показалась длинная стена, отгораживающая кладбище от мира живых.

Конан велел стражникам внести связанного Грумента на кладбище и там привязать к дереву; что касается любопытных, то большинство из них благоразумно устроились на стене или крышах близлежащих домов. Лишь немногие прошли вслед за королем и стражей на саму территорию кладбища, — самые отважные или самые безумные.

Грумент заговорил, прервав долгое молчание.

— Ты не сделаешь этого, проклятый варвар! — зашипел он, пытаясь плюнуть в Конана. Слюна бессильно текла у него по подбородку.

Конан смотрел на него холодными синими глазами. Ни один мускул не дрогнул на суровом лице короля.

— Я сделаю это, — после короткой паузы ответил король. — И вся Тарантия станет свидетелем твоей позорной смерти.

Он велел стражникам оставить возле осужденного факелы — на тот случай, если ждать придется до темноты, — и убираться из опасного места. То же самое он посоветовал сделать и зевакам. Королю не пришлось прибегать к помощи герольда: когда он хотел, его зычный голос легко раскатывался на большое расстояние, и горожане тогда вспоминали, что их королю доводилось командовать армиями.

— Уходите! — крикнул Конан. — Вы можете

смотреть за происходящим издали! Зрешице того стоит, хотя оно опасно!

И сам, подавая пример, вышел с кладбища. Впрочем, короля вскоре увидели на крыше одного из домов. Там он устроился с большим удобством — польщенные хозяева дома, небогатые и совсем незнатные люди, принесли его величеству свой лучший матрас (из которого, когда его встряхивали, сыпались блохи) и шелковое покрывало (дабы предохранить от вышеупомянутых блох), а затем подали в глиняной кружке кислого вина и прислали дочку, девушку лет пятнадцати, прислуживать его величеству. Дочка, чумазая и хмурая, глядела на короля так, что это могло вызвать оскомину, причем пытаясь одновременно с тем любезно улыбаться. Конан махнул ей рукой:

— Садись и молчи. Или уходи, если тебе не интересно, что там произойдет.

— Мне интересно, — медленно протянула девушка и уселась рядом с королем на матрасе с таким видом, будто делала ему одолжение.

Прошло совсем немного времени, и на кладбище началось шевеление. Медленно закачались кусты, потом с громким скрипом отодвинулся в сторону могильный камень... Приподнялся кусок дерна... Отовсюду протянулись полусгнившие руки с отросшими за время лежания в могиле ногтями. Показались мертвцы. Их скорбные лица с отваливающимися кусками плоти и незрячими глазами повернулись в сторону Грумента. Запавшие рты шевелились, зубы при усилии что-либо сказать вы-

падали изо рта. Со всех сторон они окружили осужденного, шумно принююхиваясь к нему.

Затем из их толпы выступил плотный мертвец в хорошо сохранившейся парчовой одежде. Его голос звучал низко и сипло из-за того, что голосовые связки уже тронуло разложение.

— Мой сын! — произнес он медленно, прилагая все усилия к тому, чтобы четко выговаривать слова. — Я любил тебя!

Этот дрожащий голос потрясал до глубины души.

Грумент дрогнул. Веревки, удерживающие его у ствола дерева, натянулись, жилы на шее осужденного напряглись, лицо посинело от тщетного усилия освободиться.

— Нет! — завопил он. — Конан! Освободи меня! Мой король! Спаси меня!

— Убийца! — прогремел Конан с криком. Девушка, сидевшая рядом с ним, так и подскочила на месте от неожиданности — к великому тайному удовольствию короля.

— Да, я убил его! — верещал что есть мочи Грумент. — Ну и что? Он меня тиранил! Не давал денег!

— Мой сын... — медленно повторил оживший покойник и протянул к шее Грумента страшные руки.

* * *

— Тебе нет надобности возвращаться в тот дом, — сказал Конан Корацеции, когда судья Ге-

торикс (отчего-то смущенно краснея) представил ее королю. Корацеция, в новом красивом платье со шнурованным лифом, застыла в поклоне. Конан с удовольствием рассматривал эту женщину, зрелую, с пышными волосами и мягким взглядом круглых светлых глаз.

— Ваше величество, — пролепетала Корацеция. Она явно не знала, что сказать.

— Я с удовольствием видел бы тебя во дворце, — продолжал король. — Надеюсь, ты хорошо чистишь серебро... Да и твоя дочка, кажется, привыкла к этим покоям.

— Благодарю, — прошептала Корацеция.

— А если тебе захочется снова выйти замуж, — продолжал король, бросая на Геторикса косой, лукавый взгляд, — то, полагаю, препятствий тебе никто чинить не станет. Ни злопыхатели-соседи, ни даже чья-нибудь чересчур властная матушка. Во всяком случае, ты и твой избранник всегда вправе рассчитывать на поддержку своего короля!

Потерянный город

Редко конца и края этим джунглям. Сквозь бесконечное их зеленое море уж который день пробирается молодой человек. Черные Королевства только называются «королевствами» — человечьи поселения встречаются здесь не чаще, чем острова в открытом океане. Боги, должно быть, веселятся сейчас, поглядывая сверху на человека — им-то хорошо видно, как долго еще брести ему, выпутываясь из цепких объятий лиан, прорубая себе путь сквозь сплошные заросли, то проваливаясь по пояс в трясину, то сбивая себе ноги о каменистую почву. И все же деревня небольшого черного племени неуклонно приближается.

Молодой человек не принадлежит ни к одному из чернокожих народов, что населяют эти земли. Он не похож ни на кого из местных: рослый, мускулистый, синеглазый, огромного роста.

Он массивен, хоть ни капли жира нет в его крепком теле. Загорелая кожа так обветрилась, что выглядит почти черной. И все же с первого взгляда понятно, что он — белой расы, пришелец с далекого севера.

— Кром! — бормотал он. — Полдня назад я видел след человеческой ноги. Не может быть, чтобы мне показалось. Здесь поблизости есть люди. Какой-то человек выходил на охоту. А! — Он остановился, прищурился, откинул со лба спутанные черные волосы. — Вон обломок копья, клянусь богами!

Он подошел ближе, поднял то, что показалось ему обломком копья. Это была простая палка, однако отполированная прикосновением человеческой руки и остроганная на конце.

— Здесь крепился наконечник, — сказал себе молодой человек. — Он сломал копье и снял наконечник, или мое имя не Конан!

Ободренный новой находкой, он запагал уверенное.

Конану было необходимо найти жилище и людей, потому что день назад в схватке с леопардом он получил довольно серьезную рану. И хоть он перевязал ее, как умел, остатками своей одежды, без заботливого ухода ему долго не протянуть в этих джунглях. Так уж заведено, что здесь, на Черных землях, раны белых людей быстро начинают гноиться, и белый погибает — тогда как черный человек в состоянии выжить. Здесь сама земля знает, кого ей беречь, а кого принять в свое влажное, всепоглощающее лоно.

Конан заскрежетал зубами, чувствуя, как струйка крови вновь побежала по ноге. Разорванный бок горел, как в огне. Он сорвал несколько листьев, пожевал их и приложил к ране зеленую кашницу, чтобы остановить кровь, но это больше не помогало.

Собрав все свои силы, молодой человек побрел дальше.

Лес расступился перед ним, словно признав, наконец, превосходство человека над стихией деревьев и трав. Конан, конечно, знал, что это не так. Человек вынужден побеждать стихию всю жизнь, до самой смерти, пока стихия в конце концов не одолеет его. Ни море, ни лес, ни горы не сдаются; они старше, они более могущественны и боги зачастую на их стороне. И если хрупкая, такая ранимая человеческая плоть иногда одерживает верх, то только благодаря несокрушимой силе духа, заключенной в телесную оболочку, которую так просто разрушить.

Улыбка медленно проступила на загорелом лице киммерийца, сверкнули зубы, загорелись синие глаза. На поляне, вырубленной в сердце огромного леса, стояло два десятка круглых хижин. Листья, небрежно набросанные на крышу, чуть шевелились под слабым ветерком. Посреди поляны горел огромный костер, там хлопотали женщины, почти совершенно обнаженные, если не считать юбок из сухих листьев. Многие из «цивилизованных людей» сочли бы такой наряд дикарским и уродливым, но Конан — сам такой же варвар, как и эти люди, — умел видеть в нем

своебразную красоту. Эти юбки подчеркивали женственность негритянок, широту их бедер, плавность их походки — походки женщин, привыкших носить на голове огромные корзины с фруктами и кувшины с водой.

Поначалу появление незнакомца оставалось в деревне незамеченным. Женщины продолжали свою работу: одни били деревянными колотушками по корням каких-то растений, чтобы расщепить их и превратить в нити, из которых потом можно ткать; другие растирали зерно маленькими каменными жерновами; трети скребли острыми камнями снятые с животных шкуры. Мужчины, человек пять, сидели отдельно на земле и болтали между собой, то и дело посматривая в сторону женщин. Это были охотники, недавно вернувшиеся после удачного промысла; они были голодны и ждали, пока будет готово мясо. Несколько девушек нарезали сырое мясо ломтями, чтобы завялить; остальное варилось в котле, и оттуда на всю округу распространялись манящие ароматы.

Несколько тощих полудиких собак, похожих на шакалов, вертелось поблизости, и женщины, смеясь, бросали в них комьями земли и камнями. Псы, поджав хвосты, отбегали и жалобно скучали, поглядывая издалека на котел и жестоко-сердых хозяек. Совершенно голые дети также разгуливали неподалеку, выпячивая круглые животы с выпирающим пупком. Один раз Конан заметил поразительную красавицу — огромные черные глаза, курчавые волосы, схваченные нит-

кой на затылке, гибкое черное, блестящее тело. Девушка лет тринадцати выглядывала из хижины, не решаясь выйти. Она была не то наказана за что-то, не то просто пряталась, чтобы ее не заставили выполнять какую-нибудь тяжелую работу, которую женщины-матери обычно перекладывали на своих подросших дочерей. Просто удивительно, как из маленьких карапузов вырастают такие красотки, подумал Конан. Эта загадка никогда не переставала его удивлять.

Он так загляделся на красавицу, угадывая ее фигуру в полумраке хижины за откинутым пологом, что выступил из чащи и на некоторое время утратил бдительность. Его заметили.

Мужчины прекратили беспечную болтовню и вскочили на ноги, хватаясь за копья. Женщины тоже прекратили работу, но убегать не спешили. Они находились у себя дома, под защитой охотников, а незнакомец, судя по всему, пришел один.

Конан крикнул несколько слов на языках известных ему черных племен, а потом развел руки в стороны и показал, что безоружен. Открылась рана на боку. Конан сорвал повязку и показал также рану.

— Леопард! — воскликнул один из охотников. Он бесстрашно подошел к гиганту-киммерийцу, который был выше его на две с половиной головы и шире по крайней мере в полтора раза. — Ты сражался с леопардом и остался жив! Смотри!

И он указал на длинный кривой шрам, ползущий вверх по тощему бедру.

— Я тоже бился с леопардом! Я победил леопарда!

— Не хвастайся, Ньяса! — крикнула одна из женщин и засияла веселым смехом. — Я знаю, как это было! Детеныш леопарда оцарапал тебя лапой, и ты удрал, пока не появилась его мать!

— Возможно, так и было, — не утратил достоинства Ньяса и повернулся к женщине. Он потряс жилистым кулаком. — Зато я до сих пор жив и могу кормить тебя мясом. А тот, кто дождался бы самки леопарда, вряд ли был бы полезен своему народу! Он стал бы молоком самки и питанием для ее детеныша!

— Довольно почтенная судьба, — заметил Конан и пропел: — О, смерть, ступающая на мягких лапах, таящаяся в темноте! Когда нанесешь ты удар? Прекрасная смерть, крадущаяся на мягких лапах!

— Ты знаешь! — восхитился Ньяса. — Ты видел прекрасную смерть на мягких лапах!

— И убил ее, — сказал Конан. — Если вы поспешите, то, возможно, отыщете мертвого леопарда в дне пути отсюда.

— Почему же ты не взял его с собой?

— Потому что едва унес оттуда ноги. У меня не было сил, — признался Конан. — По правде сказать, если вы мне не поможете, я истеку кровью. Вы легко отыщете дорогу, если пойдете по кровавым следам.

Несколько охотников, ни слова не говоря, тотчас засобирались в путь. Бросать такую драгоценную вещь, как шкура леопарда, им не хотелось.

Конечно, она принадлежит этому незнакомцу. Но ведь незнакомец просит у них убежища и помощи. Возможно, он согласится заплатить шкурой.

Так и вышло.

— Если вы поможете мне, то возьмите шкуру себе, — сказал Конан.

— Они и так забрали бы шкуру, — понизив голос, заметил ему Ньяса. Он приплясывал на месте от возбуждения, и его широкие плоские ступни хлопали по утрамбованной земле, как лапки лягушки. Вообще в своей деревне он слыл врагом, неудачником и пересмешником — словом, пустым человеком. Может быть, поэтому он так потянулся к пришельцу: Конан, по крайней мере, еще не знает о его репутации.

— Ты сильно ошибаешься, друг, — сказал Конан, — никто не взял бы шкуру моего леопарда без моего разрешения.

Ньяса окинул его взглядом. Пришелец едва держался на ногах, так он ослабел от голода и потери крови. И все-таки угрожающее выражение еще не исчезло из его синих глаз. И Ньяса вдруг понял, что этот человек — и сам прекрасная смерть на мягких лапах. Если его обидеть, он вернется и отомстит за себя.

Охотник чуть отступил.

— Назови свое имя старейшинам и оставайся, — сказал он. — Женщины помогут тебе.

Он высоко поднял голову и с достоинством отступил в тень, туда, где бездельничали прочие мужчины — за исключением троих, ушедших в джунгли за конановой добычей.

Старейшин оказалось двое: один, совсем немощный старец, лежал на соломенных циновках и дремал, полузакрыв глаза. На его морщинистых веках сидели мухи, одна его щека все время подергивалась. Рядом вертелся мальчик лет десяти с опахалом из пальмовых листьев. Он должен был отгонять мух от почтенного старика, однако частенько пренебрегал своими обязанностями ради того, чтобы поковырять в носу или погрызть орехи. Еще у него был приятель в лице маленькой землеройки, которую он то и дело ловил и угощал маленькими черными тараканчиками — их он выискивал тут же, причем в больших количествах.

Этот старейшина слабо махнул рукой, не желая разбираться в новом деле, возникшем в шумном, бесполковом мире живых. Он уже несколько лет был почти полностью погружен в мир духов, где находились все его друзья и подруги. Вместе с ними он, полный сил и здоровья, ходил на охоту, ловил обезьян, птиц с красивыми перьями, загонял антилоп, которые падали от усталости и глядели в лицо своему убийце прекрасными очами развратных женщин. Вместе с давно ушедшими красавицами он плясал вокруг шеста, увешанного перьями и шкурами, и любовался их сверкающими бедрами, выкрашенными красной краской и обмазанными маслом. В этот танец вмешивались духи, безобразные и прекрасные одновременно, с вечно изменяющимся обликом; от присутствия потусторонних сил делалось радостно, и все тело наполнялось мощью.

Простертый на циновках стариk вздрагивал, выгибался, мелко тряс высохшей рукой, а мальчишка скучно глядел на него из угла хижины и зевал во весь рот.

Второй старейшина представлял собой полную противоположность первому: это был довольно бодрый старикан, плотный, прожорливый. У него имелись две жены, и обе не выглядели недовольными. Дети старейшины бродили по деревне. Их было не менее десятка, как уверял самодовольный дед. Первая его супруга давно скончалась, и дети от нее выросли. Некоторые из них погибли в схватках с лесными зверями, а двое здравствуют до сих пор.

Этот старикан осмотрел раненого пришельца с головы до ног, а после, не сказав Конану ни слова, пронзительно закричал:

— Женщины! Бестолковые коровы! Глупые вертихвостки! Почему он истекает кровью? Почему не лежит под крышей? Такой воин! Нам нужен такой воин! Он заплатит нам охотой и подвигами! Он голоден! Он желает женщину!

Он махнул толстой рукой, приказывая Конану удалиться, и откинулся на постель из мягких шкур, где нежился весь день. Этот старейшина считался в деревне воплощением житейской мудрости — в противоположность первому, являвшему собой образ мудрости мистической.

Конана разместили в хижине, стоявшей ближе всех к лесу. Две старухи принялись ухаживать за ним, и одна застенчивая красавица приносила ему еду и питье. Перевязанный листьями, на-

кормленный лепешками, размоченными слюной, Конан чувствовал себя вполне довольным. Любой другой белый на его месте был бы несчастен — если бы вообще остался в живых, но только не киммериец. Вот преимущество «варварского происхождения», которым так любят попрекать его утонченные господа из «цивилизованного» мира. Конан ухмылялся, думая о них. Кое-кого неплохо бы отправить на месяц-другой в джунгли, а потом спросить у того, что останется от них после такого путешествия: «Ну как, приятель? Помогли тебе хорошие манеры? Пригодились прочитанные книги? Использовал ли ты свои философские премудрости, прорубаясь сквозь чащу и сражаясь с дикими зверями?»

Прохладные розовые ладошки гладили его лицо, влажные темные губы ласкали его щеки. Конан в полусне отвечал на эти ласки. Его могучие ручищи хватали мягкое, податливое женское тело, и кто-то гортально смеялся ему в ухо. Этот смех, похожий на голос влюбленной птицы, оставался с Конаном даже во сне. Наутро, проснувшись почти здоровым, он проникся уверенностью в том, что исцелила его именно любовь черной красавицы — и ничто иное. Хотя старухи с их отвратительными привычками утверждали, естественно, совсем иное.

Как многие дикарки, они были любопытны, смешливы и добродушны. Конан сдружился с одной по имени Мамаса. По ее словам, она произвела на свет восемнадцать детей, и все они достигли взрослого возраста. Этому легко было пове-

рить, глядя на ее высохшие груди, висящие почти до пупа. Мамаса носила жидкую юбку из листвьев, подобно всем женщинам своего племени. Ее кривые ноги уверенно топтали родную землю, ее зоркие маленькие глаза цепко озирали окрестности. За свою долгую жизнь Мамаса никогда не бывала дальше мили от родной деревни, но уж свою-то территорию она знала как собственную руку.

Старуха прикладывала к ранам Конана — которые действительно загноились, как и предполагал киммериец! — коротких толстых белых червей. Точнее, то были не черви, а личинки каких-то жуков. Эти отвратительные с виду существа, как пояснила Мамаса, пытаются разлагающейся плотью, поэтому они отлично отсасывают гной и очищают рану так, как никогда не сможет омыть ее вода. Конан полностью доверял ей в этом.

Она изучила свойства всех трав, растущих на этом клочке земли. Она знала голос каждой птицы, что пели на здешних деревьях. Ни один чужак не прошел бы мимо ее внимания — будь то леопард, сменивший место охоты, будь то антилопа, заблудившаяся в поисках сочной травы, или залетная птица, которая вплела свою песнь в общий хор.

— До чего же ты ладный мужчина, — приговаривала Мамаса, меняя повязку и мимоходом оглаживая мускулистый живот варвара. — Попался бы ты мне в руки урожаев десять назад...

— Так уж десять? — спрашивал Конан, стара-

ясь не смеяться. От смеха у него снова начинала болеть рана на боку.

Мамаса задумывалась недолго, а после, махнув рукой, соглашалась:

— Ну, две руки и одна... вот столько урожаев назад!

— Так уж две и одна? — хотела Конан. — Так недавно?

— Ты грубиян! Как ты смеешь дерзить старой женщине! — притворно возмущалась Мамаса. — Хорошо! Два раза по полной руке урожаев! — Она дважды выбрасывала все десять пальцев, показывая «двадцать».

— Ох, мать, ты была молода в те годы, когда мой дед едва только обрюхатил мою бабку, да и то не моим отцом, а его старшим братом, — стонал от смеха Конан.

— Но уж если бы мы с тобой повстречались тогда, — не моргнув глазом, отвечала Мамаса, — я бы точно не оплошала!

Она рассказывала киммерийцу сказки, которых знала великое множество, и все они были не-простойного содержания. Конан слушал, как ребенок. Подобно всем дикарям, он страшно любил истории.

— Вот кушай да слушай, — сказала как-то раз Мамаса, — жил один слепой. Мало что слепой — он был полный дурак и любил все необыкновенное. И все рассказывали ему небылицы, а он верил.

— Прямо как я, — вставил Конан, чуть приподнимаясь на локте, чтобы старухе было удобнее всовывать ему в рот кашу из зерен.

Ее черные сморщеные пацы хватали кашу из плоской миски и щепотью гискивались между губ варвара. Такой способ кормить больных считался в деревне самым верим — вместе с пищущей раненый получал частицы илы мудрой женщины.

— И вот как-то раз, — проложала Мамаса, — один парень, которому поржом надоел этот слепой, сказал ему: «Я видел, как в лесу, в полуудне перехода отсюда, земля првалилась. Стоишь на краю и слышишь, как жив подземные люди. Там птицы кричат, женщины елют зерно, поют песни. Аично я как раз оттуда иду!»

— Знаешь, Мамаса, бывал и в подобных местах, — перебил Конан. — Это не сказка. Это был. Это со мной случалось не раз.

— А, ты болтун, как все мкчины! — Мамаса помахала в воздухе костляво рукой. — Лучше молчи!

— Ладно, не обижайся. Чтсказал на это слепой?

— Слепой? Тебе в самом де интересно, что он сказал? — Мамаса хитро пшщурилась, отчего ее лицо все пошло множества морщин. — Он сказал: «Мне хотелось бы пойти к краю той трещины да послушать звуки, оторые доносятся из подземной страны». Целый день таскал хитрый парень слепого по лесу, лая вид, что провожает его до расщелины. А потом привел к собственной его хижине. «Мы прили. Вот здесь начинается подземная страна!» — так объявил хитрый парень.

Слепой прислушался. Кругом кричали птицы, женщины перетирали зерно. «Ой, как интересно!» — закричал глупый слепец и захлопал в ладоши, и закружился на месте, танцуя. Тут парень стукнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали другие жители той деревни и спросили, что же случилось, он пал перед ними лиц и закричал: «Я прошел к вам, в подземный город! Дозвольте мне жить среди вас!» И вдруг...

Старуха остановилась, пожевала губами, словно вспоминая что-то.

— Не мучай меня! — вскричал Конан и поперхнулся кашей.

Старуха отдернула руку.

— Шальной! Ты мне чуть пальцы не откусил!

— Я тебе голову откусу! — пригрозил киммериец. — Заканчивай историю.

— А! Вдруг слепец услышал, как хохочет его жена, которую он считал недостойной дурой, и спросил: «Жена! А ты-то как здесь оказалась?»

Конан фыркнул. Старуха смотрела на него, очень довольная.

Другие ее истории тоже по большей части касались приключений различных слепцов и калек. Здесь, в джунглях, где потерять глаза или конечности было проще простого, кувечьям относились просто. И сами калеки, забросив копья и луки со стрелами, становились рассказчиками и певцами. Их любили слушать и хорошо угощали.

— Кто из твоей родни был слеп, Мамаса? — спросил Конан, которому хорошо был известен этот обычай черных племен.

— А, ты и об этом догадался! Ты умный мальчик. Может быть, ты — мой сын? — Мамаса прищурилась. — Я родила так много детей, что не всех помню. Может быть, кто-то из них и был таким белым...

— Ты не могла быть моей матерью, — сказал Конан. — Ты была уже старухой, когда моя мать только входила в возраст и начала носить золотые украшения.

— А! Глупый белый дурак! — притворно обижалась Мамаса. — Та красивая черная девочка, что приходила к тебе ночью, — она тоже вышла из моих чресл...

— Скорее, из чресел твоей внучки, — сказал Конан. — Ну так кто из твоей родни был слеп?

Мамаса поглядела на киммерийца хитро, а потом дала ехидный ответ:

— Все!

Так Конан и не узнал этого.

Первые признаки беды явились в деревню, когда Конан уже начал вставать на ноги и набираться сил. Он становился крепче день ото дня, однако покидать своих гостеприимных хозяев не собирался. Старейшины не возражали: дети, рожденные от такого мощного мужчины, будут отличными охотниками, а сам он принесет деревне немалую пользу, выходя в джунгли вместе с прочими мужчинами племени.

Шкуру убитого Конаном леопарда повесили в

хижине младшего из старейшин. Впрочем, киммериец не интересовался ее судьбой. Главное — его собственная шкура заживала и рана на боку больше не беспокоила его.

Он весело болтал с женщинами, валяясь на траве рядом с ними, пока они занимались обычной домашней работой. Быстро мелькали округлые черные руки, поблескивали белки больших влажных глаз, посверкивали улыбки. Конан тянул слова, подражая Мамасе:

— Один слепец решил провести ночь с шаманкой. Ему сказали, что приведут к нему прекрасную шаманку, облаченную в шкуры и перья, которая своей любовью дарит неслыханную мужскую силу. И вот слепец украл из дома большую ляжку антилопы и печень зебры, которую его жена хотела приготовить на большой праздник, и отправился в лес, где, как ему сказали, ждет его шаманка.

А жена слепца узнала об этом и пошла по следам мужа, повесив себе на бедра перья петуха. Когда слепец забрел в лес достаточно далеко, женщина вдруг выступила перед ним и схватила его за руку. Слепец ощупал ее и заметил перья. Он решил, что перед ним и впрямь шаманка...

Женщины смеялись, не переставая вертеть жернова.

И вдруг все замерло. Конан увидел, как его слушательницы разом повернули головы в сторону джунглей. На мгновение они молча разглядывали то, что выступило из гущи леса, а затем с визгом разбежались, побросав на земле и зерно, и

зернотерки, и глиняные плошки. Конан медленно поднялся на ноги и обернулся.

Из леса вышел рослый черный человек с раскрашенным лицом. Образина, которую представляло собой его лицо, выглядела страшно: огромный оскаленный рот, вытаращенные красные глаза, синие зигзаги на выбеленных щеках. На голове у него была корона из перьев и костей, на шее — ожерелье из черепов мелких животных, бедра опоясывала волчья шкура.

В руке он держал шест, опоясанный лентами, перьями и бубенцами. Все это было выкрашено побуревшей кровью.

Подняв шест, он несколько раз сильно тряхнул им в воздухе и закричал. Звук этот, гортанный, сдавленный, вырывался, казалось, не из человеческого горла, а откуда-то из утробы, где рождаются самые страшные и низменные чувства.

— Манури! Манури! — кричали повсюду.

Конан озирался по сторонам, быстро соображая, как же ему быть. Затем увидел Ньяса, который делал киммерийцу отчаянные знаки. Одним прыжком Конан подскочил к нему.

— Манури! — зашептал Ньяса. — Берегись!

— Кто это?

— Шаман. Время от времени он приходит к нам и забирает еду и девушек.

— Почему?

— Бойся его! Его все боятся!

— Только не я! — сказал Конан. — Я достаточно оправился, чтобы свернуть ему шею!

И киммериец сделал движение, намереваясь

выйти вперед и расправиться с этим Манури по-своему. Ньяса повис у него на локте, болтая в воздухе ногами.

— Нет! Нет! Когда ему противоречат, он насыщает на деревню злого духа. Злой дух прилетает из ночи и пожирает нас.

— Всех? — иронически поинтересовался Конан.

— Не смейся! Не надо шутить! Он хватает первого попавшегося, и нет спасения от этого злого духа!

— Не можем же мы отдать ему урожай и красивую девушки? — продолжал упорствовать Конан. Эти смешливые люди нравились ему, и он не собирался допустить, чтобы какой-то размалеванный урод отбирал у них с таким трудом выращенный хлеб. А мысль о судьбе девушки наполняла киммерийца гневом. Эти ласковые красавицы прочно заняли место в большом сердце Конана.

— Молчи! Молчи! — умоляюще бормотал Ньяса.

Однако Конан уже освободился от его хватки и широкими шагами направился в сторону шамана.

— Эй, ты! — вызывающе крикнул Конан. — Я — Конан-киммериец! А ты кто такой?

— Манури! — громогласно проревел шаман. — Меня послал дух! Дух голоден! Дух желает лепешек, мяса и женщину!

— Один слепец тоже хотел мяса и женщину, — начал Конан. — Вот как-то раз отправился он на рыночную площадь, решив выдать себя за

духа; но одна ловкая женщина, которой глянулись золотые украшения на шее слепца...

— Мне нужны мясо и женщина! — закричал Манури и сильно затряс своим шестом. — Через шесть дней три убитых антилопы и две молодых красавицы должны ждать здесь, иначе дух будет прогневан!

Он шагнул назад и растворился в чаще леса. Конан помчался за ним следом. Поначалу он еще различал шаги шамана — то прымятая трава, то разорванные лианы, но затем всякие следы зловещей фигуры исчезли, словно их никогда и не было.

Конан огляделся по сторонам. Он не собирался возвращаться в деревню ни с чем. Не было еще такого случая, чтобы какой-нибудь злой дух одерживал над киммерийцем верх. На всякого злыдня найдется управа — так полагал варвар. Пусть надеяется ему не на кого — из чернокожих подмога плохая, слишком уж они напуганы! — он этого дела просто так не оставит.

Шаг за шагом углублялся Конан в джунгли, которые с такой неохотой выпустили его из своих смертоносных объятий. Киммериец чувствовал себя достаточно здоровым и сильным, чтобы пуститься в новое путешествие.

Снова и снова осматривался он вокруг в поисках малейшего намека на следы. Не мог же шаман провалиться сквозь землю! Подземные города существуют только в сказках старухи Мамасы... Впрочем, Конан и сам повидал на своем веку разные дива. Может быть, не все рассказы —

пустые. Куда-то же Манури должен был провалиться...

В том, что шаман — не дух, а самый настоящий человек, пусть и предавшийся злому духу, у Конана сомнений не было. А люди, хоть добрые, хоть злые, ходят по земле и оставляют следы.

— И даже если они летают по воздуху, — проговорил киммериец, с улыбкой разглядывая измятую лиану, свисающую со ствола ближайшего дерева, — то все равно следы остаются.

Он ухватился за лиану, оттолкнулся от ствола и полетел вперед.

— А здесь он приземлился, — добавил Конан, увидев в мягкой почве глубокие отпечатки. — Отлично! Теперь я знаю, куда он пошел...

— Я тоже, — раздался голос почти над самым его ухом.

Конан подпрыгнул так, словно его в пятку ужалила ядовитая земляная оса. Голос был женский. Он выговаривал слова со странно-знакомой интонацией. И на бритунском. Словом, это было то, что Конан не ожидал здесь услышать ни в коем случае. Рык пантеры, гул барабанов войны, яростные вопли дикарей, завывание злого духа — что угодно, только не женский голос и не бритунский язык.

Несколько секунд варвар хватал ртом воздух. Из чащи леса выступила... Зонара. Старая знакомая Конана по нескольким приключениям, неунывающая воровка, которую несколько раз едва не казнили на эшафоте, а уж сколько раз она избегала смерти во время своих головокружитель-

ных похождений в погоне за ускользающим богатством!

Зонара была одета в коротенькую тунику из мягкой коричневой ткани, голову ее охватывал блестящий платок, из-за плеча высывалась рукоять меча, который был явно великоват для девушки. На пояске ловко сидели в ножнах три кинжала.

— Зонара! — прошептал Конан, не веря собственным глазам.

— Ох, Конан, Конан! — Зонара пустилась в пляс, исполнив вокруг пораженного киммерийца боевой танец собственного изобретения. — Конан!

Она повисла у него на шее, извиваясь и обхватывая бедра киммерийца ногами. Когда-то Зонара была цирковой акробаткой и время от времени обожала упражняться, избрав партнера в качестве гимнастического снаряда.

— Пусти! — отбивался Конан. — Отстань, змея!

— В каком смысле — змея? — притворно возмущалась Зонара, обвивая шею Конана горячими руками и засматривая ему в лицо. — Ты хочешь сказать, что я коварна?

— Дорогая Зонара, ты коварна и гибка. Если бы не руки-ноги, я бы сказал, что ты — небольшая рогатая гадюка.

— Ну уж и гадюка! Конан!.. — капризно тянула Зонара. По всему было видно, что она вне себя от радости от встречи с киммерийцем.

— Смертоносна и прекрасна, — сказал киммериец, доказывая, что и он умеет быть любезным.

Зонара смирилась с комплиментом.

— Ладно, — смилиостивилась она и разжала объятия. — Так и быть, расскажу, что я здесь делаю. Ты ведь жаждешь это услышать?

Конан неопределенно пожал плечами. На самом деле от Зонары можно было ожидать чего угодно, и «жаждать» каких-либо объяснений от взбалмошной авантюристки ему не приходилось. К тому же он знал, что она не утерпит — расскажет ему все сама, без лишних просьб с его стороны.

— Слушай, — заговорила Зонара уже серьезно. — Здесь, в джунглях, находится Зевгма — заброшенный город. Говорят, его основали лемурийцы...

— Лемурийцы? — Конан скептически нахмурился. — Ты ничего не перепутала, Зонара? Лемурия слишком далеко отсюда.

— Говорят, — с нажимом повторила Зонара. — Ты меня слушаешь? В точности я ничего пока не знаю. Но говорят, что без лемурийцев здесь не обошлось. Кстати, представь себе ситуацию. Ты, друг Конан, бродишь по этим джунглям — и вдруг тебе в голову ударяет фантазия основать здесь, среди непроходимых чащоб, симпатичный городок. Наполнить его сокровищами, нагнать сюда красивых танцовщиц, устроить тут роскошную жизнь... Понимаешь? Потом ты умрешь, все здесь зарастет травой и сорняками, а спустя много лет какие-нибудь искатели, вроде нас с тобой, наткнутся на него и будут рассуждать: «Здесь? В Черных Королевствах? Город, основанный киммерийцами? Но это невозможно!»

— Хватит, Зонара! — не выдержал варвар. — Я больше не могу слушать твою болтовню. Переходи сразу к делу или убирайся. Джунгли большие, мы в состоянии разойтись так, чтобы больше не встречаться. По крайней мере, здесь. До встречи в Бритунии. Или в Офире.

И он повернулся, делая вид, что сейчас же уходит.

Зонара взвизгнула и схватила его за руку.

— Нет, подожди! Я серьезно! Тут большое дело, Конан!

Он нехотя остановился.

— Говори, только быстро! — угрожающим тоном велел он.

— Зевгма — древний город, потерянный в этих джунглях. Кто основал его на самом деле — конечно, неизвестно. Насчет лемурийцев — это моя догадка...

Конан тихо, сквозь зубы, зарычал, и Зонара поспешно оставила опасную тему.

— Сокровища! — выпалила она. — Развалины, почти совершенно поглощенные джунглями, а в них, под колоннами, в руинах дворцов, — бесчисленные сокровища!

Конан стал серьезен. Он видел, что Зонара действительно где-то раздобыла очень важные сведения.

— Рассказывай, — велел он. — Я помогу тебе. Точнее, я обещаю, что когда разделяюсь с моим делом, то помогу тебе.

— Тебе — одну треть! — обещала она и облизала губы.

— Разумеется, я оставлю тебе половину, — добавил киммериец небрежно.

Зонара тихо зашипела.

— Там столько, что хватит осчастливить всю Киммерию, да еще останется парочке офицеров, — сказала она, махнув рукой. — Бери себе половину.

— Где ты слышала о Зевгме? — требовательно спросил Конан.

— В Офире. У меня там были дела. Нет, не то, что ты подумал, — быстро добавила она. — Я выступала на местном празднике. Танцевала с лентами — это очень красивый номер. К несчастью, один человек меня узнал... К сожалению, он довольно уважаемый гражданин... И богатый... И влиятельный... Словом, мне пришлось спешно уносить ноги вместе с моими лентами.

Я нашла убежище у местной воровской гильдии. Эти добрые люди всегда готовы помочь женщине. Кроме меня, там гостил еще один человек. Он выглядел оборванным и совершенно безумным. Они не столько слушали его рассказы, сколько потешались над ним. Ради того и кормили, и оберегали, однако новую одежду ему не давали — их изрядно веселил его внешний вид. Часть его одежды была сплетена из засохших лиан, часть представляла рванину, а на голове он носил кусок коры. Представляешь?

— Представляю, — сухо сказал Конан. — Дальше, дальше!

— Этот человек — его звали Гиспал — рассказывал, что за ничтожную провинность был про-

дан на галеры, откуда сумел бежать. Их корабль потерпел крушение, и некоторым рабам удалось спастись. Он долго скитался по Черным землям, пока не вышел к разрушенному городу. Там он видел сокровища. Бесчетное число сокровищ. Он взял только одно кольцо.

— Он показывал это кольцо? — спросил Конан.

— Да, да! — воскликнула Зонара. — Вот оно!

И она протянула вперед руку. На ее пальце сверкнуло золотое кольцо. По всему пальцу тянулись изогнутые золотые проволочки, усыпанные драгоценными камнями, зелеными и красными, а в самом центре кольца, оплетенный этими проволочками, сверкал гигантский изумруд.

— Ты украла у безумца его достояние? — опасным тоном осведомился Конан. Если посмеиваться над уродами и сумасшедшими варварам не находил зазорным, то обкрадывать их и лишать пищи было в его глазах великим преступлением.

— Да нет же! — Зонара топнула ногой. — Если ты дослушаешь мой рассказ до конца, ты будешь думать обо мне не так плохо, как обычно!

Конан кивнул. В конце концов, он действительно сделал преждевременный вывод.

— Гиспал твердил и твердил про заброшенный город, про развалины, лианы, джунгли, лихорадку, змей, обезьян...

— Да, да, Зонара. Все это мы в изобилии видим вокруг.

— Он рассказывал о Зевгме с большими подробностями. У меня не осталось никаких сомнений в том, что он на самом деле побывал в странном месте. Что это не бред сумасшедшего. Я проверяла много раз. Он никогда не сбивался.

— Бред иногда бывает убедительным, — вставил Конан.

Зонара махнула рукой.

— В общем, я вошла с ним в долю, и мы отправились вдвоем сюда — разыскивать Зевгму, — заключила она, явно упуская целый ряд подробностей, которые сама акробатка находила весьма важными.

— Зонара, у меня есть несколько вопросов к тебе, — сказал Конан.

— Валяй, — отозвалась она.

— Почему он взял в развалинах только одно кольцо?

— Потому что его спутнул живущий там ужас. Вот почему! — ответила Зонара, явно торжествуя.

— Как выглядел этот ужас?

— Нечто. Большое, черное, с горящими глазами. Это дух, как утверждал Гиспал. Он вылетел из руин и принялся кружить над спящими камнями. И еще он испускал странный звук, от которого кровь стынет в жилах.

— Рычание?

— Тихий, тонкий писк. Проникающий в мозг, как игла, — так говорил Гиспал.

— Понятно, — пробормотал Конан.

— А, теперь ты мне веришь! — возликовала Зонара.

— Я с самого начала не сомневался в том, что

твой рассказ — не выдумка, и что Гиспаль не сошел с ума... Кстати, где он?

— Погиб, — сказала Зонара с видимым равнодушием. — Он был верный и добный спутник, и не думай, Конан, что я не оплакивала его. По-своему я его любила.

— Уверен, — сказал Конан. — Ты всех любишь.

— Да! — с вызовом ответила она. — Мы нашли Зевгму. Точнее, мы видели ее издалека, но тут случилось непредвиденное. Из развалин при свете дня вышел не злой дух... Точнее, не тот злой дух, которого видел Гиспаль в свое первое появление. Какой-то другой. Обычно злые духи по ночам почивают — так я думала. Но этот преспокойно разгуливал. Он был черный, рослый, с ужасным лицом и короной из костей и перьев на голове...

— Это не дух, — сказал Конан. — Я видел его.

— Ты? — Зонара округлила брови. — О, Конан! Ты бесценный человек!

И она прижалась всем своим горячим, трепещущим телом к широкой груди киммерийца.

— Чему ты радуешься? — спросил Конан, слегка отстраняя ее от себя.

— Ну, это же очевидно! Ни один служитель зла не уходит живым после встречи с тобой! Надеюсь, ты убил его?

— Нет, — признался Конан. — Сейчас я бежал по его следу. Меньше всего я ожидал, что встречу вместо этой образины — тебя.

— Мог бы сказать — твое хорошенъкое лицо, — надула губы Зонара.

— Трудно встретить лицо в отрыве от всего остального туловища, — задумчиво проговорил киммериец. — Впрочем, мне доводилось видеть и такое...

Зонара хлопнула его по руке.

— Все-таки ты грубиян, — вздохнула она. — Но я люблю тебя. Ты великолепен, Конан!

— Рассказывай лучше о шамане, — велел он.

— О шамане? В общем, он выскочил из руин и, завидев нас, метнул копье. Это вышло совершенно неожиданно. Он не сказал ни слова, не сделал ни одного угрожающего жеста. Просто сразу взмахнул рукой, и копье полетело в бедного Гиспала. А я убежала. И вот я здесь, совершенно одна — белая женщина, потерянная в джунглях...

— Ужасная ситуация! — поддакнул Конан, однако в его синих глазах уже прыгали искры. — Почему-то мне не хочется тебя жалеть, Зонара!

— Это потому, что я — везучая, — сказала она, снова ласкаясь к киммерийцу. — Давай сделаем небольшую остановку и отдохнем. Честное слово, мы заслужили немного приятных минут.

— Нам некогда, Зонара, — предупредил Конан. — Шаман уже побывал в том селении, где я живу.

— О! Ты живешь теперь с неграми? Поздравляю! — Зонара фыркнула. — Надеюсь, ты обрел свой постоянный дом и счастье, к которому так стремился?

— Не надо шутить, Зонара. Естественно, я живу здесь временно. Но это добрые люди, и они

помогли мне. Шаман зашел туда сегодня утром и потребовал дани для своего духа. Он служит, я думаю, тому самому духу, которого бедняга Гиспал видел в первый раз, ночью.

— Ну так пусть заплатят! — сказала Зонара. — Нам-то что.

— Он потребовал девушек для духа, — пояснил Конан. — Я не могу допустить, чтобы эти женщины расстались с жизнью таким ужасным образом.

— Это ведь происходит уже не в первый раз, — заметила Зонара. — Они, наверное, привыкли.

— Дорогая Зонара, я понимаю, что ты успела привыкнуть к тому, что тебя время от времени осуждают на смертную казнь или подвергают пыткам за твои проделки, но к смерти привыкнуть нельзя.

Она покривила хорошенъкие губки.

— Ладно, будь по-твоему, Конан, — согласилась она со вздохом. — Все равно этот дух не даст нам покоя. Невозможно вынести сокровища из города, где гнездится юдакое чудище.

— Идем, — сказал Конан, хватая ее за руку. — Покажешь, где эти развалины.

Везде, где человек был вынужден отступать перед натиском дикой природы, корни деревьев и трава поглощали всякий след присутствия чужака. Но далеко не всегда это происходило с та-

кой глубинной яростью, как здесь, в потерянном городе Зевгма. Неизвестно, кто основал его много тысячелетий назад. Возможно, Зонара права, и это действительно сделали лемурийцы — какие-нибудь странники, заблудившиеся в джунглях и отчаявшиеся когда-либо вернуться на родину. Оставалось в любом случае загадкой — откуда взялись у них те самые сокровища, которые таились в руинах. Гадать об этом Конану представлялось пустой тратой времени. Главное — сокровища здесь и до них можно добраться.

А заодно уничтожить и злого духа и шамана, выполняющего его волю.

Густые заросли почти совершенно скрыли город от человеческих глаз. С того места, где притаились Конан и Зонара, видны были только сплетения зеленых трав, однако опытный глаз киммерийца то и дело выхватывал многозначительные детали: тут — странный камень с острыми гранями, который явно подвергался когда-то обработке; там — обломок резьбы по кости, в незапамятные времена украшавшей стены дворца...

— Это здесь, — прошептала Зонара. — Теперь ты убедился?

Конан безмолвно кивнул. Он раздумывал — как лучше поступить? Зонара опять заговорила, решив все первой за них обоих:

— Я пойду туда на разведку. Тебя шаман видел, меня — нет. Если он меня и заметит, то не догадается, что мы связаны.

— Конечно, — проворчал Конан. — Двое белых в стране черных совершенно случайно оказались

в одном и том же месте. Разумеется, они никак не связаны между собой.

— А ведь это на самом деле так! — хихикнула Зонара.

— Жизнь порой корчит весьма странные гримасы, — согласился Конан. — И все же вряд ли я поверит в то, что мы с тобой не сообщники. Берегись, Зонара! Этот человек служит злу и он очень опасен.

— Мне не впервые, — самоуверенно заявила женщина. — Я ловчее тебя, Конан. Уж прости, что говорю тебе это. Но я — гибкая, шустрая... А ты — громила.

Это было несправедливо: Конан, несмотря на массивное сложение, умел двигаться бесшумно, с грацией дикой кошки.

Тем не менее он уступил. Он не любил спорить с Зонарой — всегда выходило себе дороже. Пусть сама в очередной раз убедится в том, что без поддержки Конана способна на немногое.

Киммериец махнул рукой:

— Иди. Надеюсь, на этот раз тебе повезет больше, чем обычно.

Зонара зашипела и исчезла в зарослях. Конан покачал головой, глядя, как шевелится трава там, где только что стояла гимнастка:

— Рогатая гадюка. Как есть!

Хотелось ему, чтобы так оно и было на самом деле. К сожалению, Зонара была всего лишь человеком из плоти и крови, женщиной, пусть даже очень тренированной и гибкой. В довершение всего она была довольно невезучей.

Поначалу Зонара только посмеивалась про себя, вспоминая скептические взгляды киммерийца и его иронические замечания в ее адрес. В конце концов, у нее хватило проницательности поверить бедному Гиспалу и отправиться с ним в это опасное путешествие! Не ее вина, что шаман первым поразил Гиспала. Не такая уж она бедняжка, как это воображает Конан. И на этот раз ей непременно повезет.

Она глянула на кольцо, горевшее у нее на пальце ярко и... немного зловеще, как почутилось вдруг Зонаре. Однако она немедленно отогнала эту мысль как пустую. Кольцо — самое обыкновенное, не магическое. Оно не может обладать собственной волей и уж тем более — навязывать свою волю носителю. Насчет кольца Зонара нарочно советовалась с одним знающим человеком в Офире. Он определенно сказал: вещь дорогая, убить за нее вполне могут, но никакой магии.

И все же луч солнца, пробившийся сквозь густую листву, упал на изумруд и зажег в его гранях пламя. Зонаре это не понравилось, и она перевернула кольцо камнем к ладони.

Она осторожно кралась среди деревьев, стараясь ступать так тихо, словно пробралась в чужой дворец, где намерена поживиться. Собственно говоря, так оно и было на самом деле. Только дворец этот лежал в развалинах. Время почти сравняло его с землей.

Внезапно Зонара увидела впереди какую-то фигуру, похожую на человеческую, и замерла.

Фигура также не двигалась. Стояла и смотрела на женщину в упор неподвижными, мертвыми глазами. Холодок пробежал по спине у Зонары, несмотря на то, что день был жарким — даже здесь, в тени густого леса.

Прошло несколько минут, прежде чем Зонара решилась сделать еще несколько шагов. Фигура не пошевелилась.

Зонара осторожно продвинулась ближе. Никакой реакции. Неожиданно женщина поняла, в чем дело: перед ней была статуя. Она тихонько рассмеялась и подбежала к скульптуре вплотную, чтобы好好енько рассмотреть ее.

Статуя, изваянная из серого пористого камня, много лет подвергалась воздействию дождя и ветра — она должна была рассыпаться в прах столетия назад и все же еще держалась. Она изображала женскую фигуру с нарушенными пропорциями — вытянутыми и слишком пышными бедрами, огромными свисающими грудями, грубым лицом, которое, тем не менее, обладало странной притягательностью. Пустые глаза лишенные зрачков следили ни за кем в отдельности — и сразу за всеми. Из пупка каменной женщины рос живой цветок. Что-то в этом показалось Зонаре странным. Она долго разглядывала статую, пытаясь понять, почему она вызывает у нее трепет, граничащий со страхом. И вдруг осознала: живой цветок был здесь совершенно неуместен. Это был речной цветок, лотос или лилия, странной тигровой окраски. Цветок-хищник. Почему он вырос из статуи? Что питает его?

Зонара осторожно приложила ухо к груди статуи. Внутри она рассыпалась журчание воды. Невероятно! Там, прямо в статуе, был родник.

Но это ведь невозможно... Камень давно был размыто...

Все-таки это место сохраняется благодаря кому-то чародейству. Зонара ощущала это всем своим естеством. Каждый волосок на ее теле поднялся дыбом, как у кошки, которая увидела призрака. Она послала мысленное проклятие «знающему человеку» из Офира. Он ничего не понимает в древних чарах! Даром есть свой хлеб. Только на то и годен, чтобы предсказывать богатых мужей глупым толстым вдовушкам.

Зонара поцеловала статую в щеку — она не знала, как еще выразить почтение богине (теперь девушка не сомневалась в том, что перед ней не просто изображение, но некое материальное воплощение божества древних лемурийцев).

Затем она отступила на шаг, и в этот миг чьи-то руки грубо схватили ее. Один из нападавших зажал ей рот, другой скрутил запястья, третий сильно ударил под колени. Зонара упала, отбиваясь яростно и молча. Она укусила за ладонь того, кто пытался заставить ее молчать, и сдавленно крикнула несколько раз, чтобы предупредить Конана. Гортанно ругаясь, невидимый нападавший впился пальцами ей в горло.

Она захрипела и вдруг обмякла. У нее не осталось сил сопротивляться.

Ей заткнули рот кляпом из горькой травы, отчего у Зонары сразу потекла слюна, пачкающая

одежду. Зашипала кожу на подбородке. Зуд становился все более невыносимым, однако поднять руку и почесаться она не могла — ей связали за спиной локти, а ноги спутали и так поташили за собой куда-то в глубину потерянного города Зевгма.

Зонара отчаянно пыталась дотянуться до кольца, чтобы снять его с пальца. Если эти люди — служители древней богини, они сочтут святотатством желание чужеземки носить кольцо, принадлежащее этому мечту.

«О Бэлит, кто же они такие? — мысленно взывала Зонара к богине-воительнице, которую иногда вспоминала в особо тяжелые моменты своей жизни. — Гиспал, бедняга, не упоминал ни о каких служителях! Он и о богине не упоминал. Наверное, не видел ее. Заметил в развалинах кольцо, схватил — и бежать! Да, он же был здесь носью. Наверное, на кольцо упал лунный луч».

Зонара замычала и замотала головой, всем своим видом показывая — она надеялась, убедительно, — что желает поговорить с этими людьми, убедить их в том, что не желала дурного... Возможно, они согласятся выслушать ее, поймут, что в ее намерениях нет ничего предосудительного (мысленно она уже считала себя поклонницей великой лемурийской богини, которая про слышала о святыне еще в Офире и с великими трудностями добралась до места, дабы воздать ей почести!). Однако стражи Зонары не проявляли к ней ни малейшего интереса. Они волокли ее за собой, как козу на убой.

Она исподтишка разглядывала их. Это были черные, очень рослые люди с морщинистой кожей, которая, казалось, была с трудом натянута на широкие мослы. Живые скелеты, подумала Зонара. Прикосновение их рук было неприятным — шероховатым, горячим. В нем не ощущалось обычного человеческого тепла. Их черные глаза выглядели так, словно были лишены белка. Они смотрели слепо, без выражения, совершенно равнодушно — как будто эти люди находились далеко за гранью обычного земного бытия. Их зубы были выкрашены красным. Они непрерывно жевали, и Зонара подумала, что это — особый наркотик, слабодействующий, но при постоянном употреблении приводящий к полному изменению человеческой личности. Человек начинает жить в ином мире и видит духов — тех, кого желаешь видеть. Если лишить его зелья, он попросту погибнет, растерзанный своими вышедшими из-под контроля видениями:

Что говорить, Зонаре опять не повезло! Нет проку в том, чтобы умолять безумцев. Они попросту не замечают ее. Она — какая-то часть их видений, а какая — этого ей никогда не узнать. Ей оставалось только надеяться на то, что Коан слышал ее призывы.

Черные морщинистые люди притащили ее на край поляны. Здесь громоздились кучи камней, вывороченных из земли. На некоторых еще заметна была резьба: сплетающиеся клубки змей, образующие странные узоры; солнечный круг, превращающийся в змею, кусающую себя за

хвост; искаженные лица людей с распахнутыми ртами, откуда выползают целые пучки извивающихся рептилий... Под ногами Зонары распахнулась пропасть. Она увидела яму, дно которой, казалось, соприкасалось с преисподней. Там жила чернота. Сплошной мрак, откуда нет выхода.

Зонара съежилась и забилась в руках стражей.

Она мотала головой и взглядами умоляла не бросать ее в эту земную пропасть. Однако они, судя по всему, и не собирались этого делать. Они остановились на краю и принялись бить в тамтамы. Звук этот разнесся по всему потерянному городу и долго еще носился среди деревьев, отражаясь от камней и далеких скал. В ответ на призыв из чащи леса выступил шаман.

Теперь Зонара получила «счастливую» возможность рассмотреть вблизи жуткую образину, облаченную в зловещий наряд. Она увидела и черепа животных — один, свисающий низко, чуть разинул пасть, как будто и после смерти пытался укусить висящий складками тощий живот своего убийцы! — и кости и перья в короне, и костяные браслеты на высохших руках, и главное — страшные, глядящие как бы из потустороннего мира глаза, глаза человека, живущего в смерти и выматривающего добычу прямо оттуда!

Зонара застонала. Стражи бросили ее к ногам шамана и отступили, продолжая постукивать по туго натянутой коже барабанчиков. Этот звук проникал глубоко в уши, застревал в голове, не давал сосредоточиться. Он не позволял Зонаре думать и трезво оценивать происходящее. Она

просто боялась, вот и все. Она, такая хитрая, ловкая и умная, превратилась в комок трепещущей плоти.

Шаман наклонился над ней и выдернул кляп у нее из рта.

— Кто вы? — пробормотала она. — Клянусь, я пришла поклониться богине...

Шаман проговорил несколько слов на своем языке. Зонара вдруг услышала у себя в сознании тихий голос, произносящий отчетливо, без всякого выражения:

— Ты забралась в потерянный город. Ты будешь пищей для нашего духа. Отвратительная белая женщина! Твою кожу, похожую на кожу червяка, обгладают зубы нашего духа.

— Кто вы? — закричала она хрипло и закашлялась, выплевывая сгустки зеленой травы. — Чем вы здесь занимаетесь? Богиня! Услышь меня, богиня!

Разумеется, никакая богиня ее не слышала — здесь не было никакой богини. Потревоженный тамтамами и криками дух зашевелился в глубине руин — до людей донеслось дуновение потустороннего ледяного ветра, несущего с собой здравие смерти. От ужаса Зонара едва не обмочилась.

— Мы охраняем духа, — говорил голос у нее в сознании. — Мы его служители. Мы стережем сокровища. Ты ведь пришла за ними, отвратительная женщина с белой кожей? Ты ведь пришла за ними!

Шаман склонился над Зонарой и, больно дер-

гая ее вывернутую руку, сорвал с ее пальца кольцо. На руке девушки остался длинный кровавый след.

Высоко подняв кольцо и как бы показывая его зеленому своду, шаман прокричал несколько слов, которые вызвали настоящую бурю. Лес взорвался криками и грохотом барабанов. Бесчисленные босые ноги шлепали по земле, руки трясли копья с колокольцами и стучали в тамтамы, глотки исторгали гортанные вопли.

Зонара больше всего на свете хотела бы сейчас зажать уши. Но ее локти стягивала кусачая веврека, и ее сознание мучительно страдало, терзаемое оглушительными звуками.

Тем временем несколько негров бросились на землю перед шаманом. Зонара сперва не поняла, что происходит. А они, повинуясь жесту своего предводителя, стремительно принялись за работу. Зонара никогда прежде не видела, чтобы люди трудились так быстро. Их черные руки мелькали в воздухе с огромной скоростью — Зонаре даже не удавалось толком отследить движения. Все сливалось перед ней в сплошном мелькании. Постепенно она начала понимать, чем они занимаются. Из прутьев и лиан они мастерили клетку. Совсем небольшую — чтобы в ней поместился скорченный человек. У пленницы не было сомнений в том, для кого эта клетка предназначается. Она изогнулась всем телом и отчаянно заверещала, словно пойманная в ловушку росомаха, но на подручных шамана это не произвело ни малейшего впечатления. Они даже не заметили

ее крика. Они продолжали работать с нечеловеческой быстротой и полным равнодушием к происходящему вокруг.

И скоро клетка была готова. Шаман схватил Зонару за волосы и втолкнул туда. Ей пришлось поджать ноги и притиснуть их к груди, чтобы поместиться. Иначе — шаман показал ей это с отвратительной ухмылкой — все «лишнее» будет отрезано острым ножом. Руки невыносимо болели. Ныли локти и плечевые суставы. Веревка врезалась в тело все глубже, причиняя страшную боль. Зонара тихонько подывала и стукалась виском о плетеную решетку. Она подумывала о том, чтобы перегрызть прутья, но когда попыталаась сделать это, то обнаружила, что волокна очень плотны. Она едва не сломала зуб.

Однако теперь — в этом не оставалось сомнений — Конан предупрежден об опасности. Если он и не слышал криков Зонары, то гром тамтамов не мог не достичь его слуха. Киммериец на чеку. Он придет и выручит ее. Он всегда приходит, думала Зонара. В тоске она погружалась в сон, но по-настоящему заснуть не могла: большое тело всякий раз вырывало ее из небытия и заставляло возвращаться к страшной реальности.

А солнце совершило свой обычный путь по небосводу, чтобы затем внезапно, как это обычно бывает на юге, скрыться за горизонтом и оставить мир во власти глубокой ночной тьмы.

И духа, таящегося в развалинах потерянного города.

Позднее Конан пытался убедить себя в том, что проклятые дикие не нашли бы его, притаившегося в зарослях, если бы он сам того не захотел. Но это была неправда. Они подобрались незаметно — вот в чем дело. И «проклятыми дикими» киммериец называл их не потому, что они были черными, обнаженными, вымазанными белой глиной и разрисованными соком раздавленных растений. Конан и сам был горазд на подобные вещи. Нет, в самих этих людях он ощущал нечто первобытное, сверхъестественное недоступное даже его варварскому рассудку. Возможно, они находились в полной власти демона. Конан в точности не знал. Он только улавливал мощные эманации зла, исходящие от этих людей.

Нет, он не испугался. Он знал, что злые духи существуют, и не раз одерживал над ними верх. И сейчас неприятным было только одно: они все-таки ухитрились подобраться к нему незамеченными.

Вопли Зонары достигли ушей Конана уже давно, и он таился, обдумывая, как освободить ее. Кроме того, сообщница предупредила его о том, что в развалинах, помимо шамана и духа, обитают какие-то люди.

Они навалились на него целой толпой. В отчаянной схватке Конан успел сломать одному шею, а другому — руку, так что разрисованный дикарь с отчаянными криками покатился по земле, трясясь в воздухе конечностями. Остальные, скаля

зубы, набросились на варвара и прижали его к траве. Конан тяжело перевел дух. Его могучая грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Дикие с устрашающей быстротой связали Конана веревками, сплетенными из лиан, и принялись ходить вокруг поверженного пленника, притоптывая по земле в каком-то ужасном, противоестественном ритме, который — как показалось Конану — сбивал человеку дыхание, заставлял сердце биться с перебоями.

Нет уж, такому не бывать, решил про себя киммериец. Он набрал в грудь побольше воздуха и заорал боевую киммерийскую песнь, вызывая к Крому, духам павших предков, к своему мечу, к крови врагов. Это громовое пение заглушало стук тамтамов, доносящийся, как казалось, отовсюду, и сбивало дикарей с ритма. Вот один из них споткнулся и едва не упал, а второй налетел на танцующего впереди. Стой сломался. Перья, украшающие спутанные курчавые волосы подручных шамана, затряслись, словно в испуге.

Один из дикарей подскочил к простертому на земле киммерийцу и затряс перед его лицом топящим жилистым кулаком. Он что-то кричал, сильно выпячивая губы и скалясь, глаза его быстро вращались в орbitах, изо рта летела пена.

Конан продолжал невозмутимо реветь свою песнь, а потом, выждав, когда дикарь наклонится над ним слишком низко, без предупреждения метнулся вперед и впился зубами в его руку. Зывая, точно гиена, дикарь отскочил и бросился бежать. В воздухе мелькали его сморщеные чер-

ные ступни. Остальные изумленно смотрели ему вслед. На сочных зеленых листьях оставались густые капли крови.

Конан усмехнулся и облизнул окровавленные губы.

— Что? — закричал он в изумленные раскрашенные лица. — Струсили? Дураки! Вы ни на что не годитесь! Вы решили, будто одолели белого человека? Я — Амра! Я ходил в бой с такими, как вы, и был не хуже в этих джунглях! А, поняли? Поняли?

Они, естественно, ничего не понимали, но смутились и смешались. Конан знал, что некоторые дикие племена в душе невероятно трусливы. Неясно, что было тому причиной, но суеверный ужас перед некоторыми вещами передавался этим людям из поколения в поколение, от прадеда к правнуку. Одни боялись пауков пуще гибели, другие страшились белой кожи, третьи просто при виде непонятной вещи обращались в бегство и не задавали лишних вопросов.

Правда, встречались среди черных люди, совершенно лишенные страха...

Но сейчас Конан столкнулся с совершенно новой «разновидностью» черных племен. Эти, несомненно, боялись всего, что не боялось их, — свойство, присущее животным, охотящимся стаяй. Следовало отдать им должное — от страха они не стали более миролюбивыми. Скорее, наоборот. Некоторые уже трясли ножами прямо над лицом Конана, явно предлагая убить то, что их устрашало.

Конан собрался с силами, опять приподнял голову и заорал что есть мочи. Он прокусил себе губу и оплевывал туземцев кровавой слюной. Он ревел и извивался на земле. Несколько раз ему удавалось, изловчившись, боднуть некоторых из наиболее рьяных своих ненавистников.

Те отступили и собрались чуть в стороне, быстро переговариваясь. Конан внимательно наблюдал за ними. Если у них и имелся лидер, то здесь его не было. Они болтали все одновременно, размахивая руками и показывая то на варвара; то на развалины потерянного города, а то куда-то наверх. То и дело кто-нибудь из них вскачивал и принимался трясти ножом, сделанным из острого обломка камня или кости, — Конан знал, что такие ножи, несмотря на всю их примитивность, бывают довольно острыми и наносят ужасные смертельные раны. Потом, так же внезапно, эти успокаивались и усаживались на землю, а возмущенно подпрыгивали другие. Это могло продолжаться очень долго, но тут появление нового персонажа заставило всех замолчать и подняться. Размалеванные лица приняли одинаковое выражение — почтительно-тупое.

«А вот и главный», — понял Конан и расслабленно замер, готовый в любое мгновение действовать. В воздухе над ним закачалась корона из перьев и возникло знакомое отвратительное лицо шамана — того самого, что приходил в селение. Впрочем, ничего удивительного в этом для Конана не было. Он подозревал нечто подобное.

В пальцах шаман мял комок какого-то зелено-

вато-белого вещества. Он отдал приказ гортанным грубым голосом, и мгновенно двое дикарей подскочили к Конану и схватили его за уши. Еще один быстро вставил ему между зубов палку. Конан стиснул зубы и едва не перекусил толстую ветку, но ему зажали нос, и в конце концов варвар вынужден был, чтобы не задохнуться, приоткрыть рот. И тотчас между губ ему всунули комок отвратительной на вкус липкой массы.

Конан сразу распознал, что это такое. Наркотик, который некоторые племена добывают из сока определенных тропических растений, смешивают с корой и потом жуют. Мир для них становится странным, из каждого куста начинают выглядывать духи, каждый лист обретает собственное неповторимое лицо. Если жевать наркотик достаточно долго, то «картина» запоминается, начинает жить сама по себе и развивается. Человек может вступать в разговор с являемыми ему духами, а листья-лица сообщают ему, что по тропе недавно прошел зверь или другой человек. Беда только в том, что все это иллюзорно, и то, о чем шепчут листья и деревья, зачастую оказывается обыкновенным бредом наркомана. Тем не менее некоторые попадаются на эту ловушку и до конца жизни остаются в плену своих грез, предпочитая иллюзии обыденности. Хотя Конан никогда не видел для себя в этом соблазна. Он любил жизнь такой, как она есть, и находил ее достаточно соблазнительной и интересной без всяких иллюзий и наркотических грез.

И вот ему всунули в рот этот комок. Конан

понимал, для чего это сделано. Скоро он потеряет связь с реальностью, и им можно будет управлять.

Ну уж нет! Не бывать такому, чтобы какой-то служитель зла диктовал ему, киммерийцу, как поступать и какие картины видеть! Конан сделал глотательное движение горлом, рыгнул — не без удовольствия — прямо в лицо шамана, а потом закатил глаза и сделал глупую гримасу: по его мнению, именно так должен выглядеть человек, поддавшийся власти наркотика. Конечно, эта пантомима не обманула бы белого, но черный шаман плохо разбирался в мимике и поведении белых, поэтому поддался на уловку. Он громко расхохотался, откинув назад голову, несколько раз подпрыгнула, сильно топнув ногами при приземлении, а потом презрительно плюнул рядом с Конаном на траву и отдал своим людям какие-то новые распоряжения.

Конана подхватили и потащили подальше в развалины. Он нарочно цеплялся ногами за траву и корни, чтобы затруднить дикарям их задачу, и пока они выпутывали его из разных травяных ловушек, потихоньку выплюнул комок жеваной коры, который все это время прятал за щекой. Кроме того, веревки, которыми был связан киммериец, немного ослабли, так трясли и толкали его чернокожие служители духа.

Этим он тоже воспользуется. Ближе к ночи, когда настанет время действовать.

* * *

О Зонаре, подвешенной в клетке высоко на дереве, дикари и думать забыли. Они вспомнят о ней, когда из развалин поднимется черный дух и потребует свою добычу. И тогда они принесут ему белую женщину и предложат в пищу и для удовольствия. Дух, как они понимали, одновременно удовлетворял свою потребность в женском естестве и лютый голод своей утробы.

Одурманенным дикарям это казалось забавным, и пока несчастная жертва вопила в когтях черного чудовища, они исполняли неистовые пляски и оглашали развалины громкими, оргастическими песнями.

Зонара преобразилась в мышь: она грызла и перетирала зубами прутья своей клетки. Пока что у нее плохо получалось, но затем, уже в сумерках, у нее появилась неожиданная помощница — маленькая белая обезьянка с грустной, похожей на человеческое лицико, мордочкой. Несмотря на печальное выражение «лица», она оказалась довольно веселой и проказливой. Сперва обезьянка скакала по веткам поблизости от Зонары. Затем вдруг одним прыжком оказалась возле самых прутьев. Зонара, подумав, показала ей язык, чем привела обезьянку в полный восторг и навек завоевала ее сердце.

Маленькая шалунья схватила крошечными ручками прутья и стала трясти их, изогнув спину и озираясь по сторонам блестящими веселыми глазками. Клетка закачалась. Зонара пощока-

ла языком. Это вызвало новый приступ веселья у зверька. Обезьянка оскалила зубы и разразилась целой тирадой — чередой отрывистых, похожих на птичьи выкрики, смешков. Затем длинная лапка просунулась между прутьями и ухватила Зонару за нос.

Зонара зафыркала и тряхнула головой. Обезьянка выпустила ее, снова потрогала прутья и, как будто что-то поняла, вдруг задумалась. «Может быть, она догадалась, что я не могу поиграть с ней по-настоящему, потому что сижу в ловушке? — мелькнуло у Зонары. — Вдруг она знает, что такое ловушки? Ведь здесь живут люди, они охотятся на животных. Обезьянка могла видеть сети, капканы, а может быть, и такие клетки».

— Помоги мне, — заговорила она с обезьянкой ласково. — Нужно перегрызть прутья. Сумеешь?

Обезьянка закивала, как будто поняла человеческую речь, а потом снова протянула ручку и погладила Зонару по щеке. Женщина возликовала: обезьяна поняла, что ее собрат в беде! А в том, что они с обезьянкой могут стать подругами, гимнастка теперь не сомневалась.

Это ласковое и доверчивое животное тянулось к человеку. Кто знает — вдруг когда-то она водила знакомство с какой-нибудь девочкой из соседнего селения?

Обезьянка приникла мордочкой к решеткам и быстро заработала зубами. Вот подался один прут, затем второй.

Зонара попробовала выбраться, но дыра оказалась слишком маленькой. А обезьянка труди-

лась вовсю. Вскоре отверстие расширилось настолько, что в него можно было просунуть голову. Зонара понимала, что ей придется пренебречь всеми мерами предосторожности и попросту вывалиться из клетки, как куль. Она была связана таким образом, что по-другому бы не получилось. Кроме того, от долгого сидения в тесноте, в неестественной позе, у нее страшно затекли ноги, а расправить их и восстановить кровообращение возможности не представится.

Она положилась на свой многолетний гимнастический опыт — а падать ее научили в первую очередь — и покинула свою воздушную тюрьму.

Удар о землю был смягчен густой травой, зато боль в затекших ногах показалась почти невыносимой. Зонара стонала и кусала губы, чтобы не закричать, а обезьянка скакала вокруг и сочувственно покрикивала.

Зонара показала ей связанные руки. Маленькие пальчики быстро и ловко распутали все узлы. Теперь настало время игры, по мнению обезьянки. Она забралась Зонаре на плечо и стала покусывать ее за ухо. Зонара подумала и встала на руки. Обезьянка спрыгнула с ее плеча и уселась, засунув кончик белого хвоста в рот, — ни дать ни взять почтеннейшая публика на выступлении гимнастов. От нелепости происходящего Зонара хотела плакать и смеяться одновременно.

Она — в затерянном городе, где полно сокровищ, вокруг бродят злобные дикари и вот-вот проснется черный дух, пожиратель человечьей

плоти, ее спутник, вероятно, попал в плен (до ущерб Зонары доносились крики дикарей и громовая песня киммерийца-воина, которую исполнял Конан назло своим поработителям)... а она устроила цирковое представление, чтобы потешить маленькую белую обезьянку!

Но ничего не поделаешь — спасительница требовала зрелиц. Зонара прошлась колесом, потом опять постояла на руках, сделала сальто. Обезьянка весело заверещала, обнажая зубы.

— Ну вот, остальное позже, — сказала ей Зонара и похлопала себя по плечу. — Забирайся. Нам нужно освободить Конана и разделаться со злым духом.

И она двинулась ближе к центру развалин. Обезьянка забеспокоилась, спрыгнула, отбежала в сторону, оглянулась — как бы проверяя, не идет ли за ней Зонара. И, поскольку девушка продолжала шагать в противоположном направлении, зверек подбежал к ней, ухватил за руку и потянул за собой.

Зонара присела на корточки.

— Ты хочешь сказать мне, что туда идти опасно? Ах ты, моя милая! Ты все понимаешь! Да, там опасно, но я должна уничтожить злого духа, чтобы он больше не угрожал твоим родным лесам. Ты меня понимаешь? Мы с Конаном разделяемся со злым духом, и я вернусь к тебе. Подожди меня где-нибудь на краю леса.

Она разговаривала с животным как с разумным существом. Конечно, обезьянка не могла понимать слов, но она улавливала ласковую, успо-

каивающую интонацию женского голоса. Зонара погладила ее по голове и пушистым плечам и подтолкнула в спину.

— Иди, милая. Подожди меня в безопасном месте. Я вернусь.

И решительно пошла прочь. Обезьянка попрыгала на месте, отталкиваясь от земли ногами и сжатыми в кулачки длинными руками, а потом побежала поскорее прочь от страшных развалин.

* * *

— Конан! Это ты? — послышалось из ночного мрака.

Киммериец, связанный, сидел на дне глубокой ямы — или, может быть, правильнее было бы сказать, колодца? Под ногами было сыро, противно хлюпала пропитанная влагой земля. Из того места, где он находился, он мог видеть только маленький кусочек неба, которое постепенно наливался чернотой и заполнялся звездами. Он слышал, как начинают перекликаться ночные звери: просыпались хищники, которые выходили на охоту под покровом темноты. Несколько раз что-то темное, мягко хлопая крыльями, проносились у него над головой, и во тьме вдруг вспыхивали огромные желтые глаза. Донесся отдаленный рык льва.

Конан заскрежетал зубами. И тут наверху показался какой-то круглый предмет. Несколько мгновений он оставался неподвижным, потом чуть сместился на фоне звезд. Человек, понял

Конан. Человеческая голова. В колодец кто-то заглядывает.

Киммериец тихо зарычал, как хищник, угодивший в ловушку, но все еще смертельно опасный для неосторожного охотника.

— Конан! — послышался голос. — Хвала всем богам, ты здесь!

— А где же мне, по-твоему, быть, Зонара? — невозмутимо отозвался киммериец. — Разумеется, я здесь, в яме! Где еще может находиться порядочный человек, если он в довгове поклонников злого духа?

— Тыфу! — слышно было, что Зонара сердится. — Некогда заниматься глупыми разговорами! Я брошу тебе веревку!

— Я связан, — сообщил варвар.

— Ну так освободись, — раздраженно приказал Зонара. — При твоей хваленой варварской силе это сделать нетрудно.

Конан пошевелил связанными руками. Он занимался этим уже несколько часов, и теперь с радостью ощутил, что веревка наконец подалась. Сделав последнее усилие, он выдернул одно запястье, немного рассадив себе кожу, после чего принялся растирать затекшие кисти.

Сверху что-то упало, слегка задев его по макушке. Конан поднял голову. Веревка в руках Зонары плясала и извивалась, как живая змея.

— Держи сильнее, — приказал он. — Я тяжелый.

— Да уж знаю, — двусмысленно хихикнула Зонара. — Пробовали. Тяжелый, как мокрое полено.

Конан зашипел и схватил веревку. Она натянулась.

— Я привязала ее к дереву, — сообщила Зонара. — И на всякий случай придерживаю руками.

Конан, пыхтя, полез наверх. Для киммерийца, горца, выросшего среди скал, такой подъем не представлял труда. Лишь бы веревка не оборвась в самый неподходящий момент. Но веревка, как это ни удивительно, выдержала.

— Здесь кругом люди, — шепотом сказала Зонара, когда варвар плюхнулся на землю рядом с ней.

Конан поцеловал ее в губы.

— Ты умница, — похвалил он. — Осталось убить злого духа. Где возьмем оружие?

— А разорвать его голыми руками не получится? — не выдержала и поддела своего спутника Зонара. — Одним духом мы не отдаемся. Тут целое племя демонопоклонников. Они полностью во власти страшных грез, которые дает им наркотик.

— Без своего властелина они долго не проживут, — проворчал Конан. — Сгинют заживо в этих джунглях.

Зонара молча схватила его за руку и показала куда-то за стволы деревьев.

Конан подобрался и начал подкрадываться. Он почти сливался с ночной тьмой, но все же Зонара различала его массивный силуэт — сгусток тьмы в прозрачной темноте южной ночи.

Затем донесся короткий шум борьбы, тихий вскрик, хруст — Конан сломал шею человеку, притаившемуся за деревьями.

— Зонара! — вполголоса позвал киммериец. — Иди сюда! У меня есть идея!

Она подбежала, стараясь двигаться бесшумно, и остановилась. Конан, переводя дыхание, снимал с трупа острый каменный нож.

— Нужно очистить джунгли от этой пакости, — заявил киммериец. — И я теперь знаю, как. Посмотри.

Он снял что-то с коры дерева и, осторожно держа пальцами какое-то крошечное существо, поднес к полосе лунного света.

Зонара увидела, что между двух пальцев извивается, яростно пытаясь ужалить, большой рыжий муравей.

— Что это? — удивилась она. — Муравей?

— Именно. Исключительно свирепая и прожорливая тварь. Страшнее зверя нет — будь он только в сотню раз побольше, одолел бы и льва, и тигра... Но у муравьев другое преимущество, Зонара. Их очень много. И если приманить сюда муравьев, здешним негодяям смерть покажется лучшим избавлением.

— Как ты собираешься это сделать? — не уставала удивляться Зонара.

Конан блеснул в темноте белозубой улыбкой.

— Не забывай, Зонара, что в этих краях когда-то меня называли Амра — Лев. Я возглавлял отряды черных воинов, и мы наводили страх на окрестности. Я хорошо знаю здешние обычай. Мои негры научили меня множеству полезных вещей.

— Но ведь ты — белый, — возразила Зонара.

ра. — И как всякий белый, ты подвергаешься в этих джунглях большей опасности, нежели любой из черных. Я знаю, что многие насекомые впиваются белым людям между пальцами ног и проникают в их тело, отчего плоть стонет заживо. В то время как черный человек может ходить здесь босиком и не бояться ничего подобного.

— Да, мы разные, — согласился Конан. — Но человек, Зонара, везде остается человеком. И я легко нашел общий язык с моими черными собратьями, воинами и бродягами, вроде меня самого. А теперь — хватит болтать. Один из них научил меня отличной штуке. Из трупа этого бедного мерзавца я сделаю превосходную ловушку для муравьев. Скоро их здесь будут полчища.

— А мы с тобой? — ужаснулась Зонара. — Как ты справедливо заметил, Конан, меня не раз приговаривали к смерти, но то была смерть от честной стали или от не менее честной петли. Ну, один разок меня приговорили к четвертованию... но это было всего один раз! А тут — быть съеденной... И добро бы львом или тигром. Все-таки благородные животные. Но оказаться в желудках тысяч, миллионов насекомых! Как я предстану на суд богов? С отрубленной головой в руках — это я понимаю. С отрубленными конечностями? Ну, их можно держать в зубах, на худой конец. Но расташенная на мириады крошечных кусочков... Я погибну окончательно и никогда не смогу обитать в загробном царстве!

— Я что-то не понял, — удивился Конан, — ты собралась в загробное царство?

— Мы все не бессмертны, — рассудительно молвила Зонара. — За долгие годы скитаний и неудач я прочувствовала это сотню раз. Поэтому я в свободное время предавалась благочестивым размышлению о возможной посмертной участи таких, как я...

— Не желаю слушать! — оборвал ее Конан. — Смерть — это смерть, и нечего о ней думать. Когда придет — тогда и придет. Что будет — то и будет. Кром свидетель, я ее не боюсь! А теперь слушай меня, трусишка. Мы не пострадаем. Когда муравьи придут, мы будем далеко отсюда. На каком-нибудь удобном раскидистом дереве.

— А разве муравьи не умеют лазить по деревьям?

— Им будет чем заняться внизу, обещаю, — сказал Конан и принялся за дело.

Он разрезал живот убитого и разложил его внутренности по траве. Зонару затошило от их вида, хотя в сероватом свете луны они выглядели еще не так омерзительно — жутко представить себе, как это смотрелось бы при свете яркого солнца!

Затем Конан сорвал несколько цветков с ночной лианы — из тех, что раскрываются только после заката — и выдавил густой сок из цветка на разверстую рану. По земле распространился сладковатый гнилостный аромат.

— Скоро они почуют и прибегут, — прошептал Конан. — А нам с тобой пора уносить отсюда ноги.

И они быстро двинулись сквозь развалины и

заросли деревьев и кустов. Откуда-то сверху спрыгнула обезьянка. Она обхватила шею Зонары цепкими ручками и прижалась мордочкой к ее щеке.

— Твоя подруга? — спросил Конан, мельком глянув на зверька.

— Ты прав, — не позволила себя смутить Зонара. — Благодаря ей я освободилась и сумела вытащить тебя. Так что свои насмешки можешь оставить при себе. Это отличный зверек! И я с ней не расстанусь, если только она сама не захочет меня покинуть.

Конан проворчал что-то себе под нос, однако от дальнейших высказываний воздержался.

Они покинули руины потерянного города и углубились в чащу леса.

— Ждать будем здесь, — предложил киммериец, устраиваясь на небольшой поляне. — Я посторожу. Впрочем, тебе тоже советую не спать.

— Обезьянка может предупредить нас об опасности, — сказала Зонара.

Конан поднял брови.

— Да?

— Да, — упрямко повторила Зонара. — Если она почувствует приближение чужаков, она завершит.

— Ты уверена? В первый раз слышу о сторожевых обезьянках!

— Я не уверена, — рассердилась Зонара. — Но предполагаю, что это случится.

— Скорее всего, нашим размалеванным друзьям сегодня будет не до нас, — Конан широко зев-

нул. — Скоро мы услышим их вопли. Можешь мне поверить.

Зонара неопределенно пожала плечами. Варвар довольно часто оказывался прав, но это, как полагала женщина, еще не повод соглашаться с ним и признавать его правоту.

Прошло несколько часов, прежде чем до слуха обоих беглецов донеслись жуткие вопли. Так кричали бы демоны, если бы повстречали других демонов, еще более страшных, чем они сами. Затем возгласы стали тоньше,тише, жалобней. Одни звучали довольно близко, другие — совсем далеко, некоторые метались по лесу. И все время стучали тамтамы, сперва равномерно, сводящим с ума тревожным стуком, затем — в бешеном ритме, а после и вовсе без всякого ритма. Наконец настала полная тишина. Ни барабанов, ни человеческих голосов, ни демонского завывания.

— Кончено, — сказал Конан и плонул. — Так им и нужно. Как подумаю, что они хотели привести в жертву своему поганому духу наших девчонок...

— Наших? — иронически переспросила Зонара.

— Ну да, наших, — подтвердил Конан. — Наших, человечьих девчонок. Там, в селении, очень хорошие девушки. Добрые.

— Не в пример мне, — горько добавила Зонара.

— Ты — совсем другое дело, — сказал Конан, обнимая ее за плечи, но она высвободилась.

— Ты меня совсем не любишь.

— Боги, Зонара! Кто говорил о любви? Может быть, ты? Ты всегда находишь себе мужчину в

постель, если хочешь, но когда и в кого ты влюблялась?

— Ну, никогда... ни в кого... — В темноте было слышно, что Зонара вдруг всхлипнула. — Но мне бы хотелось... И чтобы кто-нибудь вот так тепло говорил обо мне. Что я добрая. Что я хорошая девчонка.

— Ну, ты ведь действительно хорошая девчонка, — попробовал утешить ее Конан, совершенно сбитый с толку. То она изображает из себя независимую женщину, эдакую амазонку, которой никто не нужен, а теперь проливает слезы оттого, что приятель, с которым она обтяпала не одноворовское дельце, не считает ее достаточно добродетельной.

— Да... и никто не захочет на мне жениться, — продолжала Зонара.

— У тебя слишком уж разноречивые потребности, Зонара. Чего ты хочешь, в конце концов? Выйти замуж и провести всю жизнь на одном месте, в каком-нибудь городе или селении? Или бродить по свету в поисках сокровищ и приключений?

— Не знаю, — вздохнула Зонара и погладила обезьянку, которая прижималась к ней щечкой и, очевидно, пыталась утешить. — Ладно, оставим это.

— Давно пора, — пробурчал Конан. — Идем, посмотрим, как там дела в развалинах.

Небо над ними посветлело. Спустя миг взошло солнце, и сразу вокруг все заиграло невероятно яркими красками, которые в первое мгнове-

ние после полумрака предрассветных сумерек казались неестественными.

Зонара содрогнулась при мысли о том, что сейчас предстанет ее взору. Она помнила, что проделал Конан с трупом одного из демонопоклонников, и была уверена в том, что картина, которая их ожидает, не менее ужасна и отвратительна.

Муравьи ушли в поисках новой добычи. Ни одного из них не было видно в траве и на обнаженных участках почвы, сколько Конан и Зонара ни вглядывались. И все же они ступали очень осторожно, внимательно выискивая возможную опасность.

А затем Конан вдруг остановился и схватил свою спутницу за руку.

— Смотри!

Оба застыли, невольно прижавшись друг к другу. Повсюду были служители черного духа зла. Они стояли, сидели, лежали — неподвижные, сморщеные, нелепо разрисованные. Пестрые утренние джунгли как будто готовились поглотить их, вобрать в себя невероятно яркие краски их тел и сделать их частью общего многоцветного облачения.

И все же пока что черные тела выделялись — Конан сразу понял, чем: посреди буйного бурления тропической жизни, которая властно заявляла о себе в каждом листке, в каждой травинке или ниточке паутины, мертвцы казались чем-то лишним.

Скоро тление коснется их, и они снова будут

приняты в лоно породивших их джунглей, станут пищей для новых поколений.

Конан приблизился к одной из неподвижных фигур и дотронулся до нее пальцем. Неожиданно человек покачнулся, смялся, как тряпка, и упал к ногам киммерийца бесформенной грудой. Конан взял его за плечо пальцами. Пустая оболочка повисла, драпируясь складками морщинистой кожи.

Зонара вскрикнула и зажала рот руками. Муравьи сожрали все, даже кости. Они выели человека изнутри, проникнув в его тело через глаза, уши, рот, ноздри. И произошло это в считанные минуты.

Их было так много, что одновременно погибло не менее двух десятков человек. И вряд ли кто-нибудь из них спасся в эту ночь.

Конан окинул взглядом страшную поляну.

— Они даже не успели ничего понять, — сказал он Зонаре. — Они ведь постоянно жевали этот наркотик. Просто их грезы взбунтовались и сделались ужасными, а потом все оборвалось.

— Я не испытываю к ним сострадания, — заявила Зонара, тем не менее содрогаясь всем телом. — Они заслужили свою участь. Ох, не знаю, Конан! — сдалась она и заплакала. — Мне так страшно!

— Муравьи ушли, — заверил киммериец.

— Откуда ты знал, как это сделать? — спросила женщина, обнимая свою обезьянку так, словно зверек мог ее утешить.

— Мне рассказывали о подобном способе каз-

ни друзья-туземцы, — ответил Конан-Амра и оскалил зубы. — Как тебе?

— Они не вернутся? — еще раз спросила Зонара.

— Нет. Поверь мне. Они приходят и уходят, как морской отлив. Они ушли искать себе другую добычу. Здешние туземцы рассказывали мне, что у них есть общая мать, и если уметь разговаривать с нею, то можно управлять целыми мириадами муравьев.

— И ты... говорил с этой их матерью?

Конан засмеялся, видя, как недоверчиво покачивает головой его спутница.

— Нет, конечно! Я просто сделал для них лакомую приманку. Ты же все видела своими глазами, Зонара. Нельзя быть такой доверчивой. Знаешь, один слепец мечтал стать зрячим и перепробовал множество различных средств. Наконец он пришел к старухе, которая уверяла, будто может сделать слепого человека зрячим — ну, хотя бы немножко. Так, чтобы различать, где свет, а где тьма.

— И что?

— В конце концов, слепец отказался от этой затеи. «Вы, люди, слишком доверяете своим глазам, — сказал он, — а я доверяю слуху, запаху и предчувствиям. Поэтому я всегда распознаю ложь, а вы отдаете себя во власть очевидности»... Там была длинная история, которая подтверждала его правоту, да только я позабыл подробности.

— Ты просто кладезь премудрости, Конан, — съязвила Зонара. — Откуда ты набрался всех этих историй о слепцах?

— Рассказала одна замечательная женщина. Если бы я был ровесником собственного прадеда, то непременно завел бы с нею большую любовь. Во всяком случае, так она утверждает.

— Смотри! — оборвала болтовню развеселившуюся киммерийца Зонара и дернула его за руку.

Конан поднял голову и взглянул туда, куда указывала Зонара. В небе кружили два странных существа: одно — черное, похожее на летучую мышь, только огромную, с выставленными клыками, вроде клыков саблезубого тигра, другое — пестрое, гораздо меньшее размерами...

— Человек! — воскликнул Конан. — Это же шаман! Он парит в воздухе, раскинув руки!

— И с ним дух! — добавила Зонара.

— Стань на открытом месте, — быстро приказал ей Конан. — Кричи, умоляй, простирай руки! Я хочу, чтобы дух опустился к тебе.

— Ты с ума сошел? — возмутилась женщина.

— Вовсе нет. Мне нужно подманить его, чтобы я мог убить его ножом. У меня, как ты, вероятно, заметила, нет лука со стрелами. Торопись, Зонара! Иначе они улетят к селению — и тогда...

Зонара опустила обезьянку на землю и побежала на поляну. Обезьянка горестно заверещала и поскакала было следом, но затем вернулась и закрыла личико белыми лапками.

Конан фыркнул:

— Все будет хорошо, маленькая сестра, вот увидишь.

Обезьянка тихо цвиркнула, как будто сомневаясь в словах киммерийца. Конан быстро заша-

гал по развалинам брошенного города, направляясь к Зонаре. Он хотел подкрасться и нанести удар духу из засады.

Завывания Зонары разносились далеко по джунглям. Она призывала богов спасти «беззащитную девушку», кляла «гнусного киммерийца», заклинала «добродетельного духа», чтобы тот «снизошел к мольбам добродетельной красавицы» — словом, несла полную чушь. Конан даже подивился изобретательности своей подруги. Впрочем, чему тут удивляться — за годы выступлений на улицах и площадях она научилась многому.

Дух уже был близко. Шумно хлопая кожистыми крыльями, он завис в воздухе прямо перед Зонарой. Она видела его маленькую морду, похожую на сильно искаженное человеческое лицо, гротескное, дьявольское. Крошечные глазки горели, с клыков срывались клочья желтоватой пены. Дух облизнулся длинным узким языком. Зонара ощутила, как по ее ногам течет горячее, — от ужаса она обмочилась. Такого с ней не случалось уже очень много лет. От стыда и страха она взвыла.

Внезапно выражение «лица» злого духа изменилось. Язык снова высунулся и задрожал в воздухе, мелко и быстро.

Огонь в глазах погас, а из пасти вырвалось тихое шипение. Затем крылья отчаянно захлопали, и чудовище принялось метаться из стороны в сторону.

Зонара бросилась на землю — иначе когти

монстра зацепили бы ее и изувечили. Теперь дух не шипел, а тонко, пронзительно кричал.

Наконец Зонара разглядела, что в спине чудовища торчит кинжал. Это был кривой кинжал, изготовленный, видимо, каким-то местным умельцем. Вокруг кинжала голая плоть духа вздулась, как будто от воспаления. А Конан стоял чуть в стороне и глядел на небо.

Наконец, испустив последний вопль, такой высокий, что у Зонары заложило уши, дух повалился набок и затих. И в тот же миг с небес низвергся шаман. В последнем полете он размахивал руками, точно птица с перебитыми крыльями, в тщетной попытке снова взлететь. Разрисованный, украшенный перьями и зловещими «трофеями», шаман просвистел по воздуху и с силой грязнулся о землю, причем упал так неудачно, что острый сук прошил его насквозь.

* * *

— Чем ты убил духа? — спросила Зонара, потрепав по шее свою обезьянку, которая вновь сидела у нее на плече. — Я уверена, что это был необыкновенный кинжал.

Конан любовно огладил мешок, набитый драгоценными камнями, резной костью и женскими украшениями — браслетами, кольцами, ожерельями.

— Я нашел это оружие в развалинах, — сказал он. — На нем были письмена. А уж если видишь письмена, Зонара, — поверь моему опыту! — доб-

ра не жди. Я и разбираться не стал, тем более что этот язык мне незнаком.

— Тебе даже родной язык в письменном виде незнаком! — засмеялась Зонара.

— В Киммерии письменность почти не развита, — с достоинством возразил Конан. — А для того, чтобы воткнуть нож в спину злого духа, грамота не требуется. Один слепец, например, не умел читать...

— ...что естественно в его положении... — вставила Зонара.

— ...однако стал отцом семнадцати детей. И когда ему говорили, что лишь немногие похожи на него лицом, слепец неизменно отвечал: «Внешность не главное».

Зонара расхохоталась, а затем вновь стала серьезной.

— Но почему ты был так уверен, что шаман упадет с небес?

— Шамана удерживал в воздухе злой дух силой своих чар. Ты ведь не веришь, что человек в состоянии летать без посторонней помощи? А это был человек злой и горделивый. Разумеется, он наслаждался полетом, сколько мог, и не думал помогать своему благодетелю. Он был уверен, что дух справится с такими ничтожными людьми, как ты да я. И поплатился.

— Ох, Конан! — Зонара вдруг остановилась и повисла на шее у киммерийца. — До чего же я рада, что все кончилось!

Конан предложил:

— Давай разделим добычу сейчас. Я не хочу

показывать в селении, что именно мы нашли в развалинах.

Зонара согласно кивнула и с жадностью уставилась на мешок. Конан уселся поудобнее на земле, скрестив ноги, и развязал тесемки. Сперва он бережно вынул некий круглый предмет, завернутый в парчовую ткань.

— Что это? — спросила Зонара, алчно облизывая губы кончиком языка.

— Голова духа, — невозмутимо объяснил Конан. — А это — голова шамана.

— Тьфу! Какая гадость!

— Я должен показать их в селении, — сказал Конан. — А потом унесу обратно и закопаю в руинах. Надо же успокоить этих милых людей, которые были ко мне добры и исцелили мои раны.

Зато прочее содержимое мешка вполне удовлетворило Зонару.

Спустя несколько месяцев Конану рассказывали в порту о прекрасной офирской госпоже. Она, мол, была щедра и капризна, однако при случае — время от времени — не гнушалась ласками простых моряков, которых потом богато одаряла. Онасыпала деньгами и в конце концов отправилась на корабле... кажется, в Аквилонию... При ней была обезьянка, которая смешала всех своими веселыми проделками. Да и госпожа, честно сказать, тоже была веселая. Жаль, что уехала...

«Отдай мне свою молодость!»

з царственного Султанапура в Шадизар медленно двигался роскошный караван. Десять верблюдов везли поклажу, тщательно увязанную и украшенную кистями. Далее, запряженная четверкой лошадей, катила по дороге повозка. И какая это была повозка! На крыше колыхался белый пышный султан, окна были забраны тонкими занавесками, полуупрозрачными, но непроницаемыми для дорожной пыли. Несколько погонщиков, оборванных, смуглых, низкорослых, напоминающих, скорее, разбойников, гарцевали на конях вокруг повозки и верблюдов. Это были заморийцы, которые предпочитали голодать сами, лишь бы сыты и ухожены оставались их лошади. Кем бы ни был хозяин этого каравана, он умел подбирать людей для ухода за животными.

Двое сонных пышнотелых и богато разодетых

стражника покачивались в седлах по обе стороны повозки. Эти люди, родом из Турана, служили за плату и были совершенно равнодушны к нуждам своего работодателя. Впрочем, тот, надо полагать, хорошо знал, что делал, нанимая их. Они служили ему не столько для охраны, сколько для представительства, и всякий, увидевший этих великолепных воинов в расшитых халатах, вооруженных длинными пиками, подумал бы: «Да, вот, должно быть, важный господин едет в этой красивой повозке!».

Именно такая мысль и мелькнула в голове у предводительницы разбойников, что пробиралась горными тропами в пустынной местности между Замором и Тураном. Эта женщина была не слишком молода — ей уже минуло двадцать, а для здешних краев, да еще при таком образе жизни, который она вела с юных лет, это много. Банда досталась ей «по наследству» — от любовника. Сказать по правде, то была весьма жалкая шайка оборванцев, которые промышляли тем, что отнимали зерно и припасы у крестьян, отправлявшихся в город, чтобы заплатить налоги.

Акме — так звали женщину — была рабыней в Заморе. Смуглая, черноволосая и тощая, она ценилась дешево на невольничьем рынке и потому прежний хозяин, торговец тканями, всегда брал ее с собой, когда отправлялся из Аренджуна в Султанапур со своим товаром. Девушка готовила для него лепешки на плоских раскаленных камнях и обслуживала его прихоти. Если ее и украдут, рассуждал купец, то невелика будет потеря.

В конце концов, так и произошло, когда Большой Пузан со своей шайкой встретился ему на караванной дороге. Только потери оказались куда больше, чем рассчитывал купец: все ткани забрали, повозку разломали, а самого хозяина всего этого добра убили, потому что он пытался торговаться, требовать «справедливости», совал какие-то жалкие монеты в попытках откупиться и страшно надоел Большому Пузану. «Назойливый был человек», — так он выразился, вытирая саблю об одежду убитого.

Девушка осталась с грабителями. Им не было дела до того, что она почти черна, худа и костлява. Пузану наоборот нравились худенькие. А она оказалась к тому же сметлива, дерзка и не боялась крови. Ее стали брать с собой в дело...

Теперь нет Пузана, нет и большинства прежних его лихих товарищей. Сброд, а не воинство грабителей, но других ей не найти. Акме носила просторные черные шаровары, длинную рубаху, перехваченную поясом, и синий шарф, которым закрывала лицо до самых глаз. Из-под шарфа спадали на спину четыре тонких, длинных смоляно-черных косы, похожих на хлысты. Только по этим косам и можно было угадать женщину, так мало женственного оставалось в худой, гибкой фигурке.

Акме подняла руку. Пятеро грабителей замерли в седлах.

— Пора! — выдохнула предводительница, и они помчались вниз, в долину. Лошади умело выбирали дорогу, ступая по знакомой тропе, ко-

торая, если глядеть на нее, не зная, выглядела просто убийственной.

В караване заметили неладное. Роскошные туранские толстяки забеспокоились, зашевелили копьями.

Повозка остановилась. Погонщики схватились за ножи, кони их ржали и вертелись на месте, вздымая пыль.

Один из охранников пал на месте, не успев даже вытащить копье из держателя. Разбойник, проносясь мимо него, отмахнулся на всем скаку мечом, и голова с выпученными глазами покатилась по песку.

Второй ощерился и выставил копье. Всадник, который убил первого охранника, не успел повернуть коня, и со всего маху насадил себя на копье. Длинное древко словно бы выросло у него из груди.

Конь убитого заржал и поднялся на дыбы, выдергивая копье из рук туранца. Тот ахнул... и остался безоружным.

Исход схватки казался предрешенным. Бандиты окружили четверых заморийцев и начали теснить их.

— Сдавайтесь! — звенящим, как медь, голосом выкрикнула Акме.

Заморийцы молча отбивались.

И вдруг написк на них стал слабеть. Кто-то врезался в нападавших с тыла. Двое повалились на песок, не успев издать ни звука; третий с мечом в руке развернулся навстречу неожиданному противнику.

На него глядели два пронзительных синих глаза.

Синие глаза в этих краях считаются дурными. Может быть, потому, что очень редко встречаются. Это на севере матери суеверно скрещивают пальцы и плюют через плечо ребенка, чтобы его ненароком не испортил черноглазый незнакомец. А здесь, на Востоке, такую же реакцию вызывают светлоглазые люди.

Особенно такие — огромного роста, дочерна загорелые, мускулистые, с растрепанными черными волосами. Похожие на дикого зверя.

Зубы блеснули на красивом лице чужака.

— Хочешь один на один? — спросил он на туранском.

Разбойник молча замахнулся саблей. Он не успел пожалеть о своей дерзости. Длинный меч северянина легко отбил удар сабли. Сила этого чужака была неодолимой. Следующий удар длинного меча раскроил голову разбойника вместе со шлемом.

При виде этой неожиданной поддержки заморийцы осмелились и решительно пошли в наступление. Разбойники, которых вместе с Акме оставалось всего трое, начали отходить, стараясь держаться так, чтобы опасный чужак не смог зайти им в тыл.

Один из заморийцев метнул нож. Лезвие вонзилось бандиту между лопаток, и он упал на спину своей лошади. Испуганное животное потащило его прочь. Последний припал к шее коня и стал нещадно погонять его, но тут случилось не-

ожиданное: конь споткнулся о труп стражника, лежащий поперек тропы, и упал. Разбойник забился, как рыба, выброшенная на берег, в попытках освободить ногу, придавленную боком лошади. Галдя и крича, словно морские птицы, заморийцы подбежали к нему, и один из них пронзил лежащего мечом.

Незнакомец, прищурив синие глаза, наблюдал за расправой. По его лицу невозможно было сказать, как он к этому относится. По его лицу вообще трудно было что-либо сказать.

Предводительница разбойников почему-то медлила. Наконец она решилась и подъехала поближе к чужаку.

— Кто ты? — спросила она повелительно.

Он молча смерил ее взглядом с головы до ног.

Она сняла шарф с лица. Он продолжал смотреть на нее, неподвижно и безмолвно, словно оценивал прежде чем приступить к торгу. Лошадь заплясала под ней, и девушка машинально погладила ее по шее.

— А ты кто? — спросил чужак.

— Акме.

— Чья ты женщина? — Он кивнул, показывая на трупы разбойников.

— Ничья! — гордо выкрикнула она. — Я была их предводительницей.

Он насмешливо прищурился и покачал головой с шутливым укором.

— Очень некрасиво, — сказал он.

— Как ты можешь осуждать меня! — вспыхнула Акме.

— Некрасиво врать взрослому мужчине, — пояснил незнакомец.

— Это кто здесь взрослый мужчина? — донесся голос из повозки.

Оба как по команде повернулись на звук. Незнакомец прикусил губу, словно досадуя на себя за то, что не догадался заглянуть в повозку.

А голос между тем продолжал:

— Это ты-то взрослый мужчина? Ну-ну-ну, очень глупо! Я мог перестрелять вас из лука, пока вы таращили друг на друга глаза и разбирались, кто из вас страшнее! Ну, Конан, отвечаю! Ведь это ты?

Голос начал казаться Конану очень знакомым. Он приблизился к полуопрзрачному окну и проговорил:

— Да, это я. А это... неужели ты, Тьянъ-по?

Занавеска отодвинулась, и из окна высунулась круглая физиономия ученого кхитайца. С тех пор, как Конан расстался с ним в замке Амрок, прошло несколько лет. За эти годы киммериец приобрел несколько новых шрамов и стал ощутимо тяжелее, крепче — он входил в возраст зрелости. А кхитаец остался таким же, каким и был, — похожим на подростка, щупленьким и в то же время мудрым какой-то древней, вековечной мудростью, которая всегда оставалась для Конана непостижимой.

— Ну и ну! — сказал Тьянъ-по. — Вот это встреча!

— Ты теперь важный господин, — засмеялся киммериец. — Путешествуешь как богач. Немуд-

рено, что на тебя напали. Почему ты взял только двоих охранников?

— А сколько ни возьми — если уж нападут грабители, то беда! — пояснил кхитаец. — Возьмешь пятерых — убьют пятерых. Лютые люди в этих горах. Мне, Конан, жаль пятерых. Чем меньше людей погибнет, тем лучше.

— Взял бы хоть стоящих, — продолжал Конан. — А то от этих никакого проку! Я все видел. Я был неподалеку, когда началось это безобразие.

Он посмотрел в упор на Акме, которая прикусила губу и ответила дерзким взором.

— А тех, от которых есть прок, — тех жалко, — сказал кхитаец.

— У тебя удивительная логика, — фыркнул варвар.

— Кхитайская, — скромно потупился Тьянъ-по. — Я стал богат.

— Почему ты не живешь в замке? Он ведь достался тебе по праву!

— Мне дали за него хорошие деньги. Там отвратительная погода, знаешь? — Кхитаец засмеялся. Глаза его превратились в две тоненькие щелочки. — Правда, перед тем, как уехать, я забрал оттуда кое-какие книги и записи покойного графа Амрок. Изучал их на досуге, кое-что построил.

— Ты же не хотел строить летательные механизмы! — вспомнил Конан. — Боялся за законы природы или что-то в этом роде.

— Зато я построил очень точные водяные часы, которые умеют замедлять время. Незамени-

мы для любовников, которым хочется побывать наедине подольше.

Конан поднял брови, но ничего не сказал. Как он уже признавался, логика кхитайца так и осталась выше его разумения.

— Что будем делать? — спросил наконец Конан. — Так и будем здесь стоять и ждать, пока солнце нас расплавит?

— Это было бы слишком по-философски, — согласился кхитаец. — Я направлялся в Шадизар. А ты?

Конан призадумался. Он тоже собирался навестить этот город, который считался раем для воров, город богатых бездельников, голодных и жадных авантюристов, роскошных женщин, томящихся от скуки, — а главное, город несметных богатств, которые тоже любят приключения и охотно переходят из рук в руки. Но рассказывать обо всем этом кхитайцу, человеку преуспевающему и обладающему странным складом ума, не хотелось. Поэтому киммериец в конце концов проговорил:

— Почему бы и нет? Составлю тебе компанию.

— Отлично, — молвил кхитаец и хотел было задернуть занавески, но Конан остановил его:

— Погоди. Последний вопрос — насчет этой женщины.

Узкие глаза равнодушно скользнули по лицу Акме, чуть зацепили шелк у нее на груди. Потом Тьянъ-по проговорил:

— Оставь ее себе, если хочешь. Мне она не нужна.

— Может быть, кто-то из твоих людей захочет предъявить на нее права? — полюбопытствовал киммериец.

Тьянъ-по наморщил лицо.

— Умоляю тебя, Конан! Перестань. Мне совсем не хочется, чтобы ты перебил моих чудных заморийцев. Они так хорошо заботятся о лошадях и верблюдах! Где еще я найду себе таких слуг? Нет уж, скажешь им, что эту женщину я отдал тебе — и все.

Акме смолчала. Это молчание сказало Конану куда больше, чем слова. В том, как держалась поверженная предводительница разбойников, ощущалась давняя привычка к подчинению.

— Ты ведь была рабыней, не так ли? — обратился к ней Конан.

Она сверкнула угольно-черными глазами.

— Может быть!

— Останешься пока со мной, — примирительным тоном сказал ей киммериец.

— Если ты думаешь, что я... — начала она сквозь зубы, но Конан оборвал ее:

— Никогда в жизни, ни одну женщину я не взял против ее воли. В конце концов, я не так уж дурен, чтобы не найти себе подругу. Но если ты не останешься со мной, этим воспользуются бравые ребята из свиты нашего кхитайца.

Акме молчала. Конан похлопал ее по плечу, как будто она была пареньком:

— Это совет, Акме.

Она молча тронула коня и поехала рядом с киммерийцем.

* * *

В Шадизаре у Тьянъ-по было интересное дело. Один из тамошних ученых по имени Малохай работал над эликсиром вечной молодости и, как он писал своему ученому другу, сильно продвинулся на пути к успеху. В ответном письме Тьянъ-по выразил сильное сомнение в этом. Малохай прислал посыльного, который ворвался в роскошный дом кхитайца и выкрикнул: «Мой господин говорит, что он — не хвастун, а ты, уважаемый, — чванливый невежда!» — после чего упал без чувств от усталости. Выполняя волю своего хозяина, он скакал к его ученому оппоненту день и ночь, загнал коня и остаток пути пробежал пешком, лишь бы побыстрее сообщить ему порученное.

Тьянъ-по осмотрел лежащего, молвил: «Какая преданность!» и распорядился ухаживать за ним получше. А сам начал собираться в дорогу. Что-то не понравилось ему в сообщении Малохая. Слишком уж тот самоуверен. Как бы и в самом деле не оказалось, что эликсир найден.

«Это было бы катастрофой, — размышлял Тьянъ-по. — Конечно, такое снадобье стоило бы очень дорого. Оно было бы по карману только богачам и правителям, большая часть из которых заслуживает не вечной молодости, а скорейшей кончины. Очень-очень плохо.»

Однако, будучи настоящим ученым, Тьянъ-по предпочел явиться в Шадизар лично и разобраться во всем на месте. Поэтому он взял несколько

книг, незаконченный трактат «О свойствах времени», над которым время от времени работал, прихватил в подарок коллеге чистых пергаментов и связку кхитайской рисовой бумаги, погрузил все это на верблюдов — и отбыл.

Нападение разбойников не обескуражило его. Он знал, что в любом случае отнять у него могут только его жизнь. А жизнь кхитайца, с точки зрения грабителей, стоила очень мало.

К тому же он верил, что не умрет раньше, чем иссякнет отпущенный ему богами срок. Эта идея подробно была разработана им в трактате «О свойствах времени». Появление Конана, столь своевременное и как будто случайное, лишний раз доказывало, что кхитаец прав: никто не может присвоить твое время, если оно твое (таков был один из тезисов его сочинения).

Шадизар предстал перед путешественниками в лучах заката — прекрасный город с высокими разноцветными башнями. Солнце окрашивало позолоченные шпили в кровавый цвет, играло на золотых бусинах, обвивающих круглые купола, бросало отблески там, где в окна были вставлены хрустальные пластины. Великолепие Шадизара каждый раз поражало путника — независимо от того, как часто это зрелище открывалось его глазам. И Конан, который видел Шадизара далеко не впервые, остановился, завороженный. Город, как распахнутая шкатулка с драгоценными камнями, пылал в ярких красках пышного заката.

Акме смотрела на него, полуоткрыв рот, как ребенок. Конан увидел, что в ее расширенных

блестящих зрачках отражаются городские башни. Девушка показалась ему колдуньей, так странно горели ее глаза. Впрочем, он тотчас отбросил эту мысль как заведомо глупую. Будь она колдуньей, она не стала бы связываться с этими жалкими грабителями. Нашла бы себе что-нибудь поинтереснее.

«А может быть, и нашла», — мелькнуло у него в голове.

Но размышлять на эту тему было сейчас некогда. Маленький караван становился на ночлег, чтобы войти в город утром. Тьянъ-по был состоятельный и важным человеком, ему совершенно не хотелось пробираться по темным улицам и расспрашивать прохожих о том, где здесь дом ученого Малохая. К тому же он хотел произвести впечатление на коллегу своей повозкой, эскортом и верблюдами, а в темноте все это великолепие просто пропадет.

Тьянъ-по остался ночевать в повозке. Там у него имелось шелковое одеяло, маленькое полено, которое он подкладывал себе под голову, и колючая плетеная циновка. Конан не представлял себе, как человек может спать в таких условиях, однако маленький кхитаец преспокойно подсунул полено под шею, вытянулся на циновке и тотчас мирно заснул.

Акме не отходила от Конана ни на шаг. Она снова замотала лицо шарфом, но глаза ее так и двигались, следя за заморийцами. Когда киммериец устроился возле костра, девушка молча легла рядом с ним. Конан хозяйски сгреб ее за пле-

чи и прижал к себе. Так они и проспали всю ночь.

Прикосновение к Акме не понравилось киммерийцу. Она была костлявой и горячей — слишком горячей, как будто ее снедает внутренний жар. Однако девушка ничем не хворала. Конану показалось, что он обнимает какое-то животное, маленькое, верткое, молчаливое. Утром он поскорее встал и отошел от нее подальше.

— Ты изменился, — заговорила она, приближаясь к нему. — Почему ты изменился ко мне, господин?

— Для начала, я тебе не господин, — сказал киммериец. — Избави меня Кром от такой рабыни! Кто ты такая, Акме?

— Не знаю, — сказала девушка и заплакала под своим покрывалом.

Ее слезы вызвали у Конана отвращение. Он попытался скрыть это, отвернувшись, однако Акме что-то почувствовала и больше к нему не приближалась.

Шадизар встретил их праздничным шумом. Здесь всегда царило веселье. Ревели быки и верблюды, ржали лошади, вопили упрямые ослы. Люди кричали, смеялись, бралились, расхваливали свой товар, шумно требовали денег, вина, справедливости, восхищались походкой и взглядом проходящей мимо красотки, статами лошади, искусной огранкой драгоценного камня... А запахи! Запахи пряностей, жареного мяса, раскаленных углей, свежевытканного полотна, сладкого женского пота, густых и тягучих благовоний, конско-

го навоза, розовой воды... Чем только не пахнет в Шадизаре!

Этот город оглушал и опьянял. Тьянъ-по, сидя в повозке, нюхал высушеннюю лилию, обладающую тонким, легким, изысканным ароматом, а уши заткнул тряпочками.

— Здесь все для меня слишком пряно, — пояснил он, когда Конан заглянул к нему в окно. — Попроси возницу, чтобы поскорее доставил нас к дому Малохая.

Но «поскорее» не получалось, и повозка с верблюдами медленно тащились по запруженным улицам.

Дом Малохая стоял в восточной части города. Из окон верхних этажей открывался прекрасный вид на башни, зато нижние комнаты смотрели прямо на мусорную свалку и глухую стену соседнего дома. «Что поделаешь, — оправдывался Малохай, — мы живем в большом городе. Где много людей, там много мусора».

Конан не мог с ним не согласиться.

Малохай был полной противоположностью Тьянъ-по: рослый, грузный, вечно потеющий лысый человек в засаленном парчовом халате. Чистенький и скромный Тьянъ-по рядом с ним как-то терялся.

Но только до тех пор, пока они не начинали разговаривать. Как хорошо было известно Конану, кхитаец никогда не лез за словом в карман, и спорить с ним было опасно. Тут уж внушительный Малохай терялся и даже как будто становился меньше ростом.

Правда, из их ученых споров киммериец не понимал ровным счетом ничего...

Малохай очень обрадовался гостям, велел слугам, чтобы те разместили их на верхнем этаже, подали фруктов, вина и сладких булочек с изюмом, а также принесли благовонные палочки и розовую воду. Все это было доставлено.

Слуги, сгорающие от любопытства, входили к гостям по очереди. Один принес корзину с яблоками, поглядел украдкой на пришельцев — странную пару представляли собой рослый киммериец и маленький кхитаец — и удалился. Но не успел опуститься за ним тяжелый бархатный занавес, как на пороге комнаты робко возник второй — с персиками на блюде и вином в кувшине. Третий слуга доставил ароматические угольки и палочки.

Конану надоело это паломничество. Он схватил слугу за плечо.

— Приходите уж сразу все. Сколько вас тут?

Слуга чуть дернулся, словно пытаясь высвободиться, но хватка у киммерийца была железная, и слуга обмяк.

— Нас, господин? — переспросил он, глупо моргая. — Нас тут... десять. То есть... если считать женщин. А конюхи...

— Никаких конюхов! — велел Конан. — Пусть придут сразу десять слуг. Быстро!

Для внушительности он взревел страшным голосом и выпустил плечо. Слуга мгновенно скрылся. Кхитаец смеялся, беззвучно трясясь и щуря глаза. Он сидел на стопке ковров у стены, под

нишей, где стоял медный кувшин — единственное украшение этой комнаты, — и прихлебывал холодное вино из широкой плоской чашки. Конан мрачно сжевал персик, подошел к окну и выплюнул туда косточку.

Тем временем у занавески послышалось шуршание и тихое перешептывание. Конан повернулся в ту сторону и гаркнул:

— А ну, все вошли! Живо!

Слуги один за другим показались в комнате. Конан прошелся перед ними, как полководец перед строем солдат перед битвой.

— Итак, — заговорил он громким, рыкающим голосом, — вы явились сюда для того, чтобы поглядеть на гостей своего господина. На огромного великана и крошечного карлика. Оба — страшные уроды. Так вам сказали? — Он повернулся к слугам, выпучил глаза и оскалил зубы. — Признавайтесь, жалкие недомерки!

Вперед на подгибающихся ногах вышел пожилой слуга в дорогом хадате — куда более чистом и новом, чем у Малохая.

— Нет, господин, — заговорил он, кланяясь. — Нам сказали, что к нашему хозяину приехали диковинные чужеземцы.

— Увидели? — спросил Конан.

— Да, господин, — трясущимися губами вымолвил пожилой слуга.

— Вон отсюда! — крикнул Конан так, что кувшин в нише зазвенел и долго еще не мог успокоиться. Любопытных слуг как ветром сдуло.

Конан обернулся к Тьянъ-по, страшно доволь-

ный своей шуткой. И тут только он увидел, что ученый кхитаец скрчил невообразимо ужасную рожу, широко растянув длинный рот, сузив глаза и раздув ноздри.

И ученые коллеги с наслаждением погрузились в свои многочасовые споры о сущности времени и способах воздействия на последнее. Малохай полагал, что сумел подобрать состав эликсира, который позволяет изменить состав тела человека настолько, что этот человек начинает жить как бы в индивидуальном времени и поэтому не стареет. Тьянъ-по для начала выдвинул множество возражений, основанных на глубоком знании свойств времени. В частности, утверждал кхитаец, время может быть замедлено, но очень недолго, на час или два. И состав человеческого тела тут не при чем, важна реакция окружающей среды на данное человеческое тело...

Конан был не в состоянии и нескольких минут выслушивать эти разговоры. Для себя он определял проблему так: толстяк в грязной парче придумал шарлатанское зелье и хочет продавать его подороже, а кхитаец отказывается состряпать для этого пойла наукообразную книгу, которую можно было бы распространять среди глупых шадизарских богатеев...

Конечно, рассуждал сам с собой Конан, надуть здешних толстосумов — святое дело. Но, с другой стороны, у Тьянъ-по имелось собственное поня-

тие о чести. И это понятие не позволяло маленькому ученому идти против совести. Он служил науке, как умел, и делал это совершенно честно.

Киммериец счел за благо не вмешиваться в отношения двух ученых мужей. В конце концов, у киммерийца и собственных дел по горло. И первое из них — Акме.

Чем больше он думал об этой девушке, тем больше она его настораживала. А она, как назло, не отходила теперь от него ни на шаг. Проведя ночь на кухне, у порога комнатки, где спала стряпуха, она выбралась во двор и подстерегла Конана возле конюшни.

— Я еду в город, — предупредил киммериец. — У меня там дела. И мне не нужны провожатые.

— Возьми меня с собой, господин! — взмолилась Акме.

— Сиди дома! — велел Конан грозно. Он заметил в дверном проеме Тьянъ-по, который делал ему какие-то таинственные знаки и усиленно гrimасничал, кивая круглым сморщенным в ухмылке лицом.

Киммериец бросил Акме и быстрым широким шагом приблизился к Тьянъ-по.

— Что? — спросил он шепотом.

— Важный разговор! — отозвался ученый кхитаец и поднял вверх тонкий палец, измазанный тушью.

Они прошли во внутренний дворик — гордость апартаментов Малохая. Там имелся небольшой сад, за которым тщательно ухаживали, а в

центре, орошая зеленую клумбу, был небольшой фонтанчик.

— Лучшего места для секретов не найти, — молвил Тянь-по. — Послушай-ка меня, Конан, я наткнулся на очень неприятное дело...

— Куда ни погляди в этой бренной жизни, повсюду отыщется неприятное дело, — заметил Конан философским тоном.

— О! — воскликнул Тянь-по, изобразив удивление. — Неужто и тебя поразила мудрость высокоученого Ау Ку, который написал в своем трактате «Увяддающий цветок»: «Один человек купил обезьяну, чтобы она скрасила дни его старости, — но что же?..»

— К делу! — перебил Конан, которому совершенно не интересно было слушать про кхитайскую обезьяну. — Я хочу выбраться в город. Что ты там обнаружил?

— Мне кажется, ты мог бы помочь мне...

И они углубились в разговор. Поначалу говорил один кхитаец, быстро, отрывисто, нанизывая слово на слово, точно бусинки на нитку, а Конан слушал и делался все мрачнее и мрачнее. Потом Тянь-по замолчал, и тогда настал черед киммерийца. Он произнес всего одну фразу, но эта фраза заставила Тянь-по расплыться в улыбке. Ученый похлопал Конана по плечу и быстрыми шагками удалился в дом, а Конан вернулся к конюшне.

Акме все же увязалась следом. Когда он смерил ее грозным взглядом, она украдкой показала ему кинжал, спрятанный в одежде.

— Я могу быть тебе полезной, — тихо сказала она одними губами, но он ее понял и махнул рукой:

— Ладно.

Особенных «дел» в Шадизаре у Конана как будто не было. Для начала он побродил по рынку, ненароком спрашивал о знакомых ворах. Кто-то давно покинул Замору, кое-кого колесовали на площади. Несколько человек погибли в схватках с городскими стражниками. О новых личностях, процветающих ныне в Шадизаре, Конану рассказывали скучно и неохотно. Побаивались. Однако киммериец выглядел силачом-простофилей, поэтому в конце концов ему выложили почти все.

Среди местных воров сейчас заправляет некий Сардар, личность темная и мрачная. Поговаривали, будто он умеет связываться с духами умерших. И будто бы эти духи, под воздействием разного колдовства (а Сардар знает много заклинаний), выкладывают грабителю все, что знают, о семейных сокровищах. Где хранятся реликвии, где сделаны тайники, какие драгоценности имеют очень большую цену, а какие представляют собой дешевую поделку. Сардар — так сказали Конану — наносит удары редко, но всегда попадает точно в цель, и если уж он решится кого-нибудь обокрасть, то берет всегда наилучшее и действует безошибочно.

Все это очень не понравилось Конану. Такие люди, как этот Сардар, терпеть не могут чужаков, орудующих в «их» городе. Они присваивают

себе всю добычу и ревниво ее охраняют от посторонних.

Конан не отказался бы сейчас от хорошего семейного ожерелья. Или от десятка золотых браслетов. Деньги никогда не задерживались в руках киммерийца, какими бы крупными и сильными ни были его ладони.

Акме, которая повсюду следовала за ним, ежилась и плотнее куталась в свой шарф, когда киммериец заговаривал с шадизарскими ворами. Вероятно, кое-кто из местных грабителей знал ее по лучшим временам, подумал Конан, и ей не хочется, чтобы знали о ее поражении.

Разузнав все, что хотел, Конан зашел в маленькую таверну на краю рыночной площади и взял вина для себя и своей спутницы.

— Тебе все равно не удалось бы удержать при себе банду, — сказал ей Конан, желая утешить девушку. — Ведь после смерти твоего мужчины разбежались почти все, не так ли?

— Трусы, — прошептала она. — Он собирал себе отряд не так, как другие предводители. Он брал только тех, кто от него зависел. Тех, кому спас жизнь, кого купил на невольничьем рынке или кого пощадил во время набега. Он думал, что они будут ему преданы. А потом, умирая, взял с них слово, что они станут служить мне.

— Никогда не предполагал, что Большой Пузан был столь наивен, — вздохнул киммериец.

Акме сверкнула глазами.

— Он связывал их заклятием, — сказала она тихо. — Поэтому они и подчинялись ему. Ну, те-

перь ты услышал все, что хотел, не так ли? Когда его убили, сила заклятия постепенно ослабла...

— Ясно, ясно, — прервал киммериец. — Избавь меня от подобных разговоров. Если бы Большой Пузан был жив, я лично прикончил бы его. Ненавижу, когда является какой-то умник и при помощи чар забирает у тебя волю.

Девушка промолчала. Конан сердито выпил свое вино и заказал еще. Он обдумывал, как ему лучше встретиться с Сардаром.

Но, как выяснилось, Сардар уже все решил за них обоих, и вскоре к Конану за стол подсели двое. Оба обладали неприметной внешностью и к тому же прятали свои лица в тени.

— Ты спрашивал о человеке по имени Сардар, — тихо проговорил один из них. — Мы можем познакомить тебя с ним.

— Еще есть время остановиться, — добавил второй. — Если сегодня до закрытия ворот ты исчезнешь из города, то Сардар забудет о том, что ты интересовался его делами.

— Нет, нет, — неспешно отозвался Конан. — Мне очень интересно, не сомневайтесь. Сейчас допью вино, и пойдем.

— А это кто такой? — кивнул бандит в сторону Акме.

— Мой слуга. Молчаливый парнишка. По правде сказать, совсем молчаливый — у него отрезали язык.

Бандит взял в руки одну из кос Акме и выразительно щокнул:

— А это что?

— Волосы, — сказал Конан. — А ты что подумал?

— Женская прическа.

— Говорю тебе, это парень! — рассердился Конан. — И у него нет языка. — Последние слова он особенно подчеркнул, адресуя их, скорее, Акме, чем своим собеседникам.

Все четверо встали и направились к выходу из таверны.

* * *

— Вероятно, существует возможность усиливать воздействие эликсира молодости на личное время каждого человека за счет личного времени другого человека, — говорил Малохай.

Узкие глаза Тьянь-по вдруг округлились.

— Ты хочешь сказать, что... нашел способ забирать время у одного и отдавать другому? — прошептал он, словно не веря услышанному.

— Приблизительно так, — важно кивнул Малохай.

— Но ведь это безнравственно, — сказал кхитаец очень спокойным тоном.

— Возможно. Пользуемся же мы услугами рабов, — возразил Малохай. — Мы забираем личное время у наших слуг и за счет этого увеличиваем собственное свободное время. Более того. Нанимая стражников, мы отдаем себе отчет в том, что они обязаны умереть вместо нас в случае нападения разбойников.

Тьянь-по, который совсем недавно пережил

именно то, о чем говорил Малохай, молча кивнул. Однако в рассуждениях своего ученого оппонента он ощущал нечто крайне неприятное.

— Все-таки эти люди живут свою жизнь, — сказал Тьянь-по наконец. — Даже если они тратят ее на то, чтобы обслуживать нас. А забирать молодость — даже у никчемного, глупого раба... Нет, как хочешь, но это безнравственно. И кроме того, чужое добро никогда не приносит пользы. Послушай одну притчу, которая тебе все объяснит. Два человека делили наследство и никак не могли решить, кому взять большой горшок, а кому — маленький. Оба, разумеется, хотели получить большой. Когда они пришли к правителю, он ведел: «Следует разделить наследство пополам. Разбейте оба горшка и раздайте обоим наследникам черепков поровну». Возможно, так получится и с разделенной молодостью.

— Бессмысленный подход! — возмутился Малохай. — Бессмысленный и умозрительный. Я предлагаю поставить эксперимент!

— Согласен, — медленно кивнул кхитаец. — Кто участвует?

— Между прочим, у меня длинный список шадизарских вельмож и богачей, — хвастливо заметил Малохай. — Все они умоляют меня продлить им жизнь. Любой из них готов попробовать эликсир, хоть сегодня.

— А у кого ты намерен забирать время?

— Найдем, — уверенно сказал Малохай. — Главное — начать. Я хотел бы, друг мой, чтобы ты вел записи.

— Моим наилучшим каллиграфическим почерком, — заверил его Тьянъ-по.

* * *

Сардар обитал в убогой покосившейся лачуге, стоявшей на окраине Шадизара, среди мусорных куч и дешевых притонов. Однако стоило Конану переступить порог, как он поневоле зажмурился от яркого света. Внутри лачуга выглядела совершенно иначе, чем снаружи. Ее стены оказались каменными. Снаружи их облепляла грязная солома, но это оказалась просто маскировка. С потолка на тонких цепочках свисали медные лампы, заправленные лучшим маслом. Отполированные бока ламп отбрасывали яркие искры, все блестело и переливалось. Чисто выбеленные стены были украшены золотыми кувшинами и кальянами для курения, стоявшими в многочисленных нишах, а под нишами стопкой лежали красивые султанапурские ковры.

Полуобнаженные девушки подбежали к гостям и принялись виться вокруг них, одаряя Конана обольстительными улыбками. Киммериец ласково щипнул одну из них за бедро, она рассмеялась, закрыла лицо в притворном смущении и убежала.

Навстречу посетителям встал Сардар. Это был жилистый невысокий человек, такой смуглый, что казался плохо умытым. В его ушах качались массивные золотые серьги, курчавые волосы перехватывала головная повязка, украшенная золо-

тыми подвесками в виде маленьких лошадей и быков.

Он сделал приветственный жест. Конан не заставил повторять дважды — уселся на ковры, скрестив ноги. «Немой мальчик» встал за спиной у своего «хозяина». Сардар лишь бегло смазал его взглядом и устремил все свое внимание на огромного киммерийца.

— Вина? Фруктов? — любезно проговорил он. Холодный изучающий взгляд странно контрастировал с приветливым тоном его голоса.

— Благодарю, — неопределенно ответил Конан. — Ты хорошо живешь, Сардар, — добавил он, выразительно осматриваясь в жилище бандита.

Тот пожал плечами.

— На меньшее не согласился бы никто, — сказал Сардар. — Меньшее недостойно человека.

— Шадизар — прекрасный город, — уклончиво произнес Конан.

— Мне доводилось видеть другие города, но лучше Шадизара я не встречал, — согласился Сардар.

— В Шадизаре человек может позволить себе хорошее жилье, — сказал Конан.

— Еда может быть скучной, одежда — простой, но жилье должно радовать, — сказал Сардар.

В таком духе они обменивались любезностями еще некоторое время, а потом Сардар решил перейти к делу.

— Я слышал, ты прибыл в город вместе с ученым кхитайцем?

— Не могу отрицать, — произнес Конан.

— И этот кхитаец, как говорят, остановился в доме ученого Малохая? — продолжал Сардар.

— И это невозможно опровергнуть, — молвил Конан.

Сардар рассмеялся, сверкнув зубами, и ударили киммерийца жилистой рукой по плечу.

— Вот это речь учитивого человека! Однако скажи мне, незнакомец, наверное, ты слышал нечто, что поможет украсить мое жилище и создать твое?

Конан посмотрел прямо в глаза заправиле шадизарских воров.

— Эликсир вечной молодости, — произнес он.

Они посмотрели друг другу прямо в глаза и начали улыбаться.

* * *

Вечером этого дня Конан и Тьянъ-по имели продолжительный разговор. Маленький кхитаец рассказывал об открытии своего шадизарского коллеги и его грандиозных планах, а огромный киммериец повествовал о Сардаре и его «скромном жилище».

— Ты можешь обокрасть какого-нибудь богача, — говорил Тьянъ-по, очень волнуясь, — и если ты не попадешься на краже и не будешь повешен, то ничего в мире не изменится, ни для тебя, ни для богача. Ты обеднеешь так же быстро, как богач опять обогатится. Но этот эликсир вечной молодости будет отбирать у людей то, что нико-

гда не сможет к ним вернуться. Нет-нет-нет, это следует остановить.

— Как? — спросил Конан. — Я знаю только один способ: Малохая убить, его зелье вылить, а книги сжечь. Я всегда так поступаю с колдунами.

— Малохай — не колдун, а ученый, — возразил Тьянъ-по. — И есть другой способ. Вот послушай.

Жил один слепец, который хотел попасть на небо. Однажды над ним решили подшутить и сказали: «Мы только что побывали на небе — как там хорошо! Там журчит вода, поют женщины, опалят небесные лошади. Там очень красиво. Жаль, что ты не можешь этого увидеть». — «Но я хотя бы услышу все это», — сказал слепец, и шутники, взяв его под руки, повели его куда-то. Они привели его на высокий холм. Под холмом женщины стирали белье, пели и стучали вальками. «Вот там — небесное царство», — сказали шутники. Слепец слушал и говорил: «Какие удивительные звуки я слышу на небе!»

— К чему ты это рассказал? — спросил киммериец.

— К тому, что человек верит в то, во что хочет верить, — ответил Тьянъ-по. — Главное — поворотнее его обмануть.

Они долго обсуждали детали своего плана и разошлись по кроватям, когда было уже далеко за полночь, и белая луна высоко стояла в роскошном бархатном небе над Шадизаром.

Первый опыт Малохай решился провести над самим собой, а в качестве человека, который отдаст ему свою молодость, был избран Сардар. Малохай считал, что затеял дело одновременно и полезное — ибо что может быть полезнее, чем избавить общество от такого головореза, как Сардар? — и выгодное, поскольку вечная юность оставалась недостижимой мечтой человека на протяжении многих тысячелетий. А когда в Шадизаре увидят, к чему привели эксперименты Малохая, богачи валом повалят к нему в дом и принесут ему огромные, несметные сокровища. «Я буду юн, прекрасен и богат!» — заключил он, глядя на Тьянь-по блестящими, счастливыми глазами. Малохай так увлекся своими мечтами, что даже не удивился тому, что кхитаец не проявляет ни малейшей зависти и не пытается ухватить хотя бы малую толику счастья, выпавшего на долю коллеги.

Что касается Сардара, то он лелеял совершенно иные планы. Он намеревался представиться вымышленным именем и явиться в дом ученого под личиной богатого торговца солью — так он условился с Конаном. С собой он брал всего трех своих людей, полагаясь на собственную силу и ловкость. Когда глупый Малохай поделится с ним своим открытием (а Сардар справедливо полагал, что вид больших денег развязнет ученому язык), главарь шадизарских воров завладеет оружием беспредельной власти. Ради эликсира веч-

ной молодости сильные мира сего лягут к его ногам, как покорные овечки. И тогда... При одной мысли об этом «тогда» у Сардара начинала кружиться голова, и губы его растягивались в пьяной улыбке.

Визит «торговца солью» происходил ночью, под покровом таинственности. Несколько темных теней произнесли несколько условленных фраз, после чего двери в дом Малохая приотворились, и тени проникли внутрь. И вновь воцарилась тишина на улицах спящего Шадизара.

Трое бандитов остались внизу, среди слуг Малохая. Сардар, закутанный в белое просторное покрывало, медленно поднялся по витой лесенке и оказался на втором этаже. Молчаливый слуга проводил его в господские покои. По пути Сардар быстрым, цепким взглядом осматривался по сторонам, но ничего стоящего не обнаруживал. Судя по всему, Малохай жил не бедно, но сокровищ не накопил и все свои деньги тратил на еду и содержание дома.

Комната, где ученый ждал своего посетителя, была обтянута войлочными драпировками, так что внутри напоминала шатер кочевника. Сардар мгновенно понял, для чего это сделано: ни один звук не доносился отсюда наружу. Умно, подумал вор. И недальновидно со стороны Малохая. Потому что никто не придет ему на помощь, когда настанет время Сардaru завладеть ключом к безграничной власти.

Малохай встретил своего гостя сидя на подушках в углу. Он даже не поднялся, поскольку

С Малохаем явно творилось неладное. Кряхтя и задыхаясь, он приподнялся над подушками и упал. Кхитаец наблюдал за происходящим с бесподобным лицом, похожий не на человека, а на маленькую бесчувственную обезьянку.

Малохай забарахтался на полу, выкрикивая бессвязные проклятия.

— Что ты сделал? — разобрал Сардар. Он вдруг понял, что ученый обращается к этому неприятному кхитайцу. — Что ты натворил, а? Помчуму?

Кхитаец молчал. Молчала и женщина. Что-то странное происходило и с ней. Она делалась выше ростом, лицо ее непрерывно менялось, в глазах вспыхнуло пламя... Настоящее пламя! Сардар видел, как они сделались красными и провалились в орбиты.

Волосы женщины взметнулись, покрывало упало на пол, и она наступила на него босой ногой. Черное худое тело женщины больше не было человеческим. Его лизали языки пламени.

Она раскинула руки в стороны. Огонь свисал с ее рук, словно плащ, но ничто в доме не загорелось. И вдруг женщина засмеялась.

Это был звонкий счастливый смех свободного существа.

— Так вот ты кто! — послышался голос, и в комнате показался киммериец. Сардар метнул взгляд в его сторону: Конан, скрывавшийся за занавесом, выступил на середину комнаты и приблизился к пылающей женщине. — Ты — огненный дух!

А она глядела на него пламенными очами и смеялась, смеялась.

— Как вышло, что тебя поймали и заточили в теле невольницы?

— Не знаю! — хотела огненная дева. — Не помню! Не хочу знать!

— Это сделал Большой Пузан?

— Нет! Тот человек умер! Не хочу помнить!

— Конан, — громко произнес кхитаец, вмешавшись в разговор варвара с освобожденным духом. — Погляди-ка на наших друзей. Кажется, они сильно недовольны друг другом.

Действительно, Сардар наконец обнажил кинжал и шатаясь приблизился к Малохай, а тот сжал в кулаки жирные слабые руки и принял угрожающую позу.

— Ты обманул меня! — сипло проговорил Сардар. Теперь, когда процесс завершился, он превратился в дряхлого старца. Не добравшись до Малохая, он остановился и закашлялся, тряся длинными седыми волосами.

— Что... что ты сделал? — обратился Малохай к кхитайцу. Он выговаривал слова, странно булькая. Малохай сделался теперь немощным и расплывшимся, и было видно, что за эти несколько минут он постарел на два десятка лет.

— Я? — изумился кхитаец. — Почти ничего. Кое-чем воспользовался, кое-что подкрутил, изменил состав... Ты не имел права забирать молодость у одного человека и передавать ее другому! Я предупреждал тебя об этом. А Конан и его горячая подруга мне чуть-чуть помогли. Вот и все.

Пока старцы пытались убить друг друга, еле двигая слабыми руками, Конан, Тьянъ-по и огненный дух покинули комнату.

— Вещи я уже собрал, — сообщил кхитайец. — Времени у нас нет.

— Вы — мои друзья, — произнесла огненная дева. Ее звонкий голос исходил не из губ, но доносился изнутри языков пламени, как бы зарождаясь в самом сердце костра. — Что я могу для вас сделать?

— Это обязательное условие полного освобождения духа, — пояснил Тьянъ-по. — Прежде я только читал об этом в одном ученом трактате... Кажется, «Дух воздуха превращается в госпожу».

— Ясно, — перебил Конан.

— Ты очень тороплив, — укорил его кхитайец. — Следует внимательно относиться к наследию прошлого. Освобожденный дух должен помочь своим освободителям. Милая Акме! — обратился он к духу. — Просим тебя: перенеси меня, Конана, все наши вещи и верблюдов...

— И повозку, — вставил варвар.

— Не перебивай! — возмутился Тьянъ-по. — И повозку... Перенеси нас со всеми этими вещами в мой дом в Султанапуре!

И не успел он закончить последнее слово, как все вокруг завертелось, и исчезло, словно они с киммерийцем провалились в глубокий, обмороочный сон.

* * *

Дом Тьянъ-по в Султанапуре был просторным, но убранным очень скромно. Большую часть имущества кхитайца составляли книги и различные приборы. Кроме того он питал настоящую страсть к посуде, однако позволял себе держать в доме лишь несколько чрезвычайно ценных чаш. «Чем меньше у тебя сокровищ, тем более ценные они для тебя, — объяснил он. — Я могу созерцать их часами, и они позволяют мне поддерживать дух в должной чистоте».

Конан ничего не понял из этих объяснений. Дух огня весело разгуливал по всему дому, то вылетая из окон, то развлекаясь с растопленной жаровней.

— Осторожней, — беспокоился Тьянъ-по. — Тут везде книги!

— Нужно покончить с нашими желаниями, — сказал Конан. — Она, вероятно, исчезнет после того, как выполнит определенное количество наших желаний.

— В таком случае, — произнес Тьянъ-по, — милая Акме, достань мне, пожалуйста, трактат кхитайского ученого Бу Пу «Устройства для обжига фарфора». Тот, что со схемами и тысячью рисунками. Он хранится во дворце императора... Все равно никто не читает эту книгу, а мне она необходима.

Пламенеющая дева рассмеялась откуда-то из садика, где Тьянъ-по держал не клумбы с цветами, а... камни. Впрочем, там рос и какой-то ис-

кривленный кустик, который, по уверению хозяина дома, весной покрывался белыми цветами. «Он напоминает мне о скорой преходящести земной жизни», — сказал кхитаец.

Книга хлопнулась откуда-то с потолка. Она была горячей, почти раскаленной, и кхитаец обжегся, когда схватил ее в жадном нетерпении.

— Боги! — застонал он. — Это она! Много лет я вожделел ее, много лет я не спал ночей, мечтая о том, чтобы прикоснуться к ней хотя бы на миг!

— А если сюда явятся люди императора, чтобы отобрать ее у тебя, а тебя предать казни? — спросил Конан.

Кхитаец поглядел на своего спутника хитро.

— Вряд ли они догадаются, куда она подевалась, — сказал он, пожевав губами. — Кроме того, я же говорю тебе: ее давно никто не читает. Прежде чем они хватятся пропажи, пройдет очень много лет. Нет-нет-нет, эта книга останется здесь и никто не отберет ее у меня.

Конан пожал плечами. Он никогда не понимал подобного отношения к книгам. Книги, конечно, могут содержать полезный или забавный текст, но сама рукопись, вся эта выделанная телячья кожа, покрытая письменами... Почему учёные приходят в священный трепет при виде всего этого?

Тьянъ-по, ликуя, извлек с полки маленькую бутылочку, полную мутноватой белой жидкости.

— Отпразднуем! — провозгласил он, разливая напиток по крохотным чашечкам.

Конан глотнул с баской. Напиток оказался

крепким, и киммериец неожиданно для себя опьянел.

— Что это?

— Ничего страшного, — пробормотал Тьянъ-по. — Изредка можно выпить. Просто пьяная вода.

— У меня тоже есть желание! — сказал вдруг Конан заплетающимся языком. — Ты свои исполнил, а я? А я... я хочу... я желаю...

Огненная дева появилась в комнате и склонилась над плечом варвара, обдавая его жаром.

Конан поднял голову и взглянул в ее узкое прекрасное лицо.

— Акме! — произнес он важно. — Я хочу такие же туфли, как у туранского наместника!

Звянящий смех наполнил дом Тьянъ-по. На мгновение оранжевая вспышка освобождающегося пламени ослепила обоих сотрапезников, а затем Акме исчезла — свободная навеки.

Конан потягивал «пьяную воду», изготовленную кхитайцем, и время от времени поглядывал на свои ноги. Парчовые туфли с красными кисточками выглядели на могучих ступнях киммерийца сконфуженно.

Львы Стигии

Великая жрица Хат хранила спокойствие. Торжественно ревели длинные, спиралью закрученные трубы. Их медные бока жарко вспыхивали на солнце. Процессия струилась по дороге туда, где перекрещивались тени двух каменных львов. Туда, где на волнах боли жрица Хат доплынет в запредельное жилище Сета.

Целую луну назад она догадалась о своей участии и готовилась к ней. Жрицы и прислужницы Верхнего храма не принадлежат себе. Они окружены почетом и довольствием, у них много привилегий и всюду встречают их, угадывая каждое желание. Люди низших сословий не смеют даже наступать на их следы, оставленные в пыли. Но случается так, что приходится им умирать, дабы лично умилостивить разгневанное божество.

Хат и четыре ближайших ее помощницы начнут умирать уже сегодня. Смерть будет долгой.

Редкие пальмы взмахивают над дорогой жесткими листьями. Их резная тень ложится на лицо Хат и тотчас убегает прочь. Помощницы сдерживают слезы, а иногда начинают растерянно улыбаться. Им трудно идти, и временами стражники почтительно поддерживают их под локти. Бедняжки, кажется, не верят в то, что произойдет с ними совсем скоро.

Святилище Верхнего храма было разграблено. Дерзких воров не нашли. Три дня жрицы проводили обряд, не останавливая действа ни на мгновение. Но крокодилы отворачивались от жертвенного мяса. Змеиная голова изваяния Сета почернела от гнева. Если жрицы не умрут, на страну обрушится голод и мор. Смерть опустошит цветущую долину великой реки Стикс. Такое уже случалось раз или два за последние три столетия. Каждая жрица знает, что это может произойти и с ней. Что ж, Хат — не преступница. Лютая мука, ожидающая ее, — не позорное наказание, а обязанность. И Хат исполнит ее с честью.

Издали каменные львы кажутся огромными, а вблизи они подавляют. Внутри этих чудовищных сооружений — алтари Среднего храма, сокровищницы и хранилища древних знаний. Жрецы здесь — мужчины. Их положение ниже, чем у жриц. Ритуал очищения болью не коснется служителей Среднего храма. Если кто-то из жрецов провинится перед божеством, его просто забьют палками, привязав к доске. Даже пустынnyй шакал не достоин такой жалкой гибели.

Сердце в груди жрицы глухо стукнуло, когда

она увидела вблизи место совершения последнего ритуала в ее жизни. А одна из ее помощниц вдруг рванулась в сторону, вскрикнув. Ее удержали. Она тряслась мелкой дрожью и хваталась за горло, словно надеялась задушить себя и избавить от мук. Прочие держались лучше.

Жрица Хат властным жестом подозвала к себе Натхута — служителя Нижнего храма, презренного раба с лицом, изуродованным клеймом. Жрецы этой касты отправляли почти все ритуалы, связанные со смертью. Именно им предстояло сегодня совершать кровавый обряд..

Натхут, как и положено, подошел к ней на три шага, опустился на колени и безмолвно замер.

— Эту уведите назад, — велела Хат, указывая на рыдающую жрицу. — Она не готова сегодня. Ей же хуже. Будет умирать вместе с рабынями.

— Повинуюсь, величайшая, — торопливо отвечал Натхут.

— Пора, — обратилась Хат к остальным прислужницам и первая подошла к палачам.

Пока ей помогали раздеться, она смотрела на медное изваяние, словно ища поддержки. Медь статуи была холодной и влажной. Почерневшая змеинная голова уставилась в пустоту — казалось, глаза ее прикрыты кожистой пленкой. Но внезапно пленка исчезла, и ледяной, царапающей сердце взгляд этих глаз заставил жрицу содрогнуться. От ее величавого спокойствия не осталось и следа. Но руки Хат уже крепко связали за спиной. Палач смазывал блестящим черным жи-

ром поверхность толстого отполированного шеста с заостренным концом. Силы оставили Хат, и она преклонила колени, словно ей подрубили ноги. Потом легла лицом вниз. Трубы загудели с новой силой. Их голоса заглушили вскрик, который испустила жрица, когда острие проникло в ее тело.

Шест установили вертикально. Хат хрюпло дышала — боль пожирала ее изнутри. Дерево медленно пронзalo плоть, вгрызаясь сзади, расширяясь, раздирая внутренности. Змеиноголовое божество жадно следило за агонией обнаженного тела.

Хат видела, как извиваются и трясутся от боли ее помощницы, так же, как и она, посаженные на колья. И каждая из них избегала смотреть на изваяние, словно это было еще худшей мукой, имя которой — страх. Страх сильнее боли. Хат вдруг отчетливо поняла — когда тело, ослабленное страданием, перестанет удерживать в себе душу, медная статуя оживет. Душа будет проглочена, утонет в зловонной утробе, погрузится в бесконечный и бескрайний океан боли, от которой не будет избавления.

Трубы все пели и пели. Храмовая стража встала в карауле. Солдатам придется смениться пять или шесть раз, прежде чем жрицы испустят дух. Но за ними настанет черед других. Так хочет Сет змееголовый. Со стоном Хат опустила голову на грудь.

* * *

Рабов, предназначенных для постройки храма, перевозили по реке. С ними обращались бережно, как с дорогим товаром. Прятали от солнца под пальмовыми навесами, давали вдоволь еды. Они должны прибыть в хорошем состоянии.

Басру это мало утешало. На ярмарке рабов ему сказали товарищи по несчастью: «Глупец! Чего радуешься? Думаешь, тебе придется подливать масла в светильники и чистить храмовую утварь? Как бы не так! Будешь долбить камень, дышать ядовитой пылью и подыхать от жажды. На строительстве в Стигии раб живет не больше месяца, и живет паршиво. Лучше бы тебе умереть по дороге».

Над этим Басра и размышлял. Палирусная лодка бежала по реке. Зеленоватая вода на вид была прохладной и ласковой. Но в ней таилась смерть. Рабов на лодке не охраняли по одной простой причине: мало кто отважился бы спрыгнуть за борт. А если бы такой и нашелся — не доплыл бы до берега. Его сожрут крокодилы.

Прежний хозяин Басры умер. Он был хорошим человеком, редко наказывал рабов, а под старость впал в детство. Его нужно было смешишь и развлекать, да время от времени водить в баню — вот и все обязанности. Рабы распоряжались в его доме, словно свободные люди. Это очень не понравилось наследникам, и они решили избавиться от избаловавшихся дармоедов. После сытости и благоденствия очутиться в Стигии,

да еще и на самых тяжелых работах — это был удар.

— Посмотри на меня! — кричал Басра перекупщику. — Какой я строитель? Я — нянька! Я — образованный! Я умею подавать лекарства! Да я не держал в руках ничего тяжелее метелки для пыли.

Но перекупщик смотрел на Басру пустыми серыми глазами и ухмылялся.

— Я решусь! — сказал себе Басра, когда огромная рептилия показала из воды черную спину в четырех локтях от борта лодки. Он зажмурился и уже хотел кинуться в воду, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Плохой выбор — удел неудачника! — произнес густой низкий голос с сильным северным акцентом.

Басра обернулся. Огромный белокожий мужчина насмешливо смотрел на него сверху вниз. Ветер трепал гриву его черных спутанных волос.

— Отвяжись! — сказал Басра. — Не мешай! Можно подумать, ты с удачей на короткой ноге. Что, в таком случае, ты делаешь здесь, счастливчик? Ты ведь такой же раб, как и я, не так ли?

— Не так, — коротко ответил великан.

— А почему у тебя на шее ошейник? Это такая мода?

— Отойди от борта, — сказал незнакомец. — Ты мне нужен живым.

— Я?

— Именно ты. Без темнокожего помощника у меня ничего не выйдет.

Басра задохнулся от возмущения.

— Эй! Эй! — воскликнул он. — Я куплен подрядчиком из Стигии, а к тебе в помощники не нанимался!

— Ладно, прыгай, — пожал плечами длинноволосый великан. — Мне нужен умный чернокожий, а ты, я вижу, — дурачок.

С этим он отошел под навес, занял свободное место и разлегся, подложив под голову огромные кулаки.

Басра постоял, помялся, но прыгать ему расхотелось. Улучив момент, он подобрался к своему странному собеседнику и легонько толкнул его под бок.

— Ну? — Белый человек открыл один глаз.

— Не так я и глуп, — сказал Басра. — Ты что-то замыслил, верно, братец? Знаешь, что я тебе скажу? Ты прав. Плохая была идея, да? У тебя есть лучше?

— Есть, — спокойно ответил незнакомец.

Прочие рабы под навесом спали, одуревшие от бесконечного движения по реке; Дремал и надсмотрщик, нахлебавшись рисового пива. По его обрюзгшему лицу ползала большая муха.

— Когда лодка доберется до гавани, я убегу, — сказал незнакомец. — Присоединяйся.

— А почему ты не убежал раньше? — осторожно осведомился Басра.

— У меня есть дельце в Долине Смерти. С этой лодкой мне по пути. Если бы я избрал другой путь, потерял бы много времени.

Басра округлил глаза.

— Ты хочешь сказать... — начал он, но незнакомец перебил его:

— Объясню потом. Слушай главное. Поможешь мне — получишь свободу. Возможно, даже обогатишься.

— Свободу? — переспросил Басра. — Насовсем?

— Открою тебе одну тайну, — с ленцой в голосе произнес белокожий. — Свобода бывает только насовсем. Или никак.

Пораженный этой мыслью, Басра глубоко призадумался.

* * *

Случилось так, что Конан гостил некоторое время у своего друга, знатного вельможи из Султанапура, по имени Али-Бекр.

Некогда им довелось пережить вместе опасности и приключения, о которых мы когда-нибудь еще расскажем.

Конан явился к нему в дом, зная, что к его услугам будет все, что только может позволить гостеприимство вельможи. Киммериец нуждался в отдыхе и лечении — сражаясь с наемными убийцами, он получил несколько ран, от которых любой другой не мешкая отправился бы к праотцам. Но могучее здоровье северянина оказалось сильнее отравленных стрел.

Тем не менее, ему следовало набраться сил для новых подвигов, чтобы приблизиться к своей заветной мечте — королевскому трону. Богатый

дом друга, обставленный с изысканнейшей роскошью и комфортом, — что было бы более кстати!

И варвар не обманулся в своих ожиданиях.

Али-Бекр остыл, погрузил, но в его сердце по-прежнему жила дружба, и он приветил Конана, словно родного брата.

Четыре дня Конан отсыпался, прохладился в тенистом саду, услаждал себя яствами, питьем и ласками хозяйских наложниц. А на пятый заметил, что его друг уже не тот веселый любитель жизни, каким был прежде. Печаль и тоска заставили помутнеть его взор, в бороде показались серебристые нити. Не слышно было его тонких шуток, острых, как хорошая приправа. Теперь он все чаще вздыхал.

— Что с тобой? — спросил варвар напрямик. — Тебя одолевают враги? Пойдем и убьем их. Какая-нибудь красотка пленила твое воображение? Выкрадем ее — уверен, она не будет против, едва лишь взглянет на тебя.

Вельможа смешался.

— Если я расскажу тебе о своем горе, — молвил он, — ты подумаешь, что я прошу тебя о помощи. А это противоречит законам гостеприимства.

— Я знаю, что такое гостеприимство, — оскорбился Конан. — Но если ты и дальше будешь запираться, то я обижусь. А гостей не обижают.

— Ты — друг, — кивнул Али-Бекр. — А от друзей не делают секретов. Знай же, о беспокойнейший из варваров, что моя жизнь пропитана горе-

чью, и подсластить ее не могут даже стихи, не говоря уже о женщинах и вине.

В том, что касалось поэзии, Конан разбирался плохо, однако два последних названных Али-Бекром лекарства всегда ему помогали.

— В чем же дело? — спросил он в недоумении.

— Семнадцать лет назад умерла одна из моих жен, — начал вельможа. — Это грустно, но цветам суждено увянуть. Все умрут, умрем и мы с тобой...

— Ясное дело, — вставил Конан нетерпеливо.

— Она подарила мне дочь. Ребенок рос в моем доме и превратился в прекрасную пэри. Я нарек ее Балзу, что в переводе на твой язык означает «Танец луны».

— Что же с ней стряслось?

Али-Бекр горестно покачал головой.

— При дворе моего государя объявился в прошлом году один человек. Его звали Патхэб. Он выдавал себя за двоюродного брата принца Стигии, хвастал своим богатством, задаривал всех золотом и драгоценными камнями. Это снискало ему успех при дворе...

— Стигиец! — зарычал варвар, приподняв верхнюю губу, как дикий зверь. — Лучше иметь дело с плюющейся коброй, чем со стигицем!

— Не могу не согласиться с тобой, мой добрый друг, — подтвердил Али-Бекр. — Патхэб очень ловко создал вокруг себя атмосферу красивой тайны. И многие женщины из знатных домов воспылали к нему страстью. Страсть эта не была похожа на обычное вожделение. Скорее, он окол-

довывал их или применил к несчастным силу магнетизма... В его присутствии они превращались в кукол, послушных его воле. А потом эти женщины вдруг стали пропадать. Они исчезали без следа.

Конечно, негодяя заподозрили, но Патхэб шутя отвел все обвинения и даже позволил обыскать свой дом. Разумеется, никого из пропавших женщин там не нашли. Не было даже следа их присутствия...

Последней исчезла Балзу. Как я, самый жалкий из отцов, не заметил, что бедняжка попала под влияние коварного обольстителя!

А потом сгинул и Патхэб, внезапно, никому ничего не сказав. Угасшие подозрения против него вспыхнули с новой силой. И что же выяснилось? У мерзавца была тайная загородная резиденция, в которой он и держал своих пленниц. Их увезли как невольниц. Последний раз стигийца встречали в Замбуле. Никакой он не родственник принца. Он — охотник за рабами! Вернее — за рабынями из знатных родов. Он снабжает при служницами все основные храмы и капища от Птейона до Сухмета...

Горе мне, ничтожнейшему из родителей! Бедная Балзу! Ее воля давно сломлена и подчинена змеемордому демону. Возможно, она уже не помнит собственного имени. Я узнал, что ее увезли вниз по реке Стикс. Неподалеку от Кеми есть Долина Смерти, а в ней — три храма, в одном из которых служат только женщины. Чужеземцев туда не пускают...

— Этот запрет, как я понял, не распространяется на рабов, — ухмыльнулся Конан.

— Я пытался отправиться в Стигию на свой страх и риск, но... — Голос вельможи дрогнул. — Служба при дворе... Я не могу ее оставить. Враги малолетнего принца воспользуются моим отсутствием и отнимут у него трон. Пострадает целая страна...

— Зато я не занят государственными делами, — Конан широко улыбнулся. В его голове родился замысел, невероятно дерзкий и оттого еще более интересный. — Прищемить Сету голый змеиный хвост — что может быть соблазнительней, клянусь Кромом! — воскликнул он. — И не думай меня отговаривать! А лучше отправь со мной своего слугу до границы со Стигией. Он выручит за меня хорошие деньги!

И Конан расхохотался.

* * *

Басра слушал рассказ киммерийца с широко раскрытыми глазами и распахнутым ртом.

— Ты — безумец, — заключил он. — О боги! Не хотят пощадить бедного негра! Что с ним будет?

— А что может с тобой случиться худшего, чем уже случилось? — спокойно осведомился Конан, пожевывая соломинку. — Ты раб и движешься навстречу верной гибели...

— Гибель бывает разная, — поежился Басра. — Можно тихо околеть, надорвав пуп, а можно издохнуть под палками. Лично я выбрал бы первое.

— Жизнь тащит тебя по течению, как эту лодку, — брюзгливо заметил варвар. — Хотя у лодки есть весла, руль и парус. А ты — просто кусок навоза на воде. Тебе не противно?

— А что я могу сделать? Разве я могу сражаться? Меня не спрашивали, кем я хочу быть, когда рождали на свет.

— Видишь, на корме спит надсмотрщик? — перебил его Конан.

— Ну и хорошо, что спит.

— Пойди и укради нож с его пояса.

Басра посерел.

— Он же проснется! — зашипел он, тряся головой. — И спустит с меня шкуру!

— От тебя зависит, проснется он или нет, — киммериец говорил негромко, но очень убедительно. — Брось. Ты же наверняка таскал фрукты и сладости у своего бывшего хозяина. Ну, признавайся, лукавый раб!

— Та... таскал... — Басра клацал зубами и заикался.

— Давай, действуй! — Конан слегка подпихнул негра в плечо. — Это не сложнее, чем обокрасть кухарку.

— Конечно. Какая разница... Все равно — смерть, — горестно прошептал Басра. Он понимал, что белый здоровяк не оставит его в покое, что лучше ему, Басре, подчиниться, а не то его жизнь осложнится еще пуще.

Вечерело. В зарослях папируса на берегу квакали лягушки. Вода плескала за бортом. Басра двигался на четвереньках, переступая через тела

спящих рабов. Для того, чтобы его зубы не стучали слишком громко, он размотал свою набедренную повязку и сунул ее край себе в рот.

Надсмотрщик лежал на спине и храл, словно подлевая лягушкам. Вокруг него распространялся кислый запах пивного перегара — тростниковое пиво в Стигии варят довольно крепкое. Нож висел у него на волосатом круглом животе. Приблизившись к спящему вплотную. Басра замер и огляделся по сторонам.

Команда лодки собралась на носу. Только рулевой гребец стоял возле своего весла, на специальной площадке, прямо над головой Басры. Гребец смотрел вперед и только изредка переступал ногами. То, что происходило в лодке, мало его интересовало.

Мысленно взывая ко всем известным ему богам, Басра протянул руку к ножу и чуть не вскрикнул от ужаса. Огромная капля пота скатилась по его носу и упала на физиономию надсмотрщика. Тот издал недоумевающий звук, чмокнул губами, но глаз не открыл.

Ощущая страшную слабость во всем трясущемся теле, Басра коснулся пальцем рукоятки ножа. Ощущение неожиданно понравилось ему. Рукоятка была теплая, приятно-гладкая и словно сама просилась в ладонь. В глубине души Басра очень любил хорошенъкие вещицы. Ему доставляло удовольствие, когда никто не видит, оглаживать ладонями статуэтки из черного дерева или слоновой кости в доме своего хозяина. Тогда он на мгновение мог представить, что обладает

этими предметами, и сладкая истома растекалась по всему его существу. Нечто подобное проснулось в нем и сейчас. Приласкав пальцами рукоятку, Басра потянул нож из ножен. При этом его ладонь притронулась к голому животу надсмотрщика. Тот не просыпаясь хихикнул и сказал: «Отстань, старуха!», перевернувшись при этом набок.

Басра беззвучно закричал и юрко, как ящерица, скользнул обратно под навес. Сердцебиение так громко отдавалось в его ушах, что от одного этого звука могли поднять тревогу.

— Молодец, — скромно похвалил его варвар. — Я же говорил, что это несложно.

И только тут Басра увидел, что нож остался у него в руке.

— Невероятно! — восхликал он. — Как это вышло? Рукоятка как будто сама прилипла к пальцам!

— О, да ты прирожденный вор! — Киммериец одобрительно хлопнул Басру по плечу. — А теперь давай спать. Завтра будет долгий день!

— Возьми же нож!

— Мне он не нужен. Ты украл его для себя. Это — твой первый шаг в сторону свободы, — молвил варвар, устраиваясь поудобнее. — Но если ты помешаешь мне выспаться — Кром великий! — крокодилы покажутся тебе любящими братьями.

Почти сразу за этими словами послышался густой храп. Басра изнывал от противоречивых чувств. Страх боролся в нем с какой-то странной радостью. Нож был очень красивый — с выгну-

тым мерцающим лезвием, с рукояткой из кости... Басра спрятал его между складок набедренной повязки и лег так, чтобы чувствовать его телом. Лодка тихо покачивалась на волнах Стикса.

* * *

Татхэб потирал руки, стоя у подножия каменного льва. Ужасная картина, представшая его взору, доставляла ему острое удовольствие — иначе он давно бы ушел отсюда. Три десятка обнаженных женских тел, пронзенных кольями. Все до единой — жрицы Верхнего храма и кое-то из их помощниц. Последние пять, казнь которых началась нынче утром, еще живы. Их стоны еще похожи на человеческие, в их глазах еще светятся боль и ужас... Глупые коровы! Перед началом казни они храбрятся, напускают на себя важный вид... Да они и впрямь верят, что их муки смягчат божество. Какая самонадеянность!

А между тем из сокровищ Сета ничего не пропало. Ни единой, самой пустяковой безделушки. Украденное просто переместилось из Верхнего храма в Средний. Но эту тайну знают только Сет и Татхэб. А те, кто помог Татхэбу, давно мертвы.

Осталось покончить с рабынями и прислужницами. Когда последняя из них испустит дух на колу, жреческий совет передаст Верхний храм ему, Татхэбу. Конец власти жриц! Храмовых проституток не упразднят, об этом уж он позаботится. Но уже ни одна женщина не посмотрит на Татхэба с высокомерием. Магнетическая власть,

которой Татхэб пользовался, не распространялась на жриц Верхнего храма. Эти надменные шлюхи слишком много времени проводили в трансе, читая заклинания и вдыхая наркотик. Даже странно, что они не разучились чувствовать боль.

Жаль, что одна из жриц не дожила до этого дня — умерла естественным путем много лет назад... Как жаль! Татхэб скрипнул зубами. Не вовремя приходят такие мысли, заставляя меркнуть его торжество.

Она была его матерью. Отца своего он не знал — считалось, что сам Сет подарил смертной свое кипящее семя. Но на самом деле она зачала его от какого-нибудь паломника, прибывшего с дарами в Долину Смерти.

Первые восемнадцать лет жизни, проклятых лет, — они не забылись, они живут в нем и требуют мести. Череда кошмаров, тоски, бессильного и беззвучного воя... Бывают же такие счастливцы, кто просто не нужен своим матерям. Живут эти счастливцы, предоставленные сами себе, и не знаю того, что испытал Татхэб. Он-то был нужен, правда, только в одном качестве — мальчика для битья. Жрица рассчитывала родить девочку, воспитать из нее подругу, равную себе. А родился презренный щенок-кобеленок.

— Твоя плоть скверна! Твое сердце — порочно! Ты — прах, просеянный на ветру. Ты — ил, вынесенный на берег Стиksa! — говорила мать, и страшные сердоликовые глаза ее выжигали в душе Татхэба памятные письмена.

— Я — прах, просеянный на ветру... Я — ил... — повторял он послушно. Ему казалось, что так будет вечно.

Однако в чудесный прохладный день, когда черные цапли выводят птенцов в прибрежных зарослях и крокодилы бьют хвостами по воде, оглушая рыбу, матери не станет. Она подзовет Татхэба к своему ложу и вцепится ему в руку своими длинными острыми ногтями, выкрашенными черным лаком. Из-под ногтей потечет кровь, сердоликовые глаза вспыхнут яростно и вдруг угаснут, и Татхэб увидит, что перед ним — не величественная жрица, перед которой нужно падать в пыль, а обыкновенная большая старуха. От старухи этой скверно пахнет, и слюна течет по ее морщинистому подбородку из брезвально раскрытого рта. А в глазах уже не грозная мощь — клочковатые тени и ужас перед очевидным будущим.

Она разжала пальцы, потом, спохватившись из последних сил попыталась вновь впиться ногтями в его руку, но Татхэб выдернул ее и удариł мать по щеке.

— Вот какая ты на самом деле, — сказал он. — Теперь я это знаю.

Старуха застонала, пена хлынула у нее изо рта. Татхэб плюнул и отошел.

В низшей жреческой школе обучали только читать нараспев, но был один человек, родом из Сухмета, который взялся углубить познания Татхэба. У него была прекрасная профессия — он заклинал змей и знал о них все. Плату за обучение он принимал лягушками и крысами.

— Моим кормильцам тоже нужно есть, — говорил он и посмеивался, а Татхэб жмурился от ужаса, слыша эти кощунственные слова. Змея — одно из воплощений Сета — священная тварь. Однако заклинатель обращался с ползучими гадами без всякого почтения, по крайней мере, вдали от посторонних глаз.

— Они, может быть, и служат Сету, — приговаривал он, — но я — тоже ему служу. Поскольку они подчиняются мне, значит, в глазах бога я выше, чем они.

Был он желтый, как спелый лимон, очень толстый и безволосый. При ходьбе его тело колыхалось, как студень.

— Смотри, — поучал он, — вот три змеи. Огромная, вся в разводах, вторая — черная, в руку толщиной, с двумя точками на голове, и третья, песочного цвета, узкая и плоская, как кожаный ремешок. Какая из них самая опасная?

Татхэб напряженно думал, наблюдая за змеями. Большая лежала, вытянувшись, спокойная, едва шевелящая раздвоенным языком. Вторая яростно шипела, приподняв голову и раздув капюшон. А третья свернулась на тростниковом полу и сделала похожа на кучку помета.

— Черная! — выпалил Татхэб.

— Почему?

— Она угрожает.

— Глупец! — Заклинатель усмехнулся. — Угрожает тот, кто не уверен в себе. Черная кобра опасна, у нее сильный яд, но она бережет его для охоты. К тому же она видит меня целиком. Она

видит мои глаза. Я могу делать с ней все, что захочу. А вот эта крошечная змейка неуправляема. Она может увидеть только палец моей ноги, и то не весь. Но если она ужалит этот палец — мне конец.

— Зачем же ты держишь у себя эту змею? — удивился Татхэб.

— Без нее я бы утратил страх, — молвил заклинатель. — А это обходится дорого. Особенно при моем роде занятий.

Татхэбу совсем не хотелось испытывать страх. Он был сыт этим чувством. Напротив, глядя, как старый заклинатель порабощает волю священных тварей, он мечтал о такой же власти, только над людьми.

Учиться пришлось долго. Кроме практических приемов, Татхэб прилежно изучал старинные магические формулы, умело пользовался талисманами и составлял зелья, вдыхая или принимая которые человек попадал под влияние «змеиного взгляда». В Среднем храме возлагали большие надежды на молодого послушника. Но перед жрицами Верхнего храма он по-прежнему оставался пеплом и илом, выродком, недостойным взгляда.

По приказу Хат Татхэб часто отправлялся за рабынями на рынки сопредельных стран. Рабыни требовались особые — благородной крови. Опытные перекупщики часто жульничали, снабжая самых обыкновенных крестьянок невероятными родословными. Убедившись в подлости торгащей на собственном опыте, Татхэб прибегнула к друго-

му способу добычи живого товара. Уезжая в дальние страны, он выдавал себя за аристократа-путешественника и делался вхож в дома знати. А там уже ждали его податливые дуры, из которых веревки можно было вить. Только однажды досталась ему достойная противница. Татхэб сначала и не подозревал в кроткой деве такой сильной воли.

По пути в Стигию Балзу вышла из-под его влияния. Она отказывалась подчиняться. Пришлось везти ее в колодках и кормить насильно. Верхний храм отказался от строптивой рабыни. Татхэб забрал ее себе.

Под правой передней лапой каменного льва, того, что будет по левую руку, если стоять и смотреть в глаза медному изваянию, находился каземат. Идеальное место для того, чтобы свести человека с ума. Солнечный свет никогда не проникает туда, однако в полной темноте узник может спать, грезить, думать о солнце... Поэтому круглые сутки каземат освещается масляными лампами, снабженными колпачками из разноцветной слюды. То розовые, то зеленоватые, то ярко-желтые, то кроваво-красные отсветы пляшут под сводчатым потолком. Это действует на нервы так сильно, что пленник начинает вскорости шарахаться от каждой тени. Некоторые выдавливают себе глаза, думая избавиться этим от дурманящего наваждения. Напрасно! Даже ослепленный, человек продолжает видеть вокруг назойливые разноцветные пятна и впадает в окончательное безумие.

Вторым жестоким изобретением, придуманным для подавления человеческой воли, были особые трубы, скрытые в толстых каменных стенах. Они наполняются ветром, гуляющим снаружи, и поют каждая на свой лад. Звук негромкий, сперва — еле различимый, но уже через несколько часов заключенный начинает затыкать пальцами уши. Тщетные старания — пение труб колеблет воздух в камере, и пленник становится сплошной барабанной перепонкой. Он слышит этот звук ногами, спиной, животом... Звук рождается прямо у него в голове, мешает думать, мешает спать...

Второй месяц Балзу является узницей каземата. Второй месяц она борется за свой рассудок и до сих пор не побеждена!

— Девчонка из Турана интересует меня, как ученого, — заявил Татхэб на жреческом собрании. — Возможно, она — колдунья, а еще возможнее — ученица одной из закрытых кастовых школ. Все мы слышали о туранцах, умеющих глотать горячие угли или задерживать дыхание на два полных дня. Были даже такие, кому удавалось переноситься силой мысли на значительное расстояние без помощи внешних магических средств. И конечно, каждому образованному человеку известно о чтении мысли, практикуемом тамошними жрецами. У нас тоже имеется нечто похожее. Изучив технику моей подопечной, мы сможем найти в ней уязвимые места, и тогда, во славу Сета, наше могущество возрастет...

Подобные выступления всегда находили горя-

чий отклик среди служителей Среднего храма. Надменные жрицы Верхнего только поджимали губы, опасаясь открытой конфронтации. А жрецы Нижнего храма боязливо шарили глазами, не зная, к кому примкнуть.

Татхэб все это видел и благодарил заклинателя змей. Именно он научил его управлять мимикой лица, чтобы не обнаружить своих чувств перед леопардовой гадюкой, которая жалит только сомневающихся. Если бы не уроки заклинателя, ожил бы клубок гадюк из Верхнего храма, и Татхэб не дожил бы до рассвета.

А через три дня после приснопамятного выступления он осуществил свой замысле, который лелеял давно. Расчет был верным. Обычно Сет сам стережет свои сокровища и помогает отыскать воров. Но в данном случае у божества не могло быть никаких претензий к своим служителям. Татхэб самолично зачернил лик изваяния.

— Ничего, о величайший! Скоро тебя уладят изысканным зрелищем, к тому же грандиозным в исполнении! — нашептывал послушник. — О, мудрый и смертоносный! Оцени мою шутку, ибо, знаю я, ты любишь такие шутки!

Заключив Балзу в каземат, Татхэб спас ее тем самым от жуткой участи и находил в этом немало забавного, так как последующая судьба юной туранки вряд ли была бы лучше смерти на колу.

Она сильно похудела, и бледность покрывала ее кожу, некогда золотисто-смуглую. Пока Балзу оставалась наедине с собой, черные ее глаза роняли слезы почти беспрерывно. Но едва мучи-

тель появлялся на пороге камеры, как в заплаканных глазах проступала твердость. Мало того, рабыня позволяла себе пренебрежительный тон в своих дерзких речах.

— Глупый, — говорила она, — я могла бы стать твоей и только твоей. Для этого не нужно было ни цепей, ни замков. А теперь ты мучаешь одну лишь мою оболочку. Ищешь меня там, где меня нет.

— А что будет, если я возьму тебя силой? — злился Татхэб.

— Ты овладеешь одной только плотью. Много радости тебе это не доставит, — спокойно отвечала Балзу.

Он и сам это знал. Но ему не нужна была женщина, по крайней мере, его собственная плоть не тянулась к женской плоти, как это бывает с мужчинами примитивными, неотесанными и несведущими в Великом Искусстве. Татхэб нуждался в торжестве иного рода.

Он стоял и без особого интереса наблюдал за судорогами одной из жриц, той самой, что когда-то велела наказать его палками из-за какого-то пустяка. Теперь она стонет, то сипло, то визгливо, ощущая острие кола в собственном животе.

— Скажи, о почтеннейшая, — обратился к ней Татхэб, — теперь ты ближе к Сету, чем когда-либо?

— Воистину, это так, — хрипло отвечала жрица. Ее лицо искажало страдание, но она сумела улыбнуться презрительно краями в кровь иску-

санных губ и гордо глянула на вопросившего сверху вниз.

— Заклинаю тебя из праха, — страстно заговорил Татхэб, — спроси у повелителя повелителей, как мне, недостойному, покорить и растоптать гордое сердце негодной туранской рабыни?

Некоторое время жрица молчала, закатив глаза. Татхэб уже было решил, что она потеряла сознание, но неожиданно тело, пронзенное деревом, содрогнулось. Веки жрицы раскрылись, и он поразился новому цвету ее глаз. Только что они были серые, с поволокой боли, а стали ярко-желтыми, с вертикальными зрачками. Голос жрицы потряс его еще больше. То был голос низкий, утробный, голос рассерженного великана.

— Сделаешь, как я говорю. Возьми змею с изумрудным глазом, пусть она три дня пьет молоко с кровью, а на четвертый день пусть трижды ужалит в грудь непокорную рабыню. Это убьет любовь в ее сердце, и она станет послушной...

Татхэб повалился лицом в пыль.

— О, владыка владык! Что мне сделать во имя твое?

Громовой голос рассмеялся в ответ. Жуткий хот сотрясал тело жрицы, а потом вдруг умолк. Жрица обмякла, кровь хлынула из ее рта. Татхэб решил, что это хороший знак.

— Что ты знаешь о Стигии? — спросил Конан.

— Ничего, — ответил Басра.

— Где ты жил раньше?

— В Ианте.

— Так ты из Офира? Ни за что бы не подумал, — ухмыльнулся варвар.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ты — черный.

— Там много черных рабов, — Басра неожиданно для себя оскорбился.

— Ладно. А откуда твои родители? Из Зембабве? А может, из Кешана?

— Насколько я знаю, они тоже жили в Ианте.

— А их родители?

— Мне это неведомо.

Киммериец сердито сверкнул глазами.

— Кром крепкорукий! Как же ты можешь жить, не зная о своих предках? Даже бесчувственный и глупый сорняк умирает, оторванный от корней!

— А к чему мне знать лишнее? — удивился Басра, на всякий случай отодвигаясь подальше от своего нового знакомого.

Конан даже зарычал от негодования.

— Тебе не приходило в голову, что ты можешь оказаться потомком царей, и твои славные пращуры плачут от стыда в загробном мире, глядя на то, как их жалкий потомок...

— Не приходило, — перебил его Басра, дивясь собственной храбости. — И, если честно, плевать я хотел на давно истлевших мертвцев. Почему я должен стыдиться? Разве у меня нет других печалей? Моя шкура и мое брюхо принадлежат тому, кто меня купил. Но ведь больно не

ему, а мне, когда по этой шкуре гуляет плетка. И урчание брюха ему не слышно... Вот что должно заботить человека, разве нет? Да и ты, бесноватый верзила, стал бы возиться со мною, если бы тебе не нужна была моя помощь? При чем здесь мои предки?

— Покуда ты рассуждаешь, как раб, тебе никогда не стать свободным, — произнес варвар сурово.

— Все это басни, — в тон ему возразил Басра. — Нет никаких свободных людей. Надсмотрщик, которого я обворовал, — разве он свободен? У него есть невольники, и если рабы разбегутся, начальники измочалят его палками. А команда этой лодки? Лодка — их господин. А мой прежний владелец? Он был рабом лекарей и собственных слуг... Даже ты не свободен, северянин. Ты — раб своего слова, которое дал другу неизвестно для чего. Его дочь, скорее всего, уже мертвa. Кстати, как мы ее найдем? Ты знаешь хотя бы, как она выглядит?

— Почему это тебя интересует? — Конан неожиданно хитро улыбнулся. — Ты ведь только что уверял меня, что тебя ничего не заботит, кроме собственной персоны? А? Отвечай!

Басра смущился и задвигал руками, словно пытался нащупать нужное слово в пространстве вокруг себя.

— Мне ее жалко... немного, — наконец признался он. — Жила в богатом доме, была дочерью вельможи и вдруг...

— Тебе ее жалко, — киммериец кивнул. — Что

ж, вот ты и сделал второй шаг к свободе. Не так уж и плохо для потомственного раба!

И Конан на некоторое время потерял вкус к беседе. Он молча созерцал берега Стикса. Поло-водье давно сошло, и в долине, удобренной жирным илом, трудились крестьяне. Ветер шевелил рисовые метелки у самой кромки воды. Над ними плясали крупные стрекозы — иногда солнце вспыхивало сапфиром на их крыльях.

Крокодилов здесь было меньше, но время от времени поверхность воды вдруг шла волнистой рябью, и вытянутая зубастая пасть хищника показывалась то здесь, то там. А еще тут водились кумуди — огромные водяные змеи, способные проглотить целого быка.

Одна из этих тварей вытянулась поперек ленивого течения. Впередсмотрящий принял ее за бревно, поросшее мохнатой водорослью. Он издал предостерегающий крик, и один из членов команды свесился с носа лодки, чтобы оттолкнуть багром неожиданное препятствие.

Но едва багор коснулся «бревна», вода вскипела. Несчастный закричал от страха, и в следующее мгновение перед ним оказалась огромная змеиная голова.

Кумуди не стала пожирать этого человека — вероятно, была сыта. Она просто ухватила его зубами за плечо, выдернула из лодки, тряхнула в воздухе и отбросила далеко назад. Должно быть, змея сломала ему хребет — тот камнем пошел ко дну, не издав больше ни звука.

— Почему они не сражаются с ней? — взвизг-

нул Басра, глядя, как остальная команда пала на колени перед кумуди.

— Потому что змея для них — воплощение божества. Они позволяют ей убить их, всех до единого, но не притронутся к оружию, — ответил варвар.

Тем временем кумуди, рассерженная тычком багра, хлестнула в борт лодки своим тяжелым хвостом. Басра едва не улетел в воду — Конан во время ухватил его за короткие курчавые волосы на затылке. Остальные рабы ударились в панику. Сначала они бесполково бегали и кричали на нескольких языках сразу, а потом принялись ссыпаться за борт, как спелые плоды с дерева. Надсмотрщик не препятствовал им — он спрыгнул в воду первым. С проворством, почти невообразимым для его жирной туши, он поплыл к берегу, когда челюсти крокодила сомкнулись над его ногами, подобно капкану.

Хвост змеи продолжал молотить по бортам лодки. В считанные мгновения кумуди прикончила еще двоих — она сдавливала их кольцами своего тела, пока кости несчастных не превратились в мочало.

— Она уничтожит лодку! — орал Басра, посерев от ужаса. — Что нам делать, о боги!

Вместо ответа Конан подбежал к носу лодки и подхватил упавший багор. Когда кумуди, вставшая над водой в половину своей чудовищной длины, ринулась вниз, варвар размахнулся посильнее и ударил ее по носу. Змея опешила. Она никак не ожидала отпора. Всю ее — люди, плыву-

щие на лодках, были ее законной добычей. И вдруг добыча взбунтовалась!

Она зашипела от ярости, отравляя воздух своим зловонным дыханием. Но нахальное маленькое существо на носу лодки ответило громким воинственным криком. Снова кумуди атаковала, и снова сильный удар по голове заставил ее отступить. На этот раз железный крюк багра повредил ей глаз. Боль вынудила змею прибегнуть к другой тактике. Она пырнула.

Варвар ликующее хохотал, глядя, как исчезает в глубине длинное, сверкающее чешуей тело. Казалось, змее не будет конца.

— Глупый водяной червяк! — кричал Конан. — Трусливая болотная жаба! Покажись, я укорочу тебе хвост!

— Сет покарает нас! Мы погибли! — возопили стигийцы. — Что ты натворил, невольник? Кто просил тебя нарушать волю Сета?

— Давайте схватим его и отдадим кумуди, — предложил старший из них. — Возможно, тогда Сет сжалится над нами!

Матросы вскочили и попытались окружить Конана. Их было четверо, но клинки их ножей оказались слишком коротки. Варвар вращал в воздухе багром с такой легкостью, будто в руках у него была полая тростина. Старшине команды он проломил голову, двоих свалил за борт сильными ударами. Последний, истощенно завопив, метнул в Конана свой нож. Киммериец молниеносно взмахнул багром, и нож воизился в его древко, не причинив варвару никакого вреда.

Подывая от страха, стигиец прыгнул за борт. Дальнейшая его судьба доподлинно не известна, но наверняка печальна.

Курчавые волосы Басры встали дыбом. Могучая фигура Конана в действии испугала его сильнее, чем кумуди. «Таких людей не бывает, — думал он. — Это демон. Теперь я знаю точно».

Однако вместе со страхом Басра испытывал невероятный прилив сил и странное опьянение. Его грудь распирал восторг. Сердце стучало, словно боевой барабан.

— Как жаль, что врагов оказалось мало! — крикнул он. — Нет ничего приятнее, чем видеть их поражение!

Киммериец глянул на него и кивнул, одобрительно улыбаясь. Радость битвы еще переполняла его. Но внезапно он округлил глаза и издал предостерегающий возглас. Басра в недоумении оглянулся через плечо и застыл. Страшная голова кумуди, окровавленная, с выбитым глазом, висела прямо перед ним. Басра набрал полные легкие воздуха, чтобы закричать, но вопль застыл в его глотке. Он попробовал отбежать, но ноги приросли к плетеному настилу. Собственно тело оказалось служить негру.

Змея метнулась к нему, обхватила его туловище своей гибкой, холдной шеей и подняла в воздух. Одна рука Басры осталась свободной, вторую прижало к боку. Боль в стиснутых ребрах неожиданно отрезвила его. Тупой, парализующий страх сменился острым желанием жить. И свободная рука сама собой потянулась к ножу, спря-

тенному в складках набедренной повязки. Змеиное горло пульсировало прямо над ним, и Басра захотелось впиться в него зубами. Ладонь нашупала рукоятку ножа и словно срослась с нею. Помедлив долю мгновения — она растянулась бесконечно долго, — Басра отдался во власть наитию, с удивлением обнаружив, что его тело знает, что делать. Точно отмеренным движением он вонзил нож прямо в пульсирующее горло под нижней челюстью.

И тотчас змеиные кольца разжались, и Басра упал обратно в лодку, ударившись головой о борт. Кумуди застыла, как стол, и вдруг змеиное тело выгнулось дугой. Она принялась колотить головой о воду, поднимая тучи брызг. Волны, вздыбленные чудовищной агонией, толкали лодку в корму, и она удалялась все дальше и дальше от изыхающей твари.

— Ты сделал третий шаг к своей свободе, — сказал Конан, когда Басра пришел в себя после падения. — Ты убил врага. Сам, своими руками. Дальше пойдет проще, поверь мне.

Басра пощупал пальцами шишку на гудящей голове, тихонько повыл, а после сказал деланно-равнодушным тоном:

— Жалко ножа. Хороший был нож, красивый.

* * *

— Где же я найду тебе змею с изумрудным глазом? — язвительно спросил старый заклинатель, когда Татхэб пришел к нему на постоянный

двор. Впрочем, заведение это больше походило на ночлежку для бродяг. В праздники здесь останавливались те самые нищие из паломников. Бывший учитель Татхэба жил тут по двум причинам: во-первых, на постоялом дворе в изобилии водились крысы, потребные для кормежки его питомцев, а во-вторых, за хорошую плату здесь поселились бы не только змей, но и морских холодных спрутов.

Хутту — так звали заклинателя — к жизненным удобствам относился пренебрежительно. Месяцами он не совершил омовений и нисколько не страдал из-за этого. Блохи и клопы никогда его не кусали. Единственным, к чему он относился почти благоговейно, являлась его лысина. Раз в неделю он скреб ее пемзой, а по прочим дням заботливо смазывал сандаловым маслом.

Татхэб пришел в тот момент, когда Хутту завершал эту процедуру. Масло было дешевым, самого низкого качества. Запах от него в тесной комнатенке стоял такой, что жрец даже прослезился.

— Змей с изумрудным глазом — огромная редкость, — скрипучим голосом начал Хутту свое поучение. — Раз в пятнадцать лет владыка змей рождается на земле в виде меднобокого змея и осчастливляет своим семенем обыкновенных земных гадюк. В положенное время гадюки, обычно живородящие, откладывают яйца. Внутри этих яиц — не змейные зародыши, а крупные изумруды. Во всех, кроме одного. Из него выводится та самая змейка, чаще всего левый ее

глаз — ярко-зеленого цвета, а правый — обычного, желтовато-серого; с черным зрачком. Объясни мне, о непутевейший из учеников, для чего тебе такая змея? Ты хочешь вспомнить ремесло, которому я тебя обучал?

— Теперь я укрошаю людей, о учитель, — усмехнулся Татхэб, потупив глаза. — Люди опаснее змей.

— Согласен с тобой, — заклинатель в последний раз промокнул лысину намасленной губкой и несколько раз щелкнул языком. Из-под тюфяка, шурша чешуей, вытекла огромная черная кобра. Она подползла к Хутту, застыла на мгновение, приподняв голову, затем, с шипением атаковала губку. Впилась в нее зубами, обвилась вокруг и, вращая длинным телом, точно штопором, потащила губку в угол. Там она опустила ее в горшок, в котором, судя по тихому плеску, содержалось масло. Проделав свой трюк, кобра скользнула обратно под тюфяк.

— Согласен, — повторил заклинатель, обнажая в усмешке подгнившие зубы. — Но это еще не делает их интересными. Они же скучны, мой мальчик.

— Не все, — возразил жрец.

— Неужели ты нашел любопытный экземпляр?

— Похоже, что так.

— А кто она? — Хутту ухмыльнулся еще шире, от чего его физиономия стала похожа на змеиную морду. Если бы он вдруг высунул наружу кончик раздвоенного языка, Татхэб закричал бы от испуга.

— Как ты догадался? — воскликнул он шепотом. — Ты умеешь читать мысли?

— Более скучного чтения нельзя и придумать. Людские мысли — вздор, и твои — не исключение. Зато твои чувства просто кричат, только на тайном языке, — произнес Хутту.

— В моей душе поселилась страсть, — признался Татхэб. — Предмет этой страсти — туранская девка. Забракованная рабыня, дерзкая, гордая...

— О, ты почти восхищаешься ею!

— Именно над ней я хочу властвовать, так же, как ты властвуешь над своими кобрами. Хочу водить ее Садами Боли и ощущать ее трепет... Меня бросает то в жар, то в холод, когда я думаю об этом. Скоро... — Татхэб зашептал торопливо: — Скоро я стану главным жрецом, хозяином Верхнего храма. Мне при жизни построят великолепную гробницу. Я сказочно обогащусь, у меня будет целая армия рабов. Но счастье мое будет неполным без прекрасной Балзу...

— Попробуй ее высечь, — посоветовал заклинатель, — иногда это здорово действует.

— Нет, учитель! — резко возразил жрец. — Она будет сопротивляться даже под розгой, и это не принесет мне наслаждения. Вот когда она сама начнет искать муки...

— Мои уроки не прошли даром, — улыбнулся заклинатель. Его физиономия светилась, то ли от потеков масла, то ли от безграничного самодовольства. — Бедный мальчик! — продолжал он. — Ты опоздал родиться. Два века назад, когда сила

змееголового была в самом расцвете, он лично помог бы тебе. Твои стремления — удел великого человека, а не простого смертного. Что ж, придется мне поддержать тебя, Татхэб. У меня есть для тебя чудесный подарок!

Хутту закряхтел, поднялся с пола и устремился в противоположный угол комнатушки, заваленный ворохами грязного тряпья. Он принял ворошить его, бормоча себе под нос. Едкое зловоние распространилось вокруг. Наконец с торжествующим криком заклинатель обернулся к ученику. В руках он бережно сжимал небольшую черную коробочку.

— Что это? — спросил Татхэб, недоумевая.

— Открой и посмотри.

Приняв подарок из холодных сморщеных рук, жрец открыл коробочку и скривился от разочарования. На дне ее, похожая на скрюченный засохший сучок, лежала крошечная змейка. Пасть ее была приоткрыта и издавала отвратительный запах. Правый глаз, блеклый и мертвый, походил на горошину черного перца, зато левый даже при свете чахлой лампы искрился зеленым.

— Она же дохлая! — брезгливо сморшившись, проговорил Татхэб.

— Глупец! — вскричал Хутту. — Это мумия!

— Ну и что с того?

— Одно заклинание и несколько капелек крови — и она оживет, — заклинатель заговорил спокойно и негромко. — Только кровь возьми у этой туранки. Ведь змея именно ее должна укусить?

— Тебе и это известно! — поразился жрец.
— Мне известно больше, чем ты можешь вообразить!
Сказав так, Хутту потер руки и рассмеялся.

* * *

— Ну, и что дальше? — спросил Басра.

— Дождемся темноты, — ответил Конан, убивая одним шлепком ладони подюжины москитов на своем плече. Раны от стрел или доброй стали никогда не причиняли варвару столько неприятностей, сколько доставляли их эти мелкие, подлые твари. Укусы москитов выводили киммерийца из себя. Его глаза давно налились кровью, как у взбешенного носорога, и сила воли уходила вся без остатка на то, чтобы держать себя в руках.

Арузья ожидали сумерек в густых зарослях папируса. Неподалеку оказался лагерь солдат, встреча с которыми не входила в планы Конана. Хотя, с другой стороны, в лагере можно позаимствовать очень много полезных вещей. Например, оружие и одежду.

— И еду, — добавил Басра, поскольку уязвленный москитами варвар рассуждал вслух.

— Ты же ел сегодня утром! — сердито сказал Конан.

— У меня урчит в животе! — пожаловался Басра.

— Ты все еще раб. Невольник собственного брюха. Стыдись!

— И не подумаю. Разве ты не чуешь запах

прекрасной рисовой каши с мясом? — Басра притянул. — Я могу назвать каждую приправу, которую солдатский повар положил в котел. А мясо? Это чудесная жирная баранина...

Конан зарычал. Есть ему хотелось не меньше, чем его товарищу. Возможно, даже и больше. В лодке оставался довольно солидный запас вяленой козлятины и съедобных клубней. Но Басра как-то незаметно съел почти все. Удивительно, но живот темнокожего раба так и остался впалым, словно съестное моментально сгорело в прожорливой печке. Конан замечал и раньше, что такие щуплые и низенькие мужчины съедают в два раза больше полнокровных здоровяков.

— В доме моего бывшего господина служили две кухарки, — разглагольствовал Басра, почесывая пузо. — Одна никуда не годилась, но была молодой и хорошенькой. А вторая — такая толстая, с во-от таким носом и тремя подбородками, готовила, как богиня. Возьмет, бывало, ломоть свинины...

— Слушай меня внимательно, — перебил его варвар. — Сейчас ты подберешься к солдатскому лагерю как можно ближе и узнаешь, сколько там человек. Ты считать умеешь?

— Умею. — Басра растерянно заморгал.

— Посмотришь также, где стоят часовые. Если тебе удастся подобраться к лагерю вплотную, запомни, где именно солдаты сложили оружие.

Басра заморгал.

— А если меня заметят?

— Убьют.

— О боги! — вздохнул Басра. — Но мне, знаешь, что-то не хочется никуда идти. Может, ты сам сходишь? Проклятая змея вывихнула мне ногу...

— Если ты останешься, тебя убью я. — Конан произнес это негромко, но чрезвычайно убедительно.

Басра в очередной раз вздохнул и, подчеркнуто прихрамывая, направился на запах рисовой каши.

Если вы подумали, что Конан задался целью перевоспитать трусивого раба и сделать из него человека (как это понимают в Киммерии, разумеется), то вы ошиблись. Меньше всего варвару хотелось возиться с неумелым и ненадежным спутником. Но Конану действительно требовался темнокожий помощник. Другие рабы в лодке никогда не сошли бы за стигийцев, среди которых многие имеют красновато-коричневый цвет кожи. Бывают иссиня-черные стигийцы, бывают даже пепельно-серые. Но не белые. За годы странствий и приключений кожа самого варвара покрылась густым бронзовым загаром, но синие глаза, форма носа и манера двигаться сразу выдавала в нем северянина. Поскольку Конан е мог вызвать на поединок всю Стигию разом, приходилось действовать иначе — без лишнего шума и постороннего внимания. Басра волею судьбы оказался единственной подходящей кандидатурой. Искать другого было некогда и негде.

С другой стороны, при всех своих слабостях и недостатках Басра оставался доверчивым, как

младенец, и таким же простодушным. В товарищах такой человек предпочтительнее бывалого, но расчетливого и замкнутого...

Явился свежий боевой отряд москитов, и Конану пришлось вступить с ними в неравный бой, весьма кровопролитный. Варвар предпочел бы иметь дело с голодными крокодилами — они, по крайней мере, не издают таких противных звуков.

Тем временем Басра увидел первого часового. Тот ничего не заметил, да и вообще смотрел в другую сторону, но от испуга у Басры подкосились ноги. Обыкновенный легко вооруженный стигийский солдат показался ему страшным великаном.

А запах съестного между тем усиливался. Вдобавок еще и ветер подул со стороны лагеря. «Ай-яй-яй! — подумал Басра, слатывая слону. — Это же выше сил человеческих!»

И он пополз дальше, обходя часового по широкой дуге.

Шагах в двадцати влево обнаружились еще двое. Их Басра испугался меньше, чем первого. Пользуясь удаленностью от начальства, стигийцы играли в кости. Один из них жульничал, причем его противник этого не замечал и вблизи, а Басра вот разглядел даже издалека. Солдатские копья с зазубренными серпообразными наконечниками стояли воткнутые в землю тупой стороной древка. Это была типичная солдатская хитрость. Со стороны казалось, будто часовые, как им и положено, замерли неподвижно с под-

пятыми копьями, просто их скрывают высокие заросли.

Басра ползком обошел лагерь кругом и насчитал восемь солдат на посту. За деревянным частоколом, сооруженным наспех, готовились к ночлегу еще человек сорок. Повар у них никуда не годился — каша начинала подгорать, но все равно запах ее сводил Басру с ума. Задыхаясь от волнения, Басра выкопал из земли какой-то корешок и сжевал его.

— Ничего, — пробормотал он, — съедобно. Интересно, как он называется?

Второй и третий корешки тоже оказались годными в пищу, но четвертый...

Сначала Басре показалось, что во рту у него вспыхнул пожар. Потом этот пожар переместился в живот. Басра, никак не ожидавший такого поворота событий, испустил протяжный, леденящий душу крик и, вскочив, забегал по кругу, хлопая себя ладонями по животу.

Часовой, стоявший в пяти шагах от Басры, взвизгнул противно-тонким голосом, бросил копье в сторону и побежал в сторону лагеря.

— Полосатый демон! Тревога! — голосил он. — Спасайте командиров!

Вероятно, это был неплохой солдат. Очень возможно, что в битвах с врагами он не ведал страха. Но черное, покрытое белыми полосами существо, выскочившее с воем из-под земли, не могло принадлежать к человеческому роду. А различных духов и демонов стигийцы боятся и чрезвычайно чтут.

Ползая в кустах, Басра испачкался белым илом, который густо покрывал стебли папируса и тростника. В сумерках светлые полосы на его теле действительно производили пугающее впечатление. К тому же из-за жгучего сока корешка глаза Басры вылезли на лоб, волосы встали дыбом, а изо рта пошла белая пена.

Солдаты в лагере увидели его. Паника часового передалась им быстрее чумной заразы. Прыжки и страшные гримасы Басры они посчитали магическим танцем.

— Надо умилостивить демона! — кричали они. — Принесем ему жертву!

Командир единственный сохранил ясность ума. Демонов он не боялся. Куда больше его страшила утрата солдатами дисциплины. Он мгновенно сообразил, что следует предпринять, и отдал четкий приказ.

— Строимся и отходим в организованном порядке. Если демону нужно наше подношение, пусть возьмет сам то, что сочтет нужным.

Когда пожар в животе Басры погас, он увидел, что лагерь пуст и между ним и котлом с кашей не осталось больше ни одного часового.

— Копье, пара ножей и меч. Неплохо, — одобрил Конан.

Басра что-то промычал с набитым ртом.

— Тебе повезло, — заметил варвар. — Корень луксурского перца чрезвычайно жгуч, но не ядо-

вит. Если бы тебе попался местный сорт разрыв-травы, то тебе бы не поздоровилось. Ты просто лопнул бы, как кхитайский фейерверк.

— Я уж подумал, мне конец, — признался Басра. — Хвала богам, каша достаточно жирная, и мои кишki больше не полыхают...

Конан не мог представить себе, как его сообщник ухитрился дотащить, кроме оружия, еще и котел, полный до краев. «Должно быть, при виде еды его сила удесятеряется, — подумал он. — Это может пригодиться».

Басра лопал, зачерпывая кашу обеими руками попеременно, но сожрать за один присест то, что приготовлено на сорок человек, даже ему оказалось не под силу. Рыгнув с сожалением, он повалился на спину и блаженно застонал.

— Нам пора идти, — сказал Конан.

Басра притворился спящим.

— Я не собираюсь ночевать в болоте, — заявил варвар. — Если тебе хочется — изволь.

— Яви милосердие, — Басра дважды икнул и поморщился, — не бросай меня.

Конана разбирал смех. Нечеловеческими усилиями он сдерживался, но все-таки не выдержал и захочотал так громко, что дремавшие на отмели крокодилы в панике кинулись в воду и притаились на дне реки.

Этот смех услыхали и разведчики, посланные командиром солдат. Они вернулись и доложили:

— Все в порядке. Демон смеется — он доволен.

* * *

Была у Басры одна неплохая особенность — он не впадал в эйфорию от собственных явно случайных успехов и не задавался. Похититель ножа, победитель кумуди, лазутчик, шагнувший страху на регулярную армию, оставался кроток, как голубь.

Во-первых, подчиняться ему было удобнее, чем решать что-либо самому. Во-вторых, этот синеглазый верзила не требовал мелких услуг, и Басра стал обладателем огромной ценности — личного времени, каковое можно было употреблять на раздумья. В-третьих, Басре было интересно. Впервые за его не слишком долгую жизнь, в которой все было отмерено и учтено, Басра понятия не имел, что с ним произойдет завтра.

Они продвигались вдоль русла реки без особенной спешки, тем не менее с каждым переходом одолевая значительное расстояние. Сначала Басра недоумевал, почему его спутник не захотел плыть на лодке, остававшейся в полном их распоряжении. Но уже на следующий день понял: здесь встречается слишком много торговых и военных кораблей. Почуяв неладное, стигийцы без труда догнали бы их, потому как для такой посудины двух гребцов маловато, а ведь нужен еще и рулевой...

— Мы бы давно вышли в долину, если б нам улыбнулась удача, — мрачно заметил Конан.

Москиты одолевали его, а в сочетании с липкой влажной духотой кровососущие твари выве-

дут из себя любого, не только раздражительного варвара.

— Какую именно удачу ты имеешь в виду? — спросил Басра.

— Улыбка судьбы должна иметь наружность небольшого торгового каравана, — ответил варвар. — Желательно, слабоохраняемого.

Торговцев они так и не повстречали, зато наткнулись на небольшой отряд паломников. Они везли богатые подарки и четырех рабов в подношение Среднему храму. Охраняли их очень красивые, гладкие стражники, лоснящиеся от жира, внутреннего и наружного, числом аж двое.

Сперва Басра испугался и уполз на четвереньках, как ящерица. На небольшой поляне, где произошла схватка, стоял крик. Громко бряцало оружие. На стороне варвара были неожиданность и напор. Стражники не уступали благодаря численному превосходству. К тому же стигийское оружие было им более привычно. Они двигались, словно танцевали, и солнце вспыхивало на широких серповидных клинках. Один из стражников норовил подобраться к киммерийцу сзади и полоснуть мечом под ребра. Волнуясь, обливаясь едким потом и подскакивая, Басра грыз от возбуждения стебли папируса и пытался молиться всевозможным богам. Но в голове у него все прыгало и перемешивалось.

В какой-то момент Басра ясно понял — если сейчас этот красивый стражник ударит северянина мечом, его, Басры, приключения закончатся. Причем самым плачевным образом. Как сообщ-

ника разбойника его изрубят на месте или, что еще хуже, отвезут в Долину Смерти и принесут в жертву змеемордому жестокому богу. Эта страшная мысль поразила Басру. Страх перед неизбежной участью уничтожил все прочие страхи. Басра выскочил из укрытия, словно камень из пращи, и с копьем наперевес побежал на врагов.

Это случилось очень вовремя. Еще миг, и Конан был бы ранен в спину. Стражник, уже зашедший ему в тыл, услышал вопль Басры и обернулся. Он быстро смекнул, что его новый противник — не воин, потому как Басра держал копье неправильно.

Приняв необычайно эффектную позу, стражник изготовился уйти от копья, направленного неумелой рукой, и распороть врагу живот. Но чудесная, неведомая сила, охранявшая Басру, устроила так, что Басра споткнулся, зацепившись ногой о корень.

Негр упал головой вперед, далеко вытянув руки с копьем, и наконечник, миновавший защиту опытного бойца, с хрустом пронзил грудь стражника. Негодующее изумление исказило лицо умирающего, он повалился и замер в неудобной позе.

В следующий миг второй стражник лишился головы. Конан, не переставая скалиться, метнулся в сторону и вытащил за уши из кустов двух богато одетых мужчин.

Басра поднялся и подошел к нему. Голова его кружилась, сердце подпрыгивало, дыхание было чужим — хриплым, клокочущим.

— Ты убьешь их? — спросил он, как мог равнодушно.

— Кром! Я не ем падали и не убиваю безоружных! — проревел варвар, все еще опьяненный схваткой. — Даже если это презренные стигийцы, поклоняющиеся ползучим тварям! Мне не нужна их смерть, мне нужна их одежда и все их добро! Вам понятно, мокрицы?

Стигийцы, к слову сказать, не поняли ни звука, но Конан крайне красноречиво потряс перед их лицами окровавленным оружием.

Закатывая глаза от ужаса, паломники принялись раздеваться.

— Ого! Здесь необработанные сапфиры, две золотых лампы, четыре штуки отборного шелка и слоновая кость! — объявил Басра, исследовав тюки и корзины, притороченные к спинам мулов. Мулы были злые, хранили, толкались и норовили укусить.

— Мы богаты! — ликующие воскликнул Басра и вдруг пустился в пляс. Никогда раньше с ним не случалось такого. Но радость, вскипевшая в его крови, требовала выхода. И Басра плясал, на ходу изобретая диковинные телодвижения и горячко вскрикивая при прыжках.

Если Конан устрашил паломников своим грозным видом, то танец разбушевавшегося чернокожего их просто уничтожил. Подывая от ужаса, голые, они убежали в заросли, прикрывая на ходу срам. Рабы дали стрекача еще раньше, и дальнейшая их часть неизвестна.

— О боги! Я счастлив! Бедный недостойный

негр счастлив! — кричал Басра. — Давай уберемся из этих проклятых мест! Вернемся назад, в Ианту!

— А что ты будешь делать со своей долей добычи? — Конан прищурился.

— Открою торговлю.

— Чем же будешь торговать?

Тон этих вопросов смущил Басру, и радость его поутихла.

— Н...наверное, рабами, — выдавил он с сомнением в голосе. Ничего другого просто не пришло ему на ум.

— Разве участь этих людей ничему тебя не научила? — удивился варвар. — Разве тебе хочется быть ограбленным и убитым из-за жалкой выручки, которую можно пропить за один вечер? Разве ты, Басра, хочешь потерять свободу, которую ты только что обрел? Поверь мне, работоторговцы — те же рабы. Только они об этом не знают, поэтому их судьба еще хуже. Одумайся, глупый. Сегодня ты стал настоящим воином, и сразу хочешь скатиться до жалкого алчного торгаша.

— Подумаешь! — возразил Басра. — Чего особенного я сделал? Змея была куда опаснее этого наемника.

— Ты одолел кумуди, спасая собственную жизнь. А на охранника бросился, чтобы помочь мне, своему товарищу. Это гораздо почтеннее.

— Да? — Басра вдруг вспомнил, что именно заставило его атаковать стражника, и ему стало стыдно.

— Наверное, ты прав, — пробормотал он. — А

глупый негр опять сморозил чепуху. Научи глупого негра. Скажи, как лучше распорядиться добычей.

— Я скажу. Мы отвезем ее в Долину Смерти и отдадим в храм, куда она и должна была попасть.

— Что? — Басра не поверил собственным ушам.

— Очень просто, — Конан ухмыльнулся. — Богатым дарителем будешь ты. А в придачу к подаркам будет невольник. Белый, сильный невольник. То есть — я.

— О боги! Что еще замыслил этот безумец! — Басра плюхнулся на землю и обхватил голову руками.

— Если мы поступим таким образом, нам будет проще найти турецкую девушку, — пояснил киммериец. — Ты отдашь меня одному из жрецов по имени Татхэб. Понаблюдав за ним, мы узнаем, что случилось с дочерью моего друга.

* * *

— Как случилось, что моя волшба перестала действовать на тебя, Балзу? — спрашивал Татхэб, сидя на трехногом высоком табурете.

— Вряд ли ты поймешь, — отвечала Балзу.

— Если ты постараешься объяснить, то пойму.

— Для тебя жизнь — сплошная цепочка хитростей, заклинаний и жестоких ритуалов. — Балзу на миг закусила губу. — Ты не поймешь, потому что жестокий демон, которому ты служишь, не позволит тебе этого.

Балзу стояла босыми ногами на лущеном крупном горохе. Горошины постепенно впивались ей в ступни, причиняя тупую ноющую боль.

— Это не пытка, — пояснил Татхэб, рассыпая горох по полу, — это способ снять доспехи с твоего сознания. Конечно, ты сама виновата в том, что мне приходится применять подобные меры. Ты неискренна со мною, туранка.

Балзу спокойно разулась и встала на горох. Но это была не покорность, а скорее наоборот, очередная дерзость. Демонстрация превосходства. Женщины любят демонстрировать превосходство. Догадываясь о подобном течении событий, Татхэб выпил двойную дозу так называемого «напитка мудрецов» — особого зелья, создающего иллюзию успокоения и отрешенности. Вскоре он ощутил, что пресловутая «мудрость» — одно из названий сонного отупения. Но не огорчился — из-за действия того же напитка.

— Великий Сет, владыка владык, не хочет, чтобы верный его слуга постигал законы жизни? За одно это утверждение тебя искушили бы в кипящем масле, — проговорил он медленно и усмехнулся.

— Конечно, он этого не хочет, — Балзу переступила на месте, отчего боль на мгновение сделалаась резкой. — Ведь в противном случае ты отошел бы от него. Жестокость, без которой не мыслима его власть, — не признак силы. Напротив, это еще одна слабость. У каждого из вас под сердцем спит змея. Когда придет время, эта змея проснется — и укусит. Жертва слаба, но истяза-

тель всегда слабее — он сам несет в себе свою гибель.

— Большой глупости я не слыхал, — Татхэб утер лоб. Паузы между словами в его речи становились все длиннее и длиннее.

— Напри, жестокий тиран, правил моей страной. Это было не так уж давно. Он умер, наблюдая за казнью своей служанки. Казнь была страшной, она состояла из множества различных пыток. Напри упивался зрелищем. Когда мука несчастной достигла наивысшей степени, у него в голове лопнули сосуды. Кровь полилась из его глаз. Он скончался раньше приговоренной, а крик его заглушил ее стонь.

— Должно быть, он был просто слабак, — проговорил Татхэб, еле ворочая языком.

— Он был могучий воин и сильный мужчина, — возразила Балзу. — Но при этом, конечно, он был слабак.

Жрец с усилием мотнул головой.

— Вот пример многозначительной бессмыслицы, — заявил он. — Первая часть твоего утверждения противоречит второй и наоборот. Вернемся к моему вопросу. Как случилось, что ты ушла из-под моей власти? Если это такой важный секрет, может быть, стоит позвать палачей?

— В любом случае этим все закончится, — сказала Балзу без тени страха в голосе. — Но секрета тут нет. Ты помнишь утро накануне твоего отъезда, вернее — бегства из Султанапура?

— Стану я помнить всякий вздор!

— Я попала в плен к тебе почти добровольно.

Я была готова петь тебе песнь любви, играть на твоей флейте, обвивать тебя, как лоза обнимает дерево... Я пришла в твой кабинет подарить тебе ласку. Ты сидел за столом и считал что-то, щелкая абаком. В глазах твоих горели золотые монеты. Я хотела коснуться сокровенной части твоего тела, мои губы шептали твое имя... А ты отстранил меня, как назойливую кошку, отодвинул, как предмет без тепла и души. Вот тогда твои чары и прекратили действовать.

Татхэб некоторое время слушал завывание ветра в потайных трубах. Ему хотелось рассмеяться, но нижняя часть его лица сделалась твердой, как каменная маска.

— Не может быть, — хрипло вымолвил он. — Ты все врешь, нарочно, чтобы я сопел с ума от досады... Погоди же. Сегодня ночью с тобой случится кое-что пострашнее, чем обыкновенные пытки. Участь служанки этого глупого Напри покажется тебе сладкой...

Сказав так, Татхэб спустился с табурета. К его горлу подкатилась дурнота, лоб покрылся испариной.

— Стражник проследит, чтобы тыостояла на горохе до вечера, — злобясь, сказал он. — У тебя будет еще время подумать о своем жребии...

— Изнасилование души гораздо болезненнее всяких пыток, — тихо молвила Балзу.

— О, как ты права! — бросил он и вышел, пошатываясь. Покинув каменное сооружение и стремясь поскорее оказаться на воздухе, — то ли от злости, то ли от зелья, — он забыл, что снару-

жи жарит солнце, а единственное место в тени занято кольями с насаженными на них жрицами и рабынями. Зрелище казнимых рабынь сперва очень радовало Татхэба — они не умели держаться с достоинством, кричали, вырывались, отдавались агонии, совершенно не сдерживаясь. Но рабыни очень скоро утратили разум. Боль быстро пожрала их ничтожные души. Теперь они возбуждали не больше, чем коровы на бойне.

Рядом со входом дежурил новый раб Татхэба — несуразный верзила с выпуклыми мышцами и длинными волосами. Он был немой и кажется дурачком. Подаривший его паломник уверял, что раб не буйный. В самом деле, он бросался исполнять приказы, понимая их с полуслова. А как великолепно он орудовал плеткой, разгоняя тысячеголовую толпу перед носилками Татхэба!

Телохранитель был нужен жрецу, как никогда. Конечно, его кандидатуру многие поддержат. Но будут и враги. Не для того Татхэб провернул эту сложную интригу, чтобы его зарезали на ступенях храма, который он уже привык считать своим.

Приказав немому следовать за собой, Татхэб пересек алтарь страдания и вошел в дверь, устроенную в задней лапе второго каменного льва. В одном из верхних ярусов этого сооружения находились его личные апартаменты.

Здесь он держал змею, полученную от заклинателя Хутту. Сейчас она уже пичем не напоминала ту жалкую иссохшую мумию, какой пред-

стала перед Татхэбом в первый раз, когда тот получил ее из рук своего учителя. Теперь это был раскормленный гад с лоснящейся желто-черной шкурой. Изумрудный его глаз горел дьявольским огнем и никогда не закрывался. Даже когда змея спала. Татхэб видел в темноте эту пылающую зеленую точку, которая денно и нощно напоминала ему о том, что даже если может утомиться и задремать животное, в чем теле помещается дух божества, само божество остается недреманным и вечно бодрым. Мертвый глазок стал желтым и холодно наблюдал за всем происходящим вокруг.

Завидев Татхэба, змея подползала к нему и принималась, как бы шутя, обвиваться вокруг его тела. Добравшись до головы жреца, она клала плоскую морду ему на плечо и блаженно щурилась. Змее нравилось прикосновение теплого человеческого тела, а дрожь ужаса, которая пробегала по этому телу, когда взгляд Татхэба встречался со взглядом божества, вызывала ответный трепет в длинном теле змеи.

— Скоро, — пробормотал Татхэб, принимая ласки своего страшного питомца, — скоро, дорогой, ты познаешь плоть юной девушки, которая носит в своем сердце умение любить... Скоро ты выпьешь из нее это умение и навсегда наполнишь ее душу мертвящим холодом... Какая чудная жрица для великого Сета получится из этой туранки!

Змея чуть приподняла голову и медленно покачала ею из стороны в сторону, словно хотела

выказать одобрение. Татхэб никогда не мог понять, что из произносимого им змея понимает, а что воспринимает просто как некие колебания воздуха, производимые тем, кто дает ей молоко и кровь.

Впрочем, сейчас было не время задаваться подобными вопросами. Близились сроки, исполнения которых Татхэб ожидал с таким жгучим нетерпением.

Пламенное стигийское солнце медленно опускалось в воды Стикса. Становилось темно. Богиня-ночь раскинула над Стигией широкое черное покрывало, усеянное точками звезд. Луна еще не начала своего пути по небосклону — она взойдет позднее. От волнения у Татхэба лязгали зубы, и он невольно потянулся за эликсиром «мудрости». Лишь бы не показать перед божеством и его будущей жрицей (или жертвой?) своей человеческой слабости... Потому что в глубине души — и Татхэб знал об этом — он так и остался нелюбимым сыном властной матери-шлюхи, которая была так щедра на пощечины. Образ старухи, умирающей перед ним в сумерках, сложившейся — оставалось молодое, сильно накрашенное, злое и притягательное женское лицо, лицо богини — служительницы бога.

Нет, Татхэб не покажет женщине своего волнения! Он быстро сделал глоток из маленького флакона и протянул руки к змее. Словно поняв его намерение, змея выбралась из своей корзины и стремительно потекла по полу. Татхэб поднял ногу, и змея обвилась вокруг нее. Затем подня-

лась выше. Ее сверкающие золотые кольца, вспыхивающие пламенем при тусклом свете масляной лампы, охватили тело жреца, словно некая волшебная кольчуга. Немой раб, стоя у выхода, наблюдал это с бесстрастным и тупым видом. Татхэб, впрочем, мало задумывался над тем, какие чувства питает его телохранитель по поводу происходящего. До сих пор немой не давал ни малейшего основания усомниться в его преданности и полезности. И самое главное — этот немой был мужчиной. Не женщиной. Он не мог презирать Татхэба.

Сделав верзиле-телохранителю знак следовать за ним, Татхэб покинул свои покой, унося змею на собственном теле и покрыв ее плащом, чтобы сторонний наблюдатель ничего ценароком не заметил. Незачем. Один из секретов могущества — таинственность. Персона жреца должна быть окружена полной и непроницаемой тайной.

А это, в частности, означает, что когда Татхэб добьется своего и возглавит жречество в Долине Смерти, придется избавиться от Хутту...

Но это все потом, потом. Сейчас первоочередная задача — Балзу. Сломить ее дух. Вот что важно. Иначе Татхэбу не будет покоя до конца дней его...

Девушка встретила его с видимым спокойствием. Татхэб, опытный в созерцании страдающих людей, умел различать сделанное спокойствие и истинное, которое встречается крайне редко — по правде говоря, вообще практически никогда. Он умел разбирать в глазах жертвы любое чувст-

во, которое та пытается скрыть или подавить. Татхэб вовсе не хвастался, когда утверждал, что может читать человека, точно книгу. И вот сейчас он при всей своей проницательности не мог усмотреть в глазах своей пленницы ничего, кроме презрения к нему, слабому человеку, который пытается разгадать великую загадку любви, рассекая жертвенным ножом сердце, способное любить и удивляясь тому, что видит только комок плоти и сгустки крови.

Немой привычно занял место у выхода, оглядываясь по сторонам в поисках того, кто мог бы притаяться поблизости и покуситься на жизнь жреца. Татхэб позвал стражу.

— Приковать ее к стене, — распорядился он. — И снимите с нее одежду. Я хочу видеть, как пот покроет это гладкое тело. Впрочем, нет... обнажите грудь и так оставьте.

Стражники схватили девушку и подтащили ее к кольцам, вмонтированным в стену темницы. Один навалился на нее и придавил к стене, а второй грубо схватил тонкую руку пленницы и всунул ее в кольцо. Щелкнул замок — запястье оказалось намертво прикованным к стене. Затем настал черед второй руки. Балзу не сопротивлялась. Стражник, державший ее, едва не задушил девушку своим зловонным дыханием. Втайне он пытался пошарить у нее под одеждой, но времени, к счастью, у негодяя было слишком мало.

— Готово! — крикнул первый стражник.

Татхэб медленно усмехнулся.

— А теперь — ступайте, — сказал он. Страж-

ники нехотя покинули помещение. Между собой они давно спорили, как долго продержится новая пленница Татхэба. Ставки росли, Балзу не сдавалась, и теперь для храмовой стражи стало жизненно важным узнать — что еще намерен предпринять жрец, чтобы подчинить себе жертву.

Но их выставили — и довольно бесцеремонно. Хорошо бы расспросить татхэбова раба, думали, уходя, стражники, но проклятый северянин, как на грех, немой. Или притворяется немым — зато очень успешно. В любом случае он ничего не расскажет.

Широко раскрыв глаза, Балзу смотрела, как ее мучитель распахивает на себе плащ. Татхэб двигался неспешно. Его движения замедляло действие зелья, но еще больше — желание растянуть наслаждение, упиться ужасом жертвы, который должен расти по мере того, как вся картина предстоящей пытки раскроется перед Балзу во всей полноте.

Змея, обвивавшая тело Татхэба, увидела девушку, шевельнула головой и принялась жадно высывать из пасти трепещущий язык. Затем она медленно, кольцо за кольцом, покинула тело жреца и подползла к прикованной пленнице. Скользнув по стене, змея поднялась к ней и заглянула ей в глаза своими страшными разноцветными глазами. Балзу до крови закусила губу. Ей было страшно... и вместе с тем она не боялась. Она никогда не опускалась до внутреннего согласия со своим палачом, поэтому ледяной ужас, который ожидает жертв Сета, миновал ее. Трепета-

ла слабая юная плоть, испытывая естественный человеческий страх перед смертью и болью, но Сет не поглотит ее душу и не будет пожирать ее в вечности, среди тьмы и холода, как это случилось с умершими жрицами.

Змея отползла от стены на несколько шагов, поднялась на хвосте и принялась танцевать. Она то свивалась кольцами, то поднималась до середины туловища и раскачивалась под какую-то одной ей слышнюю мелодию. Постепенно жуткая пляска змеи становилась все быстрее, все стремительнее сверкало золото чешуи в полной темноте, все ярче вспыхивал зеленый глаз божества в плоской змейной голове.

Татхэб почувствовал, как волнение охватывало его. В нем трепетал каждый орган, каждый член. Пляска змеи оказывала на него странное действие. Его сердце начинало гореть и расширяться в груди, живот напрягся так сильно, что мышцы стало сводить, а детородный орган налился кровью и бешено потребовал удовлетворения. Жгучий жар плотского вожделения охватывал все тело жреца, и все же он не мог двинуться, потому что и руки и ноги его выкручивало судорогой при малейшей попытке шевельнуться.

Татхэб застонал сквозь зубы... Внезапно яркая вспышка пронзила его сознание, а сердце с оглушительным звуком, который слышал только один Татхэб, взорвалось в груди. Мощнейшее облегчение сотрясло все тело жреца, и семя его фонтаном излилось на пол. В то же самое мгновение тьма начала застилать глаза Татхэба, и он по-

валился на каменные плиты, хрюпя и задыхаясь. А рожь пробежала по его телу, в памяти мелькнуло непонятное слово: «Напри!» — и все затихло. Татхэб был мертв.

А змея вдруг поднялась на самом кончике хвоста, закружила и превратилась в человека. Это был толстый лысый человек... и будь Татхэб еще жив, он признал бы в нем своего старого учителя, заклинателя змей Хутту. Но Татхэб лежал на полу мертвым мертвого, и Сет пожирал его душу, погруженную в ужас и леденящий холод. А немой телохранитель расширил синие глаза и неожиданно обрел дар речи, взревев:

— Кром!

Перед ним, поднявшись на кончиках пальцев, с нечеловеческой грацией вращался в танце раздутый, точно демон, великан. Вот он, наклонившись, уставился на тело Татхэба, а затем, невероятно широко разинув пасть, проглотил своего бывшего ученика целиком. Видно было, как по горлу чудовища проползает туловище человека, — оно на миг вспутилось, а затем снова опало. Конан выхватил серповидный меч и метнулся к монстру.

* * *

Пока «телохранитель» наскакивал на гиганта, нанося ему удар за ударом — впрочем, без ощутимого вреда для последнего, — его сообщник Басра пробрался в апартаменты Татхэба. Конан велел ему осмотреть там все как следует, чем и

занялся негр, дивясь собственной дерзости и предприимчивости.

— А что если покой охраняются вооруженными слугами? — спросил сам себя Басра, прокрадываясь по лестнице наверх. Он старался не думать о том, что находится внутри каменного льва, в самом средоточии жреческой власти Долины Смерти. — Ну и пусть охраняются, — решил он после недолгого раздумья. — Я с ними покончу!

И негр потряс в воздухе кинжалом. Он стал очень храбрым.

В покоях Татхэба поначалу Басра не обнаружил ничего стоящего. Одежда... Но натягивать на себя то, что облекало жреца Сета... Бр-р! От одной мысли об этом негра пробирала холодная дрожь.

Украшений он нашел совсем немного, и все они были довольно дешевыми. В досаде Басра принялся перерывать сундуки и постель и наконец перед ним предстал небольшой сундучок.

— Ага! — воскликнул Басра, сверкая белыми зубами не то в улыбке, не то в хищном оскале. — Кажется, нашел!

Сундучок был заперт на прочный замок. Напрасно Басра озирался по сторонам в поисках ключа. Напрасно тряс сундучок и даже бросал его на пол. Замок не поддавался. В конце концов Басра всунул кончик кинжала в щель между крышкой и стенкой сундучка... Едва не сломав лезвие, протиснул его глубже, надавил... Наконец-то! Послышался треск, и крышка поддалась.

Басра сорвал ее с петель и едва не закричал от разочарования.

Сокровища? Монеты? Как бы не так! На дне сундучка лежала маленькая сморщенная змеиная шкурка.

Осыпая проклятьями Сета, его служителей, себя — глупого негра, а заодно и киммерийца, который втравил его в эту историю, Басра схватил шкурку двумя пальцами и швырнул в очаг, где несмотря на жаркий день тлел огонь. Тотчас пламя вспыхнуло невероятно ярко, так что у Басры сразу заболели глаза, и так же внезапно погасло. Басра зажмурился. Белые круги расплывались у него перед глазами, он чувствовал себя ослепленным. В голове что-то стучало.

Басра плюнул на пол и, шатаясь, побред к выходу. Ничего путного в этой комнате нет. Возможно, Татхэб жил ради ощущения власти над другими людьми и презирал материальные блага. Тем хуже для Басры и Конана. Потому что власть над людьми — это такая проклятая штука, которую не может украсть даже самый ловкий вор.

* * *

Тем временем Конану приходилось туда. Великан наваливался на него своей необъятной тушей, давил животом, пытался наступить на человека ножищами. Конан едва уворачивался от своего противника. Хутту глухо, утробно хохотал, наслаждаясь неравным боем со слабым и малень-

ким противником. Он оттягивал то сладкое мгновение, когда сможет пожрать варвара живьем. Да, заклинатель не станет убивать этого человека. Мертвец, конечно, — лакомое блюдо, но живая плоть, погружающаяся в бездонное чрево чудовища, еще трепещущая в желудке, доставляет несопоставимо большее удовольствие.

И вдруг что-то произошло. Хутту испустил отчаянный громкий вопль и скорчился. Он опустился на четвереньки, обхватил себя за плечи руками и затрясся неестественно быстро и крупно. Все его гигантское тело содрогалось, складки жира вздрагивали, как будто по ним хлопала невидимая ладонь. А потом что-то произошло, и вот уже перед Конаном на корточках сидит человек самого обыкновенного роста.

Испустив ликующий боевой клич, варвар взмахнул стигийским мечом и обрушил его на шею своего противника.

Голова Хутту покатилась по полу, губы его все еще двигались, а глаза моргали. И вдруг Конан ясно увидел, что голова — змеиная. А тело, оставшееся биться в корчах на полу, вдруг окаменело — это была пересушенная мумия, давно почерневшая от старости и покрытая жирными темными пятнами прогоркшего масла, которое используется дешевыми мастерами при бальзамировании.

Фонтан горячей крови ударил в стену и залил пленницу. Она не выдержала — забилась о стену, пытаясь высвободить руки.

— Тише ты, — сказал ей варвар, приближаясь.

Меч он бросил на пол, и клинок, звякнув, исчез в полуутяме. — Ты Балзу, не так ли?

Девушка молча смотрела в надвигающееся на нее лицо. Это было довольно привлекательное мужское лицо с холодными синими глазами, обрамленное копной нечесаных черных волос. Несожданно варвар усмехнулся, и взгляд его сразу потепел.

— Хорошая дочка у моего друга, — похвалил он. — Ты довела его до умопоступления. Он ведь помер, ожидая твоей смерти.

Она вдруг захочотала. Она смеялась и смеялась. Слезы текли по ее лицу, смывая со щек кровь Хутту, зубы лязгали, искусанные губы болели — а Балзу все смеялась и не могла остановиться. Конан освободил ее руки и подхватил девушку, которая повалилась ему на грудь.

— Не могу стоять, — призналась она, задыхаясь. — Ох... помер, глядя, как я... Напри... Глупо, глупо, глупо!

— Хватит, — варвар сердито дернул ее за волосы. — Перестань смеяться, иначе у тебя заболит живот.

— Живот... какое слово... смешное... — она застонала.

Конан взвалил ее на руки и понес прочь из темницы. Балзу тихо вздохнула и потеряла сознание.

* * *

— Что за дрянь там у него хранится! — причитал Басра, который столкнулся с киммерийцем у

лап каменного льва. — Ничего стоящего. Всякий хлам. А в шкатулке он держал — знаешь что? В жизни не поверишь! Змеиную шкуру! Тьфу!

Негр энергично плонул и вдруг увидел запрокинутое лицо пленницы. Он так и замер с разинутым ртом.

— Кто это? Та самая? Из-за которой ты...

— Угу, — сказал Конан.

И тут послышался тихий треск. Звук был совсем негромкий, однако чуткое ухо варвара уловило перемену, и Конан быстро повернулся в сторону каменного льва. Гигантское сооружение пошло трещинами и начало петь на ветру.

— Он разваливается! — закричал Конан. — Бежим отсюда!

Басра не заставил себя упрашивать. Он подхватился и побежал что есть силы. Конан с пленницей на руках помчался следом.

За их спинами с грохотом, поднимая тучи пыли, валялись обломки.

С громкими криками к рассыпающимся львам мчались стигийские стражники.

* * *

...У костра сидели трое. Ни ядовитые миазмы стигийских болот, ни москиты, ни предстоящий трудный и долгий путь до Турана — ничто не могло испортить им хорошего настроения. Басра не сводил глаз с освобожденной пленницы. А она нет-нет да поглядывала в сторону стройного чернокожего парня, который так нелепо разделявал

рыбу и так забавно умел болтать. Конан, конечно, замечал этот обмен взглядами. Что ж, Балзу — красивая девушка, умная и с твердой волей. Для такой трудно подобрать подходящего мужа, размышлял варвар.

Считается, что женщине с сильным характером требуется еще более сильный мужчина, но Конан был уверен в том, что это чушь. Напротив, такую девушку вполне может осчастливить муж-тряпка, лишь бы он любил ее от всей души и позволял вертеть собой, как вздумается обожаемой женушке. Умная женушка лишнего не навертиг.

Придя к этому выводу, Конан не стал мешать своим спутникам.

Пусть события идут своим чередом, а уж он, Конан, по прибытии в Султанапур переговорит со своим другом Али-Бекром. Расскажет, как много опасностей пришлось им преодолеть для того, чтобы вызволить Балзу из лап служителей змееголового Сета.

И представит своего давнего друга, принца из Кешана по имени Басра, который был верным спутником Конана в его путешествии по Стигии и своим последним подвигом оказал неоценимую помощь при освобождении прекрасной Балзу. А заодно намекнет на то, что принц Басра пленился чудными очами дочери Али-Бекра.

Нет-нет, Басра — младший сын, он никак не может претендовать на престол Кешана. Разве что внезапно умрут все семнадцать его старших братьев.

Да, принц Басра с радостью остался бы в Туране... Естественно, если ему будет предложена должность при дворе... И разумеется, он был бы счастлив попросить руки прекрасной Балзум...

Спустя несколько месяцев все эти планы были претворены в жизнь — уверенно и ловко. Как и все, что делал Конан.

Кость демона Уробаха

аскаленное солнце поливало белыми лучами окраины Шадизара. Здесь, в районе ремесленников, мелких торговцев и бедноты, не было прекрасных дворцов, окруженных тенистыми садами, и люди укрывались от зноя в домах, а чаще — в тавернах.

Хепат, последний гном из племени Вармина, нетвердым шагом плелся по раскаленной улочке, с каждым шагом вздымая небольшую тучу пыли. Долго живший среди людей, перенявшний их манеры и любовь к вину, он обходил харчевни Шадизара и в каждой пропускал глоток вина или кружку эля. Ему не нужны были деньги. Завсегдатаи в тавернах хорошо знали крючковатый нос с двумя бородавками и с удовольствием уготтали его обладателя вином и пивом. И хотя Хепат частенько по секрету признавался, что он не уродец-карлик, а самый настоящий гном — по-

следний из великого племени славного короля Вармина — ему никто не верил. Все считали его веселым и немного хвастливым коротышкой. А гномы... гномы, может, и жили когда-то, где-то в недрах гор, но, скорее всего, это просто легенды... Хепат не обижался и не настаивал. Пусть карлик. Зато он знаком с самим Конаном! И он рассказывал добродушно ухмыляющимся слушателям, как однажды некий черный кот вывел их из огромного лабиринта, когда дрогорели все факелы, и темнота приняла их с другом в свои смертельные объятия.

— Значит, вывел кот? — спрашивал какой-нибудь правдолюб.

— Да, кот, — кивал носом Хепат, — кот...

— Черный? — уточнял человек.

— Черный, как сама ночь!

— А как же ты его — черного — рассмотрел в темноте?! Ведь факелы-то погасли!

И громовой смех заглушал разъяснения гнома, о том, что кот был привязан, как собачка... Кто-то хлопал его по плечу, кто-то подливал вина... Люди готовились слушать очередную байку о похождениях карлика, знакомого с Конаном, который, надо сказать, давно не показывался в Шадизаре и не мог подтвердить слова пьяного Хепата.

— А когда мы с Конаном преодолели страх перед мертвецами и пришли в сокровищницу... — начинал Хепат, не замечая подмигиваний и ухмылок веселых слушателей, — ...когда мы увидели сундуки...

— Так почему же ты, найдя сундуки с сокровищами, не живешь во дворце? — перебивал его все тот же правдолюб. — Да и Конан почему-то опять ушел с караваном, а не купил себе второй дворец, рядом с твоим?!

Хепат посмотрел на человека долгим взглядом пьяного. Правдолюб — тощий, усатый человек с изможденным лицом, уставший от разоблачений застольных баек — несколько смущился. В харчевнях Шадизара не принято было смеяться над Конаном. Закряхтели и немного отодвинулись остальные слушатели. Всем почему-то представилось, что вот сейчас откроется дверь и войдет Конан. И посмотрит на шутника бешеными глазами, в которых будут метаться синие молнии...

И как подтверждение этого с улицы раздался крик:

— Караван пришел!

И скоро в дверях действительно появилась могучая фигура Конана. Правда, синие глаза его выражали не гнев, а лишь некоторую усталость.

Через мгновение Хепат рыдал, обхватив ногу друга, и с укоризной показывал крючковатым пальцем на щутника-правдолюба. Тот в одиночестве ерзал на скамье.

— Они не верят, — плакал Хепат, — Конан, они не верят, что мы с тобой... Они смеются!..

— Что?! — грозно-смешливо протянул гигант. — Кто-то здесь не верит?! Не верит моему пьяному другу?!

— Верим... верим... как не верить... — дружно

загудела толпа, причем шутник особенно усердствовал, стараясь перекричать других. Он надеялся, что благородный Хепат не станет больше показывать на него пальцем. И гном проявил великодушие. Он позволил усадить себя за стол и уткнул нос в кружку.

— Эй, хозяин! — прогремел Конан. — Принеси-ка моему другу мяса, он должен закусить... Да и мне... И побольше! И вина пару кувшинов не забудь!

Обстановка разрядилась. Правдолюб воздал хвалу богам и потихоньку убрался восьсяи. Хепат ел мясо и счастливо смотрел на Конана.

— Да, друг мой, — в раздумье протянул Конан, — не зря я согласился сопровождать это караван. Они привезли не простой груз...

— А когда мы поедем откапывать горшок с алмазами? — невпопад спросил пьяный гном.

— Как деньги кончатся, так и поедем! — Конан понял, что сегодня серьезно говорить с другом невозможно и, не теряя более времени, налег на мясо.

А караван, охрану которого возглавлял Конан, действительно привез не совсем обычный груз. То есть, обычный, конечно, тоже привез — товары в бесконечных тюках, надежно притороченных к верблюдам — но главный груз, ради которого и был снаряжен караван, ради которого владелец не поспешил заплатить Конану и другим

воинам хорошую цену, представлял собой маленькую шкатулку, надежно упакованную внутри одного из тюков.

Богатый купец и, по слухам, колдун, Акцион поручил Конану лично охранять эту шкатулку, точнее тот тюк, где она покоилась, и заплатил, вдобавок к основному жалованью, еще втрое.

Вполуха слушая болтовню пьяного гнома, Конан вспоминал, как один из погонщиков — слишком толстый для простого погонщика верблюдов — все время куда-то исчезавший, подмигнув и кивнув жирными щеками, спрятал шкатулку в заранее помеченный тюк, который и надлежало беречь пуще глаза. И он, Конан, честно выполнил договор — даже спал рядом с верблюдом, наружженным драгоценной ношей.

Что получил қупец Акцион? Что привезли ему в шкатулке? Драгоценные камни? Возможно, но вряд ли... Скорее, чародейские амулеты, колдовские артефакты... Ладно, заплатил он щедро, остальное никого не касается. Все довольны. Каждый получил то, что хотел. Колдун — амулеты, Конан — хорошие деньги. И все же... все же... Что-то тревожило. Чувство пустоты, какая-то неудовлетворенность... Может он, Конан, помог колдуну завладеть артефактом, который принесет великие бедствия? Но ведь он просто охранял караван... Солдаты всегда найдутся... Если тут что-то и произошло — оно произошло бы в любом случае... И не стоит теперь себя винить!

Конан хлопнул по столу так, что подскочили успевшие опустеть кувшины.

— Клянусь Кромом! Зачем нужны деньги, если мы будем сидеть в этой дыре?!

Мигом проснувшийся Хепат подхватил мысль друга:

— Пойдем в самое лучшее заведение Шадизара! Мы... Конан... мы с тобой... — он воинственно вскочил с места и бросился к выходу.

На улице стало прохладнее. Солнце наполовину спряталось за горизонтом. Из домов и харчевен стали, кто — выходить, кто — выползать, люди. Пустынны днем, извилистые улочки постепенно оживали. Конан, придерживая шатающегося гнома, широко шагал по направлению к центру города.

— А зачем... — забормотал Хепат, — ...ты пригласил еще этих троих?.. Они плетутся за нами... Зачем?..

Незаметно оглянувшись, Конан действительно заметил позади трех вооруженных людей. Может, совпадение? А, может, купец Акион просто не любит оставлять свидетелей? Если так, то это ему дорого обойдется!

Друзья свернули в темный переулок. Солнце садилось, тени удлинялись. Скоро наступит темнота — ее они и ждут... Действовать необходимо раньше! Конан сделал вид, что запнулся, зашатался и прислонился к стене невысокого каменного дома. Троє, отбрасывая причудливые тени, быстро приближались. Зазвенела сталь, освобождаемых из ножен клинков. Хепат вмиг прогрезвел, все понял и, вытащив кинжал, встал рядом с другом.

— Спину, — процидил Конан. — Ты забыл, что должен защищать спину? И не попади под меч!

Троє молча стали полукругом. Легкие, кривые сабли направлены на Конана. В полумраке блестят белки глаз и оскаленные зубы.

— Почему? — спокойно спросил Конан. Рука его легла на рукоять меча, но сам меч все еще покоялся в ножнах.

— Ты слишком много знаешь, — неожиданно мелодичным голосом сказал один, — а теперь и он тоже, — кривая сабля указала на Хепата.

— Акион? — спросил Конан.

— Да, мы убьем вас по его приказу, хотя нам жаль лишать жизни такого красивого воина, — голосом флейты пропел другой.

И тут Хепат, бывший трусливый гном, совершил безрассудный, но смелый поступок. Издав боевой клич, он сделал вид, что приготовился к бою, затем перехватил кинжал за лезвие и, быстро размахнувшись, бросил его в одного из воинов. Гном лишился оружия, но неожиданность возымела свое действие. Через мгновение трое странных воинов ошарашено смотрели на рукоятку кинжала, торчащую из груди одного из них. С легким стоном воин упал на колени. Двое других завизжали и бросились на гнома. Две быстрые, как жало змеи, сабли устремились к горлу Хепата. Мгновение внезапно растянулось, звуки исчезли, и гном успел подумать, что ему заложило уши. Не в силах пошевелиться, он с тоскливым ужасом наблюдал, как приближались — медленно, но неотвратимо — блестящие в темноте

клиники. Так же медленно выплыл из мрака огромный меч его друга — непонятно, когда он успел вынуть его из ножен — и бесшумно отбил жалящий удар сабель. Хепат заметил, как раскололся один из клинков, и половинки, медленно вращаясь, поплыли в темноту.

И раздался звон, и время опять потекло в обычном темпе, и визжали нападающие, и еще раз мелькнул молнией меч Конана. Расширенными глазами увидел Хепат, как падает верхняя половина воина, как обнажается на миг позвоночная кость — белая и жалкая — чтобы затем исчезнуть в фонтане темной крови.

Третий воин — у которого оказалась сломана сабля — вытащил кинжал и, по примеру гнома, бросил его в ненавистного противника. Уклоняясь, Конан сделал выпад, и его меч вышел из спины последнего оставшегося в живых воина.

Хепат, собравшись вытащить фамильный кинжал из груди первого убитого, с удивлением заметил, что воин еще жив. Дыхания почти не было, но сердце билось, и человек еле слышно стонал.

— Что делать? Добить? — гном старался разглядеть в темноте лицо Конана.

— Пощадите, — прошептал женским голосом воин, — я расскажу вам все, что знаю... Только пощадите...

— Клянусь Кромом! Это же женщина! — воскликнул Конан. — И те двое — тоже! У Актиона нет воинов-мужчин?!

— Мы самые ловкие... а кроме того, каждый

раз он поит нас зельем и шепчет заклинания... Сейчас действие волшебства проходит, и мне больно... Умоляю, спасите... Вы же хотите узнатъ...

— Потеряла сознание, — Хепат почесал бороду. — Если вытащить кинжал сейчас — она сразу умрет. Если позже, позвав лекаря, — может, и выживет.

— Надо, чтобы выжила, — пробормотал Конан и осторожно поднял на руки женщину-воина. — Пойдем, я знаю, где мы ее спрячем.

* * *

Небольшая комната освещалась несколькими сальными светильниками. Стены, сложенные из грубо обработанного камня, отдавали накопленное за день тепло. В целом тайная комната горшечника Ихарпа, походила на старый, заброшенный склеп. Окон не было. Вместо двери — камень, который приходилось вытаскивать каждый раз при входе в комнату-склеп. Посреди, на грубо сколоченной лежанке, укрытая шкурами, спала женщина-воин.

Хепат, сидя на скамье у лежанки, грустно смотрел в лицо той, которую он чуть не убил. Тонкие, нежные черты. Красиво изогнутые брови. Маленький, острый подбородок и неожиданно черные, как ночь глаза. Но сейчас глаза красавицы закрыты. Она с трудом перенесла извлечение кинжала из раны... Да, он, Хепат, последний из племени Вармина, чуть не убил женщину... Но

весь она напала первой! Она была под действием волшебного напитка! Им с Конаном оставалось только защищаться... Конан вот не терзается мыслью о том, что ему пришлось убить двух, на-верное, таких же прекрасных женщин!..

Хепат вздохнул и стал ждать, когда раненая проснется. Он приготовил отличный бульон с целебными кореньями! Это ее быстро поставит на ноги! Так кормили раненых воинов лекари племени Вармина.

И неожиданно Хепат спрятал лицо в ладонях и заплакал — от тоски, оттого, что он чуть не убил эту красивую женщину, оттого, что нет больше его племени, и остался он один... если не считать его верного друга — великого воина Конана.

Заскрежетал отодвигаемый камень, и в «склеп», согнувшись в три погибели, пролез сам верный друг Хепата, а за ним горшечник Ихарп — худой, как саксаул, жилистый и быстрый в движениях ремесленник. Однажды Конан спас ему жизнь и приобрел одного из самых надежных товарищ.

— Ну, как она? — Конан взглянул в лицо спящей.

— Тс-с, — зашипел Хепат, — спит.

— Я вижу, что спит, — понизил голос Конан. — Она сможет говорить, когда проснется?

— Я... проснулась... — слабо произнесла женщина, — и я все расскажу... Но рассказ будет долгим...

— А мы никуда не спешим.

— Но сначала она выпьет бульона, — и Хепат

принялся с ложечки поить ту, которую он едва не лишил жизни.

Поблагодарив гнома за заботу, женщина на миг задумалась.

— Что ж, начну с начала... А вы сами судите, что важно... Меня зовут Итилия. Нас было десять девочек — привезенных откуда-то с Востока на забаву Акциону. Три умерли сразу, не выдержав его грубого надругательства. Семь выжили. Каждую ночь он брал к себе в постель двух из нас и заставлял проделывать разные мерзости. Постепенно мы ожесточались сердцем, становясь злыми и безжалостными. Вскоре Акцион принялся за наше воспитание. Его лучшие воины учили нас сражаться, а плату получали нашими телами. Мы ненавидели весь свет. На тренировках мы старались задеть наших учителей саблей. Прошло время, и нам это стало удаваться все чаще.

Акцион стал выискивать среди рабов наиболее сильных мужчин и заставлял нас убивать их с особой жестокостью. Нам понравилась кровь. Убийство стало единственным развлечением. И не было нам равных в умении владеть оружием. С таким воином, как Конан, мы раньше не сталкивались...

Время шло, и Акцион стал поручать нам тайно убивать его противников. Умирали даже те, кто осмеливался косо взглянуть на его похотливую физиономию. Акцион упивался своим могуществом. Но ему было мало наших сабель. Мало тайного убийства. Он стал обучаться колдовству. Благодаря своему богатству, он мог нанимать са-

мых известных магов, и они обучали его тайным премудростям.

Вскоре его чародейское умение стало приносить плоды. От непонятных болезней один за другим умирали его недруги, а таких находилось немало. Актион в совершенстве освоил науку составления колдовских напитков и зелий, научился пользоваться ядами и вызывать духов и демонов.

Что касается нас — семерых женщин-воинов, то теперь он по ночам поил нас зельем, и мы превращались в бешеных фурий! Мы ублажали его такими ласками, о которых не может мечтать ни один смертный. Мы были неутомимы в своей страсти, и он ценил нас все больше.

Но однажды он приказал нам убить богатого купца — своего главного конкурента, у которого была очень хорошая охрана. Выпив колдовского зелья, мы выполнили задание, но четверо из нас не вернулись. А сейчас, благодаря мечу Конана, у Актиона не осталось больше женщин-воинов.

Знать Шадизара ненавидела его и всячески старалась досадить в делах. Против него сплотились все честные купцы. Его не приглашали на пиры, и он не мог подсыпать врагам яду. Дела злодея Актиона шли все хуже. Его последней надеждой стала кость демона Уробаха. Владеющий костью — владеет демоном и страшно представить, что начнется сейчас в Шадизаре, после того как его толстый помощник сумел выкрасть эту кость и доставить ее хозяину.

Этот мерзкий толстяк, который так любил

при каждом удобном случае пользоваться нашими телами, убит. Убит нами по приказу хозяина, который не любит оставлять свидетелей. Я сама проткнула его саблей с огромным удовольствием. Следующим нежелательным свидетелем был Конан и его маленький друг. И тут у нас случилась неудача, чему я теперь очень рада...

— Значит, в шкатулке была кость демона? — помолчав, спросил Конан.

— Да, кость демона Уробаха. К счастью, подчинить себе демона непросто, даже владея его костью. На это потребуется какое-то время...

— Клянусь Кромом, — воскликнул Конан, — времени у него осталось мало! Сегодня же ночью...

— Не спеши, Конан! У Актиона сильная охрана и высокие стены. Не так-то просто пробраться к нему.

— Стены не помеха. Охрана — это, конечно, хуже... — Конан задумался. — Но ведь нельзя терять времени!

— Хорошо, если ты готов рискнуть, я расскажу тебе, как лучше пробраться в покой Актиона...

* * *

Резной, черного камня ларец стоял на небольшом столе посреди комнаты-склепа. Нахмутив брови, рядом, на шаткой скамье, сидел Конан. Итилия, приподнявшись, следила за ним горящим взглядом.

— Как все прошло?

— Нормально, — усмехнулся киммериец, — я когда-то был неплохим вором...

— Актион?..

— Сбежал... Пока я пробивался в его спальню, он просто исчез.

В комнату не сгибаясь, вошел Хепат, а за ним протиснулся Ихарп.

— В городе только и говорят об ограблении Актиона, — Ихарп подмигнул, — его ведь все не-навидели. Теперь радуются даже те, кто сами постоянно опасаются воров.

— Да... конечно, — откашлялся Хепат, — ну... а ты что-нибудь кроме ларца прихватил?

Конан молча кивнул на кожаный мешок в углу. Горшечник Ихарп и гном с загоревшимися глазами занялись мешком.

— Сколько пришлось убить? — В черных глазах Итилии промелькнул странный отблеск.

— Четверых, — бросил Конан, — это оказались простые солдаты, наемники... мне было их жаль...

Из угла доносился звон монет.

— А из этого кубка я буду пить вино, — мечтательно протянул Ихарп.

— А потом тебе отрубят голову, — засмеялся Хепат, — горшечнику не подобает пить вино из золотого кубка. Вот мне — последнему гному из славного...

Конан придинул к себе ларец. Казалось, черный резной камень излучал зло. В комнате повисла тишина.

— Когда его открываешь, нужно что-то говорить? Заклинания?..

— Насколько я знаю — нет, — сказала Итилия, — заклинания, это уже потом...

Конан осторожно снял крышку. В ларце лежала небольшая, треснувшая, потемневшая от времени кость. Кость демона Уробаха.

Тяжелая, давящая, пыльная тишина мешала дышать. Воздух потяжелел. Итилия застонала. Ихарп схватился за горло. Хепат выронил золотой кубок, и тот одиноко и потерянно звякнул о каменный пол. В комнате потемнело. Казалось, темнота стала осозаемо сгущаться, формировать плотное облако.

— Ради всех богов, Конан, закрой его, — прокричел гном.

Конан водрузил крышку на место и перевел дух. Светильники вскинулись веселым пламенем. Все разом вздохнули полной грудью. Хепат покачал головой:

— Еще немного, и...

— И... что? — помедлив, спросил Конан.

— Я думаю, — прошептала Итилия, — что сюда явился бы сам демон Уробах. И нам пришел бы конец...

— Он появляется всякий раз, когда открывают крышку?

— Я не знаю, — как в бреду шептала Итилия, — Актион не посвящал меня в тонкости... я не знаю...

Некоторое время спустя, успокоившись, горшечник продолжил разбор захваченного добра. На столе, рядом с ларцом, появились золотые кубки — большие и маленькие, украшенные дра-

годенными камнями и просто литого, тяжелого золота. Россель монет. Несколько перстней с бриллиантами и изумрудами.

— А этот браслет, — пришедший, наконец, в себя Хепат поднял изящный золотой браслет, перевитый змейками серебра, — я подарю тебе, Итилия — за то, что я тебя чуть не...

Заметив насмешливый взгляд Конана и укоризненный Ихарпа, гном поспешил добавить:

— Ну... то есть... это Конан, конечно, тебе подарит... мы с Конаном... подарим, за то... что...

И киммериец, взяв огромными ладонями изящную руку женщины, бережно надел браслет на ее исхудавшее запястье.

* * *

Унылая, выжженная степь на горизонте дыбилась холмами. Три всадника — двое на конях и один на верблюде — двигались в сторону Карпашских гор. Три маленькие точки с высоты полета орла, нарезавшего круги над равниной, казались крохотными и затерянными среди бескрайних, опаленных солнцем степей.

Конан ехал впереди на вороном жеребце. Легкая, прочная кольчуга поблескивала синевой. Через плечо — перевязь его знаменитого вороненого меча. Следом на горячем скакуне гнедой масти ехала задрапированная в черный плащ Итилия. Кончик сабли в изукрашенных драгоценными камнями ножнах, выглядывая из-под плаща, покачивался в такт движению. И замыкал про-

цессию гном Хепат на верблюде. Удобно устроившись между горбами, он то и дело, тайком от спутников, прикладывался к фляге с вином. После чего, развеселившись, вполголоса пел странные песни гномов — грубо-реки, резкие, но по-своему мелодичные.

Конан знал, что еще день пути, и начнется предгорья Карпашских гор. Затем еще день — и над их небольшим караваном нависнут величественные снежные пики, сверкающие на солнце, как хорошо отполированный меч. Там, в сердце огромной горной гряды таится ледяная пещера, в недрах которой надлежало упокоиться зловещему ларцу с темной, треснувшей костью демона Уробаха.

Только в глубинах подземного озера, навечно скованного панцирем льда, будет недоступен для смертных злой дух страшного демона, таинственными силами прикованный к треснувшей кости. Вода ледяного озера не позволит демону вновь вознестись и творить зло в мире людей.

Так считала Итилия. Так говорил ей в минуты откровенности Актион, хвастаясь своими познаниями и не подозревая, что верная женщина-воин однажды обратит эти тайные знания против него.

Много дней прошло с тех пор, как Конан добыл ларец. Долго не могла встать с лежанки Итилия, рана ее стала гноиться, и если бы не травы, которые собирал ночами Хепат, скорее всего, никогда бы не села она больше на лошадь, никогда не смогла бы с диким гиканьем сверк-

нуть саблей, соперничая быстротой с самим Конаном.

Неустанно заваривал гном травы и коренья, настаивал, укрывал шкурами, шептал старинные заклинания, которыми пользовались лекари его исчезнувшего племени — и исхудавшая и от того ставшая еще прекраснее женщина, стала поправляться. Скоро она уже могла ходить. Затем проделывать легкие физические упражнения, тренироваться с саблей. Стала восстанавливать силы и больше есть. Горшечнику Ихарпу приходилось варить много мяса, тем более что Конан, ежедневно захаживая справиться о здоровье раненой, обязательно оставался для основательной трапезы.

Во время таких сборищ обсуждалась возможная судьба кости ужасного демона. Сошлись на ледяной могиле в озере. Хепат, правда, предложил попробовать самим овладеть демоном Уробахом, но, узнав некоторые подробности относительно того, что демон может сделать с несведущим в колдовстве человеком, тут же согласился с Итилией и Конаном. Да, ларец с костью нужно утопить в озере. А заодно проверить там — нет ли в пещерах сокровищ. Или, в крайнем случае, сделать небольшой крюк и откопать, наконец, звездный горшок с алмазами, который Конан когда-то так безрассудно зарыл в местах, где волчьими стаями рыщут разбойники.

К вечеру достигли взгорий. Местность вздыбилась складками — вначале безлесными, затем поросшими кустарником, а дальше — лесом.

— Переночуем на опушке, — решил Конан, вглядываясь в темнеющий впереди хвойный лес.

Остановились путешественники в небольшом распадке. Привычно расседлали и пустили пастись животных. Вскоре беспокойно заметался, запыпал костер.

— Странно, — Итилия подбросила дров и оглянулась, — обычно костер приносит радость... а у меня на душе тревожно. Это пламя... будто предупреждает о чем-то...

— У меня тоже на душе камень, — мрачно произнес Хепат и собрался приложитьсь к фляге.

— Гром и молния! Да ты выдул все вино! — Конан отобрал у гнома полупустую флягу и подал женщине.

— Согрейся. Тогда и костер станет в радость.

Но на душе и у самого Конана было тревожно. Не выходил из головы исчезнувший колдун. Он, конечно, попытается им помешать. Не так уж сложно догадаться, куда они повезут кость. Он обязательно устроит засаду. Возможно, он уже рядом... Подкрадывается, подбирается, скрытый темнотой, готовя внезапный удар или какую-нибудь пакость...

Нахмурив брови, киммериец обнажил меч и положил рядом с правой рукой. Пламя костра с неистовым весельем заплясало на отполирован-

ном вороненом клинке. Итилия, в черных глазах которой, отражались искры, достала свою изящную, с плавным изгибом саблю. Хепат, недовольный тем, что его лишили очередной порции вина, вытащил кинжал и демонстративно стал нарезать им мясо. Затем так, чтобы все видели, спрятал обратно в ножны. Конан едва заметно усмехнулся.

Тишина нарушалась только потрескиванием сучьев в костре. Не слышно было дажеочных птиц — любителей попугать путников внезапными пронзительными криками. Странная, противоположная тишина висела над распадком.

— Что-то должно случиться, — проворчал Конан, настороженно прислушиваясь, — это затишье перед боем.

Итилия часто отворачивалась и подолгу всматривалась в темную стену леса.

— Скоро... — сказала она внезапно, — уже скоро он нападет... Я чувствую... Я знаю его манеру.

— Каким будет это нападение? — спросил Конан. — Не бросится же он на нас с сабелькой?! Может, он успел собрать с десяток-другой оборванцев?

— Он собрал... — прошептала женщина, — но не разбойников... ему служат другие...

В лесу треснула ветка. В тот же миг Конан стоял у костра, принял боевую стойку и направив меч в сторону возможного нападения. Тишина звенела. Еще хруст сухих веток — в другой стороне. Еще и еще.

— Похоже, они взяли нас в полукольцо, —

сказал Конан, — скоро бросятся в атаку. Эй, Хепат, ты готов защищать мне спину?

Но гному было не до шуток. Мрачнее тучи он стоял по другую сторону костра, сжимая резную рукоятку старинного кинжала. Длинный крючковатый нос его издавал сердитое сопение.

И только Итилия осталась спокойно сидеть у костра.

— Нет, Конан, нападение будет другим... А эти звуки... Он просто старается нас напугать.

Потянуло холодным ветром, и пламя костра колыхнулось, задергалось, заплясало.

— У меня почему-то волосы на затылке шевелятся, — прошептал Хепат, — ветер слишком холодный... И дует со стороны леса. Так не должно быть...

Ветер внезапно усилился. Теперь костер, жалобно разбрасывая искры, мог потухнуть в любой момент.

— Хепат! — рявкнул Конан. — Костер!

Гном бросился подбирать близлежащие сучья. Вскоре костер вновь запыпал в полную силу. Теперь он был другом. Теперь он согревал, отгонял темноту с ее страхами, шорохами, опасностями. Сулил защиту и тепло.

Ветер донес запах падали, будто кто-то набросил аркан на давно павшую лошадь и пытается оттащить ее с дороги. И гнилое мясо при этом, рассыпая червей, издавало этот неповторимый аромат. Аромат, который невозможно спутать ни с чем. Аромат мертвчины. Запах трупа, зомби, живых мертвецов, всякой нечисти, о которой так

много рассказывают в тавернах за добрым кружком вина.

Теперь Итилия стояла рядом с Конаном. Двумя руками она привычно держала перед собой саблю. Нападение было возможно в любой момент. Из разных концов леса донеслось хриплое ворчание. Так ворчит недовольный медведь, когда не может достать из дупла мед...

Только в звуках, доносящихся из леса, к медвежьему ворчанию будто примешивался недовольный голос человека. Недовольный, визгливый, угрожающий.

Конан и Итилия стояли плечом к плечу, готовые отразить любое нападение. Но время шло, а из темного, сумрачного леса, край которого освещался всполохами костра, никто не показывался.

— Он ждет, когда у нас сдадут нервы, — прошептала женщина.

— Долго же ему придется ждать, — пробурчал Конан.

Хепат, собрав достаточно хвороста, присел и незаметно потянулся за флягой.

— Без вина тут с ума сойдешь... — пробормотал он, опрокидывая в рот остатки благородной жидкости.

Томительно тянулись минуты, но ничего не происходило. Над лесом повисла тишина. Конан вложил меч в ножны и присел к костру. Итилия постояла, прислушиваясь, затем тоже села у костра.

— Похоже, что в эту ночь он просто решил нас попугать...

— И проверить боеготовность, — добавил Конан.

Когда восток окрасился бледно-розовым светом, раздался мерный храп Хепата. Гном уснул, сжимая в руке кинжал. Конан поворотил потухающий костер. И в этот момент из леса вышли два огромных пещерных медведя. Недовольно ворча, они вразвалку двинулись к костру.

Конан и Итилия вновь стояли плечом к плечу, направив оружие на приближающихся животных. Хепат занял позицию позади. Ветерок донес запах падали.

— О боги! — простонала женщина. — Это мертвые звери. Зомби.

Приглядевшись, Конан увидел, что в глазницах ближайшего медведя копошатся белые черви. Со сварливым ворчанием звери подходили к костру, распространяя невыносимый запах.

— Их нужно убивать по одному! — крикнул Конан и одним длинным, скользящим прыжком преодолел расстояние до «своего» медведя. Зверь заревел и вытянул мощные лапы, увенчанные огромными кривыми когтями.

Двумя быстрыми взмахами меча Конан обрушил обе лапы и отскочил в сторону, когда зверь попытался накрыть его гниющей тушей. Следующий удар меча отдешил голову медведя от туловища, и из среза вместо крови полезли черви.

Итилия также сумела обрубить лапу «своему» медведю, но дальше ей пришлось перебегать с места на место, уворачиваясь от мертвый туши. Медведь-зомби, издавая низкое рычание, гонялся

за ней на трех лапах. Хепат с кинжалом ничем не мог помочь женщине. Итилия пыталась извернуться и направить удар сабли в шею зверя, однако медведь преследовал ее по пятам и уже поймал зубами край плаща, когда Конан обрушил мощный удар меча ему на спину. С разрубленным хребтом зверь упал, судорожно перебирая лапами.

Первый медведь также шевелился. Очевидно, убить медведей-зомби невозможно. Пришлось довольствоваться тем, что эти горы гниющей плоды не могли причинить вред. Спутники быстро собирались и вскочили в седло.

* * *

Следующий день ехали распадками, густо по其次是ми лесом. Вековые деревья, мрачно раскинув над людьми темные лапы, казалось, хотели подмять, раздавить непрошенных пришельцев. Ватная тишина не нарушалась даже стуком копыт, настолько мягкой была хвойная подстилка. Взошло солнце, и вязкая духоте наполнила лес. Косые лучи с трудом пробивались сквозь темный лапник, но те, что пробились, наполняли лес испарениями и духотой. После бессонной ночи клонило ко сну. Гном давно клевал носом. Даже Конан крепился из последних сил.

— Мы должны найти безопасное место и спать, иначе он нас победит... — Итилия уронила голову на грудь.

— Проклятье! — сквозь зубы воскликнул Ко-

нан. — Проснитесь во имя всех богов! Колдун идет за нами по пятам!

— Что?! — встрепенулся Хепат. — Где? Я ничего не слышу!

И через секунду вновь раздался его храп. Конан с силой потер лицо ладонями. Огляделся. Справа громоздились скалы, и среди валунов темнел вход в пещеру.

— Может быть, именно туда он нас и ведет, но ничего другого не остается...

Спешившись, он взял узелки, выпавшие из бессильных пальцев спутников и, шатаясь, повел в поводу коней и верблюда, тоже ставших вялыми и сонными. Пещера, ухмыляясь, раскрыла темную пасть. Конан, не раздумывая, шагнул в полуумрак.

Под нависшими сводами застыла тяжелая душота. Пот заливал глаза. Пещера была метров десять в длину и около пяти в ширину, и, судя по застоявшемуся воздуху, имела один вход. Нападения сзади можно было не опасаться. Конан понял, что основным противником будет напускаемая чарами колдуна сонливость.

Несколько минут спустя лошади и верблюдов стояли в дальнем конце пещеры, а женщина и гном мирно спали на расстеленном одеяле. Еще через полчаса северянин понял, что противиться волшебным чарам невозможно. Голова его склонилась на грудь, меч выпал из рук...

* * *

Очнулся Конан оттого, что стал задыхаться. Рванувшись, почувствовал острую боль в запястьях. Руки и ноги были надежно прикрученны сыромятными ремнями. В горло врезалась тонкая веревка.

Придя в себя, Конан осмотрелся. Он находился в большой задымленной пещере, освещаемой множеством факелов. Где-то вдали светлое пятно указывало на выход, которым теперь вряд ли суждено воспользоваться. Его надежно привязали к корявшему дереву, давно высохшему и невесть как выросшему когда-то в темной пещере. Неподалеку — к раскрашенному, резному столбу, очевидно служащему культовым целям, была привязана обнаженная Итилия. Вокруг, гикая и потрясая длинными волосатыми лапами, плясали голые дикари.

Оскаленные морды, клочья пены на губах, говорили о том, что пляска довела их почти до исступления. Они кружились, выкрикивая бессвязные слова, постепенно сужая круг и не сводя горящих злобой и похотью глаз с пленницы.

Хепата нигде не было. Очевидно, колдун просто не видел смысла продлевать жизнь гному. А вот, Конану — похитителю кости Уробаха, и Итилии — женщине-воину, предавшей его, колдун жизнь пока оставил... Несомненно, для того, чтобы предать их медленной, мучительной смерти.

— Здравствуй, герой, — раздался притворно-ласковый голос.

С трудом повернув голову, Конан встретился взглядом с горящими глазами колдуна.

Актион был высокий и по-своему красивый мужчина, лет сорока. Темные вьющиеся волосы тронуты сединой, борода завита мелкими кольцами. Конан заметил, что одет он в богатый, расшитый золотом халат — скорее всего, в тот самый, в котором ему когда-то пришлось спешно покинуть свой дом. Значит, он скитаются с тех самых пор...

— Как я рад, Конан, что ты попал мне в руки, — ласково продолжал колдун. — Ты лишил меня дома... вся знать обрушилась на меня, как только я лишился кости... Они хотели меня казнить... Жалкие людишки...

Актион ласково погладил Конана по залитой потом щеке. Затем, резко приблизившись, пронзительно глянул в синие глаза киммерийца и застыл на долгий миг, пытаясь, казалось, вытянуть из привязанного к дереву северянина самую душу. Действительно у Конана возникло ощущение стремительного падения с горной кручи. Он напряг волю и вновь увидел перед собой лицо колдуна, на сей раз искаженное злобой.

— Ты сильный воин, — нехотя признал Актион, — другой сейчас бы уже был в припадке безумия.

— Что ж, теперь посмотрим, какова сила этой женщины, — и колдун неспешным шагом подошел к Итилии. Дикари почтительно склонились и, пятясь, отошли на несколько шагов, не сводя, однако с обнаженной женщины похотливых глаз.

Долго Акион молчал, как показалось Конану, с сожалением смотрел на одну из своих бывших возлюбленных. Затем вдруг дернулся и застыл в странной, неестественной позе. Казалось, он хочет бежать и не может сделать ни одного шага. Итилия с ужасом смотрела куда-то вверх. Из-под самых сводов пещеры, где висела плотная темнота, медленно опускалась серая, клубящаяся туча. К ней потянулся дым факелов. Туча впитала его, уплотнилась и увеличилась в размерах.

— Уробах! — завопил колдун. — Я твой слуга! Но оставь ее мне! Оставь, и я обязуюсь вечно...

— Она моя, — пришел монотонный, без интонаций голос.

Туча клубилась, выбрасывая в стороны дымные отростки. Затем, медленно снижаясь, поплыла к Акиону и привязанной женщине.

Итилия пронзительно вскрикнула. Колдун все еще не мог сдвинуться с места и только отчаянно жестикулировал. Туча медленно окутала их серым туманом. Секунду спустя Конан увидел упавшего на одно колено Акиона. Обрывки веревок лежали на земле у подножья пустого ритуального столба.

— Куда он унес ее?! Отвечай, отродье!

Акион, шатаясь, поднялся на ноги. Взгляд его был затуманен, пот обильно орошал лицо. Подойдя к Конану, он устало сказал:

— Демон вышел из-под моей власти... Все это благодаря тебе, похититель. Но мы еще можем вернуть то, что нам принадлежит...

— О чём ты болтаешь, во имя Крома?!

— Ты ведь хочешь вернуть женщину? — продолжил колдун. — А я хочу вернуть кость. Мы можем стать союзниками.

— Да избавят меня боги от такого союзника! — воскликнул Конан и в то же время почувствовал, что чей-то нож разрезает его веревки. Хепат! Это мог быть только гном, незаметно подкравшийся в полутьме.

— Не горячись, герой, — насмешливо продолжал между тем колдун, — демон унес женщину в нижние пределы, а туда ты без меня не попадешь. Только с моей помощью. А мне понадобится твой острый меч, ибо в пути будет с кем сразиться.

В этот момент Конан схватил Акиона за горло. Хепат, выйдя из-за дерева, приставил кинжал к сердцу колдуна.

— Решайся, Конан! — продолжал Акион, будто ничего не случилось, — мы нужны друг другу. Решайся! Без меня ты не найдешь женщину.

Конан ослабил хватку.

— Что ж, станем союзниками, — он скрипнул зубами, — на время! Только на время!

— На время, — эхом повторил колдун и задумчиво посмотрел на гнома. — А я думал, что тебя давно съели, вместе с твоим верблюдом...

— Что?! — Хепат вновь схватился за кинжал. — Дикии съели моего верблюда?! Да падет на них проклятие всех богов и демонов! Это был хороший, смиренный верблюд.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — притворно покачал головой колдун, — я должен был

их накормить. Нет ничего хуже голодного дикаря. Но я рад сообщить, что ваши лошади целы и невредимы.

Акцион спокойно направился к выходу. Дикари, видимо, напуганные демоном, не показывались.

Лошади со всем снаряжением действительно стояли у входа. Неподалеку пасся прекрасный, серый в яблоках скакун, принадлежащий, очевидно, колдуна.

Конан вздохнул полной грудью и осмотрелся. Невдалеке шумела кронами небольшая роща. На небе сияло ласковое солнце. Кони были готовы к дальнему, опасному путешествию.

* * *

Двигались большей частью молча. Впереди ехал Акцион на сером жеребце, за ним — Конан, и замыкал небольшой караван мрачный Хепат, то и дело вглядываясь в спину колдуна и поглядывая фамильный кинжал. Дорога перешла в узкую тропинку, а затем и вовсе исчезла. Колдун направлял лошадь вверх по ущельям, выбирая, казалось, самые опасные места.

— Ты же сказал, что демон утащил женщину в нижние пределы... — проворчал Конан.

— Тебя смущает, что путь в нижние пределы лежит через перевал?

— Меня многое смущает, — мрачно сказал Конан.

— Скоро мы достигнем великой воронки. И

начнем трудный спуск по спирали. И через пару дней достигнем входа в нижние пределы.

— Что это за пределы такие? — подал сзади голос Хепат.

— Это, — охотно пустился в объяснения колдун, — обитель демонов среднего звена. Самые слабые живут большей частью среди людей или в горных пещерах. Средние, такие, как Уробах — он, пожалуй, сильнейший из средних, — обитают в нижних пределах. А уж самые высшие формы... Впрочем, достаточно. Не следует говорить об этом с непосвященными.

Разговор прервался. Лошади осторожно ступали по узкому карнизу. Слева — отвесная стена, справа — пропасть. Хепат, непривычный к высоте, чувствовал себя скверно. Кружилась голова, пересохло во рту. Он старался не смотреть вниз и все же, время от времени, с замыранием сердца вглядывался в разверзшуюся перед ним бездну. Он чувствовал дурноту и странное желание прыгнуть.

Туда, вниз!.. Пропасть притягивала. Звала. Она шептала ласковые слова, обещала покой и тепло. Гном привстал на стременах. Одно быстрое движение и — блаженство! Умиротворение, покой, вечное тепло. Для чего он едет куда-то? Кому теперь это надо? Женщина — прекрасная Итилия, которую он чуть не убил, а затем сам же спас от смерти — исчезла. Похищена демоном. Самым могучим, среди демонов среднего звена. Разве возможно будет отобрать ее у него?! Конан обезумел! Сражаться с демоном?! Нет,

лучше — один легкий прыжок... Он, Хепат, полетит, как птица... Он сейчас... Вот, сейчас...

— Будь ты проклят колдун! — рявкнул Конан. — Если ты еще будешь проделывать с моим другом эти свои штучки — ты поедешь дальше связанный, и с кляпом во рту!

И Хепата отпустило. С ужасом он понял, что это желание прыгнуть, обрести покой — просто колдовское наваждение. Колдун, конечно, хочет избавиться от верного друга Конана, от того, кто всегда прикрывает его спину. Будь он проклят, этот колдун!

— Конан, — вкрадчиво начал Акцион, — клянусь тебе, я...

— Не клянись, — перебил киммериец, — я почувствовал твой морок. Ты направил его на Хепата, но я тоже почувствовал! Берегись впредь!

Акцион прокашлялся.

— У тебя хорошая чувствительность, северянин, ты мог бы учиться искусству... Хочешь, я возьму тебя в ученики?

— Повторяю, — бросил Конан, — еще одна твоя штука!..

— Ясно, ясно, — поднял унизанную перстнями руку Акцион, — мы же союзники!

Наконец, маленький отряд достиг перевала. Перед ними раскинулась воронка невообразимых размеров. Довольно широкий уступ спиралью спускался по ее краям. По уступу призываю и весело сбегала тропинка. Кое-где склоны воронки густо поросли лесом. В других местах наоборот — громоздились камни. Огромные валуны затаи-

лись, притихли в ожидании непрошенных путников, дерзнувших начать спуск в места, запретные для смертных.

Дна у этой гигантской впадины, похоже, не было. Синий туман клубился далеко внизу. Конан заметил, как из тумана стала медленно подниматься не то птица, не то, летучая мышь. Приглядевшись, он понял, что поднимающееся крылатое существо имеет огромные размеры.

— Скорее! — крикнул Акцион. — Прячемся! Это дракон!

Он поднял жеребца на дыбы и поскакал под защиту искривленных, но все же довольно больших елей, росших неподалеку. Конан и Хепат не заставили себя упрашивать. Спешившись и укрывшись под еловыми лапами, путники успокаивали лошадей, чувствовавших извечного страшного врага.

Через некоторое время над перевалом показался дракон — огромное существо с телом ящерицы и крыльями летучей мыши. Мощные крылья поднимали такой ветер, что с веток сыпались засохшие иголки.

— Если хоть одна лошадь заржет, мы погибли, — прошептал Акцион, усердно поглаживая своего скакуна.

Сделав круг над воронкой, дракон размеренно замахал крыльями, устремляясь на юг.

— И куда это он? — поинтересовался Хепат

— Кто его знает, — задумчиво протянул колдун, — проголодался, наверное... Опустошит пару селений и опять уснет! Этот-то нам уже не стра-

шен. Не вернется, пока не наестся до отвала. Беда в том, что они частенько тут порхают, голодные, и не всегда есть, где спрятаться... Вот тут-то и пригодится нам меч Конана!

— Огненный факел у них большой? — мрачно спросил Конан.

— По-разному. Если пища хорошо разложилась — воспламенится и полыхнет так, что и моргнуть не успеешь, как превратишься в головешку. А бывает, что съедят не то, или вообще полуголодные залягут — тогда и факел слабый, мясо не поджаришь...

— Можно подумать, что ты только и делал, что жарил мясо на драконьем пламени, — пробурчал Хепат.

— И такое бывало, — спокойно сказал колдун. И, помолчав, добавил:

— Был у меня ручной дракончик. Не в этих краях... Далеко... — Он вздохнул. — Ну что ж, пора спускаться!

И тронув пятками жеребца, он направил его к воронке.

Спуск был едва заметен. Тропинка радостно петляла меж валунов и деревьев. Солнце просвещивало сквозь зеленые лапы елей, покрывая дорогу веселыми пятнами. И Хепату стало казаться, что они — три друга — едут куда-то по нужному делу, всем довольные, готовые в любой момент поддержать друг друга. И Акион — какой хороший человек, нужно будет обязательно к нему поступить в ученики! И учится, причащаться его великой мудрости, усваивать, впитывать его

знания, которыми он, может быть, соизволит поделиться...

Конан недовольно заворчал, и Хепат понял, где находится источник его умиротворенных мыслей.

— Эй, колдун, — крикнул он, — я теперь не поддаюсь мороку! Не пытайся!

— Это не морок, — сказал Акион, — просто нам предстоит проделать длинный и опасный путь, и я хотел, чтобы мы лучше понимали друг друга.

— Мы тебя и так хорошо понимаем, — проворчал Конан.

Тропинка стала спускаться уступами. В некоторых местах лошадям приходилось прыгать, отчего Хепат всякий раз едва не вылетал из седла.

— Сейчас начнутся пещеры, — предупредил Акион, — в них лучше не заглядывать, и вообще проехать, как можно быстрее.

— А что там, в этих пещерах? — спросил Хепат голосом, ставшим почему-то очень тонким.

— Это обиталища монстров, — коротко бросил колдун, — большинство из них спит, но могут и проснуться, услышав стук копыт.

Пещеры начались после того, как проехали небольшую рощицу коряевых, колючих растений. Спутники спустились достаточно низко, чтобы не видеть ничего, кроме стены слева и пропасти справа.

По счастью, уступ был довольно широкий, и пока не было опасности, что кони, испугавшись, сорвутся в пропасть.

— Придерживайте лошадей, — предупредил колдун.

Лошадь Конана взвилась на дыбы, когда из первой пещеры на нее пахнуло смрадом. Это была густая, мерзкая, тягучая вонь. Она обволакивала, душила, заставляла желудок судорожно сокращаться. Хепата вырвало. Конан и Акион крепились из последних сил. Но подул ветерок, и мерзкий запах отнесло в сторону.

— Тут всегда будут такие запахи? — отдушавшись, спросил Конан.

— Нет, не все чудовища столь вонючи, — усмехнулся колдун, — другие не имеют запаха, но имеют когти и клыки.

И тут же, прищурившись, добавил:

— Вот вам и пример.

Из следующей пещеры выползала хвостатая тварь, высотой с коня, но гораздо длиннее. Чешуйчатый хвост ее был усеян длинными шипами. Кривые ноги оканчивались внушительными когтями, а с раздвоенного языка капала черная слюна.

— Плюющийся дракончик, — спокойно прокомментировал Акион. — Дайте коням волю и они сами увернутся от его ядовитых плевков.

Тварь остановилась на тропинке и, казалось, с любопытством разглядывала пришельцев. Поворачивая голову, как собака, пытающаяся разглядеть нечто для себя новое, она внезапно открыла пасть и выпустила черный комок, величиной с человеческую голову. Лошади, как по команде, прыгнули в разные стороны. Хепат с трудом за-

цепился за гриву и висел, кособочась и проклиная все на свете.

Дракончик не был страшным. Просто здорово плевался. Еще один заряд ядовитой слизи ему удалось выпустить, но кони вновь увернулись и вынесли седоков к следующей пещере. Дракончик их не преследовал. Очевидно, здесь господствовал порядок, и каждая тварь знала отведенное ей место.

Из следующей пещеры показалась прекрасная обнаженная женщина.

— Итилия! — воскликнул пораженный Конан.

— Это иллюзия, — предупредил колдун. — Ящерица аморика, она может откопать в ваших головах дорогой образ и воссоздать его.

Акион воздел руки, и Итилия исчезла. Вместо нее рядом с пещерой стояла на двух ногах отвратительная сморщенная тварь и протягивала в немой мольбе чешуйчатые лапки.

— Насколько эти твари разумны? — спросил Конан

— По-разному... — Акион задумался, — но в основном неразумны. До людей или демонов им далеко. Хотя некоторые обладают разумом, и вы в этом, возможно, убедитесь.

Тропинка вновь стала пологой. Широкий уступ страшной воронки опускался почти незаметно. Здесь было царство пещерных тварей.

Несколько входов в пещеры спутники проехали без приключений. Видимо, твари, населяющие их, спали.

Около некоторых пещер белели человеческие

кости. У других были навалены солидные кучи экскрементов.

— Они, что, все пытаются путниками, которые сдуру решили спуститься в преисподнюю? — спросил Хепат. — Тут — оживленная проезжая дорога!?

— Оживленная или нет, — охотно отвечал Актион, — но если бы здесь не отлавливали колдунов, а точнее учеников колдунов, то давно весь мир был бы заполнен ими. Только у меня училось около пятидесяти человек. Вы не представляете, сколько людей хотят научиться колдовству! Почти все мои ученики погибли на этом спуске — не выдержали обязательного испытания — путешествия в нижние пределы.

— Но кто-то остался? — Конан глянул на довольноую физиономию Актиона.

— Да, испытание прошел мой лучший ученик — Эскиламп. Только он один.

Следующая пещера преподнесла неприятный сюрприз. У входа путников поджидала огромная, раздутая, как жаба, тварь. Величиной с небольшой дом, зеленая и покрытая слизью она действительно чем-то напоминала жабу. Такая же бородавчатая пасть, вывернутые передние лапы и выпуклые, бессмысленные глаза.

— Тут только мечом, — напряженно сказал колдун, — и лучше спешившись: конь может испугаться.

Конан молча соскользнул с лошади и обнажил меч.

— Постарайся сразу попасть ей под челюсть, —

вдогонку крикнул колдун, — там самое уязвимое место.

Жаба переступала кривыми лапами, открывала и закрывала пасть, совсем неожиданно усеянную острыми и длинными зубами.

Конан мягким, упругим шагом подошел к чудовищу. Неожиданно жаба выстрельнула огромным, толщиной с человека языком. Конан успел увернуться и попытался попасть по языку мечом. Однако жаба с таким проворством втянула свое оружие, что меч бесполезно чиркнул по камням.

— Пока ничья, — прокомментировал колдун.

— Как ему помочь? — Хепат достал кинжал и приготовился слезть с лошади.

— Ты ему не поможешь, глупый гном, — рявкнул Актион, — только навредишь!

Конан, между тем, уже дважды уворачивался от языка, пытаясь разрубить его мечом.

— Берегись ее передних лап, — крикнул колдун, — они могут удлиняться!

И словно в подтверждение этих слов, жаба развернула вдруг короткие передние лапы в длинные крючья и загребла Конана, как косой. Хепат что-то заорал и спрыгнул с коня. Актион также достал кинжал и ждал удобного момента для броска.

Разрывая кольчугу, Конан вывернулся и обрушил удар меча на один из крючьев. Брызнула зеленая жидкость.

Язык жабы, метнувшись, обхватил человека за ногу, но Конан уже рубил мечом направо и налево.

во, и ничто теперь уже не могло остановить его удары.

Акцион спрятал кинжал. Хепат подбежал к месту схватки, но помочь действительно не мог. Последним ударом Конан вонзил меч в глотку чудовища.

По огромному, раздутому телу прошли конвульсии, и тварь, дернувшись в последний раз, испустила дух.

Дальше произошло странное: разрывая ее толстое брюхо, вся в слизи, появилась другая тварь, поменьше, и быстрыми прыжками ускакала в пещеру.

— Смена готова, — спокойно сказал Акцион. — Она пожрет останки своей матери, подрастет и займет ее место.

Хепат с отвращением сплюнул. Конан молча оттирал травой зеленую жидкость, обильно покрывшую его доспех.

— А как тут справляются ученики колдунов? — наконец спросил он, мрачно глянув на Актиона.

— Многие погибают, я же говорил... Эту тварь можно победить только мечом или саблей. Но те, кто учится колдовству, редко хорошо владеют оружием...

— Поэтому ты взял меня?

— Конечно, я же говорил, что мы нужны друг другу.

Конан вскочил в седло. Тропинка, постепенно понижаясь, повела путников к дальнейшим испытаниям.

— Осторожно! — вдруг крикнул колдун. — Еще один дракон поднимается!

Из бездны кругами поднималась огромная крылатая тварь. Кожистые крылья работали мерию и мощно, выталкивая чешуйчатое тело из глубины воронки. Огромная, как самая большая винная бочка, голова непрерывно поворачивалась, осматривая окрестности. Казалось, дракон был не против подзакусить, не ожидая, пока на пути попадется деревня-другая. Из полуоткрытой пасти тянуло дымом. Огня пока не было. Конан огляделся. Укрыться было негде.

— Скорее! — крикнул Акцион. — В пещеру!

Он дал шпоры жеребцу, и мгновение спустя, пригнув голову, исчез в просторной пещере, даже не узнав, кто в ней обитает.

— Видать, тут дело серьезное, — проворчал Хепат и направился следом. Конан въехал в пещеру последним. Мгновение спустя на месте, где он стоял, полыхнуло огнем. Факел у дракона явно был в порядке.

— Теперь он сделает несколько кругов на этой высоте и попытается нас выкурить, — Акцион спешился и осторожно веля жеребца в поводу, направился вглубь пещеры.

— А кто тут живет-то? — шепотом спросил Хепат.

— Не бойтесь, хозяин спит. Посмотрите на эту тушу.

Колдун указал на черную массу, лежащую бесформенной глыбой в дальнем конце пещеры.

Конан подошел с обнаженным мечом.

— Он не проснется? Может, лучше его прикончить?

— В этом нет необходимости, — Акион спокойно инул тушу. Раздался мягкий, глуховатый звук.

— Он недавно нажрался от души. Видели кости у пещеры?

— Но там не человеческие кости, — сказал Конан, — кого они еще пожирают?

— Да всех, кто проходит мимо! — рассмеялся колдун.

В этот момент пещера осветилась. Донесся запах гаря и дыма. Послышались потрескивания горящих кустов. Дракон пошел на третий круг.

— Сделает еще пару кругов и улетит, — равнодушно сказал Акион. — У нас есть время перекусить...

— У меня что-то аппетит пропал, — пожаловался Хепат.

— А у меня всегда хороший. — Конан стал распаковывать седельные сумки.

* * *

— Мы спустились примерно на одну треть, — сказал Акион, когда дракон улетел искать более легкую добычу, — первый ряд пещер кончился, но дальше будут другие, и самое скверное, что нам придется проходить сквозь них, потому что тропинки над обрывом там не будет.

Конан и Хепат промолчали, пережевывая жесткое сущеное мясо.

— В тех пещерах нам особенно понадобится твоя сила, Конан, — продолжал колдун, — на тебя вся наша надежда!

— А твое искусство? — спросил Хепат. — От него пока вообще не было толку!

— А мое искусство... оно понадобится позже, когда мы достигнем нижних пределов мира.

Спутники осторожно выехали из пещеры. Тропинка сбегала вниз, к синеве, клубящемуся туману. Конан посмотрел наверх. Действительно, спустились они достаточно глубоко — казалось, что он смотрит со дна огромного, глубокого колодца. И впереди был еще более трудный путь. Путь ведущий... куда? В преисподнюю? Нижние пределы... Обиталище демонов... Имеинно там нужно искать Итилию... Конан невольно подумал, правильно ли он поступил, отправившись с колдуном в пекло? Итилия... Он ее едва знал... Ради нее он рискует жизнью? Своей и Хепата. Нет, конечно, не только ради Итилии... Нужно не дать Акиону завладеть костью демона Уробаха. Но пока он помогает колдуну вновь добить эту проклятую кость. И как только Акион достигнет цели, он попытается убить Конана. Это ясно. А поскольку колдун умен и понимает, что Конан будет настороже, то постарается убить его чуть раньше. Когда будет уверен, что и сам добудет кость.

— Сейчас безопасный участок пути, Конан, — крикнул Акион, — самое время поразмыслять, не так ли?

Тропинка стала едва заметной. Трава, блеская

и пожухлая, почти скрывала ее от глаз путников. Стали попадаться валуны, затем огромные камни. Скоро путники ехали по ущелью. С обеих сторон нависали каменные глыбы, которые, казалось, могут сорваться от легкого дуновения ветерка.

Даже Акион притих и осторожно направлял жеребца меж валунов, опасаясь задеть хотя бы один, чтобы не вызвать обвал.

Но скоро путники выехали на открытое место. Каменные завалы остались позади, и Акион вновь повеселел.

— Скоро нам предстоит углубиться в лабиринты пещер, — он засмеялся радостным смехом. — Конан приготовь меч!

— Непонятно, с чего ты так веселишься, — проворчал киммериец, проверяя, легко ли выходит меч из ножен.

— Я просто веселый человек! А тебе та женщина рассказывала обо мне разные ужасы? Да она сама...

— Помолчи, колдун, — мрачно бросил Конан, — лучше вовремя предупреждай об опасностях.

Акион остановился, поджидая спутников. Тропинка впереди скрывалась в расщелине скалы. Уступ, по которому они ехали, исчезал. Скалы обрывались в пропасть.

— Вот теперь наш путь в недра горы, — Акион на сей раз был серьезен, — там обитают более разумные твари. Они умеют охотиться, высаживать. И, хотя бывало, что тут проезжали, не

встретив ни одного чудовища, нужно быть крайне осторожным.

— А бывало и по-другому? — уточнил Хепат

— Конечно. Однажды пропал целый отряд учеников, человек двадцать. Они думали, что численность даст им преимущества...

— Как там со светом, — Конан глянул в бездонную пасть пещеры, — факелы нужны?

— Нет, там много растений пухо, — сказал Акион, — и хотя бывают полностью темные пещеры, с факелами возиться не стоит.

— А кони там везде пройдут? — обеспокоился Хепат.

Ему хотелось еще постоять, поразмыслить, поговорить, в конце концов, о возможных опасностях. Нельзя же сразу, вот так, соваться в недра горы, кишащие более разумными тварями! Более разумными! Умеющими — виши, как оно — преследовать! Тут нужно не спеша обмозговать, сделать привал...

— Кони пройдут, — отозвался Акион, — там такие просторы... сами увидите.

После яркого дневного света пещера казалась черной, как ночь. Но постепенно глаза путников привыкли и стали различать вначале светящиеся пятна пухо, затем стены и своды пещер. Стук копыт гулким эхом несся за всадниками. Говорили мало. Даже Акион предпочитал двигаться в молчании, зорко глядываясь в полумрак тоннелей и переходов.

Конан заметил, что колдун старается держаться тех ходов, которые ведут направо — бли-

же к воронке, подальше от недр горы, которую, казалось, некий огромный червь источил извилистыми ходами.

— Где-то здесь нам придется заночевать, — сказал, наконец, Акцион, — дальше будет труда не устроиться на ночлег...

— А тут безопасно? — Хепат негромко откашлялся.

— В этой части обитают, в основном, бесплотные духи. Они могут, конечно, доставлять неудобства, но это все же лучше, чем иметь дело с теми, другими...

Конан осмотрелся. Они находились в довольно большой пещере, своды которой украшали разной величины сталактиты. Где-то журчала вода. В стене пещеры виднелась небольшая полость, где можно было укрыться вместе с лошадьми.

— Жаль, лошади останутся некормлеными. — Конан спешился и направился к месту ночевки.

Пещерка была уютной, как комната в хорошем доме.

— Конан, не спеши... — Акцион, задумчиво поджал губы. — Я думаю, что ночевать лучше в большой пещере...

— И оставаться открытыми со всех сторон?! Нет уж, я привык иметь крепкий тыл!

Колдун пожевал губами, будто пробуя на вкус неизвестное вино.

— Может, ты и прав... Но я, пожалуй, заночую здесь, где стою... Мне что-то в этой уютной пещерке не нравится...

— Как хочешь, — проворчал Конан, расстилая одеяла, — посмотрим, что ты скажешь утром!

— Если он вообще что-нибудь скажет, — добавил Хепат и стал укладываться. Конан лег, как всегда положив обнаженный меч у правой руки.

Ласковая теплота разливалась по телу. Расслабляла уставшие мышцы. Руки и ноги наливались приятной тяжестью. Мерное журчание воды убаюкивало. Голову овевал почти незаметный, легкий ветерок. Дышалось легко и свободно, несмотря на доспех, который Конан не рискнул снять на ночь. Приятная дремота заботливо, как мать, накрывала нежным теплым одеялом. Конан вздохнул и с улыбкой погрузился в сон.

Хепату не спалось. Камни впивались в спину — если он лежал на спине, а когда поворачивался на бок — в ребра. Они, казалось, специально подкатывались к самым чувствительным местам и поворачивались острыми углами.

— Странное дело, — бормотал Хепат, — гном не может уснуть на камнях в пещере! Да мне где только не приходилось...

Снаружи донесся какой-то звук. Что-то чужеродное вклинилось в тишину и ласковое журчание воды. Может, это колдуну там не спится? Да нет, Акцион давно улегся — Хепат ясно слышал, как он укладывался, а затем тоненько захрапел. Этот храп тоже мешал гному заснуть, но к нему он уже привык, а вот звук... Что это было? Что-то будто проскрежетало по камню...

Хепат открыл рот и прислушался. Все тихо. Вероятно, показалось, послышалось... Почуди-

лось, померещилось... Блазнится, словом... Всякая чепуха в голову лезет... Тихо. Никаких посторонних звуков.

Только тонкий храп Актиона, спокойное дыхание Конана, журчание воды... Вот! Гном подпрыгнул. Царапание когтей! Чей-то тяжкий вздох. В пещере потемнело. Почему? Кто-то хочет подкрадаться в темноте? Кто-то вооруженный острыми когтями? И почему он так тяжко вздыхает? Вот еще вздох! Мука, страдание слышались в этих вздохах проклятого существа. А кто же еще здесь может бродить, подумал Хепат, только чья-то проклятая душа, обреченная на вечные муки... Хотя, нет, почему душа? Тут же еще и когти... Душа с когтями...

Неожиданно мысли спутались, и Хепат почувствовал, что засыпает. Нельзя! Нельзя теперь спать! Теперь, когда кто-то подкрадывается в темноте... Темнота! Она совсем сгустилась, будто задули все факелы в зале. Почему так темно? Или я уже сплю? Или я уже попал в другое место, в зал, где кто-то погасил факелы? Кто это там стоит?! Кто прячется в темноте? Какой-то сгусток этой самой темноты, воплощение самых ужасных страхов... Кто тут? Зачем, зачем ты привел меня сюда? В этот зал мертвцев, где не находят покоя души грешников... Да, я грешен... Да, я когда-то струсил и оставил братьев погибать в битве, а сам сбежал... Братья? Это вы, мертвые, пришли меня наказать? О, как страшен ваш вид! Почему вы так смотрите на меня пустыми глазницами? Почему кровь все еще течет из ваших

ран? А ваша гниющая плоть так тошнотворно воняет... Я могу задохнуться! Не окружайте меня, вы же мертвые... Ваши тела давно съели черви... О, да — они так и сыплются с вас, братья... И попадают на меня! Не надо, не надо осыпать меня белыми червями! Не надо протягивать костяные руки, на которых еще осталась гниющая плоть... Не хватайте меня... Не душите... Я и так наказываю себя каждую ночь... Каждую ночь мне сниться... Я вновь и вновь бросаю вас погибать, а сам убегаю... убегаю... убегаю. Не гонитесь за мной, братья! Вы же мертвцы! Вы должны отдыхать в чертогах для павших воинов... веселиться... Это и есть чертоги павших? Нет, тут ужасно, ужасно. Гниющие мертвцы обступают меня... Отпустите меня братья... Отпустите... я больше не убегал в битвах... Я теперь всегда прикрываю спину Конана...

С криком Хепат проснулся и вытаращенными глазами долго смотрел на пятно растений пуга на своде пещеры. Имя Конана помогло ему преодолеть кошмар.

Но как же когти? Тяжкие вздохи? Сон? Все это сон? И его мертвые братья? Гном почувствовал знобящий холод. Братья! Они не простили его... Но где же Конан?! Хепат дико оглянулся. Друга в пещере не было.

* * *

Едва Конан смежил веки, как его охватило чувство необычайной легкости. Казалось, что он,

подобно птице, парит в безоблачном синем небе. Такое приятное, бесплотное парение в небесах! Такой легкий ветерок, несущий в родные дали, в горную Киммерию и дальше... Дальше! Туда, где нет ни страданий, ни кровавых воин, ни злых колдунов, ни страшных чудовищ...

На высокой горе, среди вечно сверкающих снегов, среди голубых ледников возвышается прекрасный замок... Огромные залы... Стены увешаны великолепным оружием и украшены яркими, необычными фресками. Лучи света косо пронзают великолепный зал и освещают трон, сверкающий драгоценными каменьями. Что за женщина восседает на троне? Итилия? Нет... хотя чем-то похожа. Эта женщина не из плоти и крови — из воздуха. Она прекрасна и бесплотна, как дивное видение. Она ласково улыбается, и от ее улыбки хочется петь и смеяться.

Конан смотрит на нее, и его огрубелая в сражениях душа наполняется неизведанным ранее счастьем. Рядом с этой женщиной, сотканной из воздуха и солнечного света, невозможно не испытать великого, всепоглощающего, недостижимого для простого смертного, счастья.

* * *

Утром, заглянув в пещеру, Акион обнаружил Конана, спящего с блаженной улыбкой на устах, и Хепата, который метался по пещере с безумными глазами.

— Хепат, друг мой, — насмешливо протянул

колдун, — я же не зря советовал не спать в этой пещере. Я подозревал, что здесь могут спросить за грехи... И только тот, у кого душа чиста... — он замолчал и невольно взглянул на Конана.

Хепат, окончательно пробудившись, обнаружил друга спящим на месте и успокоился, отдуваясь и утирая пот со лба.

— Что это было? — пробормотал он тихо. — Что?

— Бесплотным существам, обитающим, как я понял, в этой небольшой пещере ты не понравился, друг мой. Точнее, не понравилась твоя отягченная грехами душа. Вот так-то, мой маленький друг.

— Я не друг тебе, колдун! — взвыл Хепат голосом настущей свирели.

Конан проснулся и, с удовольствием потянувшись, сел, удивленно глядя на гнома.

— Нашему маленькому другу снятся кошмары, — пояснил Акион. — Воздействие духов пещеры...

— Кошмары? — удивился Конан. — А мне снилось что-то очень хорошее...

Колдун с неудовольствием посмотрел на счастливое лицо северянина, молча повернулся и пошел готовить жеребца к дальнейшему путешествию.

Хепат удрученно признался:

— Мне снились братья... они не могут простить...

Конан грубо приподнял гнома за ворот и слегка встряхнул.

— Все мы делаем ошибки. Важно, что ты понял... Братья простят, дай срок... А теперь — взбодрись, если не хочешь попасть к братьям раньше времени!

Короткое время спустя три всадника пустились в дальнейший путь. Акцион вел их, почти не раздумывая. Чувствовалось, что он хорошо знал дорогу.

— Эй, колдун, — крикнул Конан, — ты часто проезжал этим путем?

— Приходилось... — сдержанно ответил Акцион.

— А что ты искал там, в нижних пределах?

— Силу, мощь, мудрость. Все, что требуется хорошему колдуна.

— Нашел?

— Кое-что нашел... Кое-чему научился...

Очередная пещера встретила путешественников негромким, протяжным гулом. Казалось, ветер неустанно воет на одной, басовой ноте.

— Здесь идет непрерывный обмен сущностями — прошептал колдун, — нам нельзя тут находиться! Скорее! — И он, пришпорив коня, в несколько прыжков миновал пещеру.

Хепат, скакавший последним, почувствовал, как чьи-то длинные бесплотные руки цепко ухватили его за шею. Перед глазами замелькали оскаленные, клыкастые пасти. Дыхание перехватило. Гном захрипел и из последних сил ударил коня пятками, понукая быстрее покинуть опасный участок.

Догнав спутников и с трудом переведя дух, он

потянулся было за флягой, но с неудовольствием вспомнил, что вина в ней давно не осталось.

Конан и колдун стояли бок о бок, с трудом удерживая коней.

— Я думал, что нам удастся преодолеть этот участок почти без приключений, — растерянно говорил Акцион, глядя на шипастую тварь, загораживающую тоннель огромным слизистым телом. — Не удалось... Придется сражаться.

Чудовище не двигалось. Казалось, ему достаточно просто перегородить проход.

— Она тут — что? Страж? — спросил Конан, разглядывая отвратительное существо. Множество щупалец извивались среди длинных шипов, и множество клешней шевелилось между щупальцами. И поблескивали то тут, то там, маленькие, злобные глазки. В целом тварь была почти круглой и величиной с хороший амбар.

— Да, вроде сторожа, — прокашлялся Акцион. — Такие мне еще не попадались... Не знаю, что и делать... Подойти к ней на удар меча невозможно.

— Но ты можешь, демон тебя побери, что-то сделать своим колдовством?! — рявкнул Конан. — Своей силой, мощью и мудростью, которые ты находил, говоришь, в нижних пределах?!

— Да... я попробую... может, она станет не такой проворной... Я попытаюсь ее усыпить.

Акцион опустил голову и сосредоточился. Через некоторое время щупальца твари стали обвисать. Но клешни продолжали шевелиться. Акцион стиснул руки и замер комком судорожных

мышь. Со страхом заметил Хепат, что из ноздрей колдуна стал подниматься дым.

Тварь защелкала клешнями, но затем обмякла. Туша ее бессильно обвисла, как бы расплылась, стала ниже. Щупальца и клешни безвольно висели, только некоторые глазки еще злобно поблескивали, глядя на непрошенных гостей.

— Конан, — прошептал Акион и покачнулся, — пора... Попробуй добраться до ее мозга... — Из последних сил колдун ухватился за гриву коня и медленно сполз на землю.

Конан спешился, обнажил меч и двинулся к задремавшему чудовищу. Подойдя на удар, он взмахнул мечом и точным, хорошо рассчитанным ударом раскроил тушу, с той же легкостью, с какой лакомка разрезает апельсин. Щупальца и клешни вмиг вскинулись, но Конан уже отпрыгнул на безопасное расстояние. Чудовище издавало клокочущие звуки и вслепую шарило удлинившимися щупальцами. Черная клейкая жидкость густым киселем вытекала из развернувшегося брюха. Постепенно тварь стала затихать, так и не сдвинувшись с места, что явно создавало дополнительное препятствие.

— Как же мы проедем? — Хепат выпученными глазами смотрел на мертвое чудовище.

— Я думаю, что оно скоро станет, как пустой мешок для вина. — Конан вытер и вложил в ножны меч. — Мы проедем по нему, как по брошенной шкуре!

— А как быть с ним?.. — Хепат указал на потерявшего сознание колдуна.

— Придется привязать его к лошади. Он нам еще не раз понадобится...

— И мы ему тоже... — добавил гном. — Вопрос в том, когда нужно будет прекращать перемирие...

— Да, нам нужно быть начеку, — тихо сказал Конан.

Пока привязывали колдуна, тварь действительно стала плоской, будто огромный пустой мешок из-под вина. Кони с опаской прошли по ее шкуре, и копыта их издавали противное чавканье.

С радостью выехал Конан на солнечный свет. Широкий уступ вновь появился у стены. Еле заметная тропинка все так же весело петляла между валунов и искореженных сосен. Туман, клубящийся внизу, заметно приблизился. Однако лучи солнца пока еще доставали до уступа, по которому путникам предстояло спускаться дальше.

Акион стал приходить в себя. Издав тихий стон, он попросил развязать его и уложить на траву. Конан решил сделать привал, отпустить попастись коней и перекусить самим.

— Скоро мы спустимся в туман, — прошамкал набитым ртом Хепат. — Какие ужасы нас ожидают?

— Там уже не будет таких ужасов, — слабым голосом ответил Акион. — После быстрого спуска в тумане мы вступим в нижние пределы... Обитель демонов...

— И где нам искать Итилию? — спросил Конан.

— Я вам покажу... где найти Уробаха. Итилия у него. А там уж, как получится...

— А как может получиться? — не унимался Хепат.

Акцион с трудом сел, внимательно посмотрел на гнома и нехотя сказал:

— Я должен успеть добыть кость и обуздать демона. Если успею — мы победили...

— Ты победил! А мы... — задумчиво протянул Конан

— Мы победили! — настойчиво продолжал колдун. — Только так вы можете получить женщину. Только когда я обузаю Уробаха. Иначе он нас уничтожит в мгновение ока!

— Но, если ты заставишь демона служить себе, что тебе помешает тут же избавиться от нас?

— Ах, Конан, — слабо рассмеялся Акцион, — мы вместе прошли через все эти опасности... Мне понравилось твое мужество! Я готов поклясться, что не причиню вам вреда. Забирайте женщину и живите в свое удовольствие!

— А ты опять начнешь свои бесчинства в Шадизаре?

— О, Итилия, несомненно, приукрасила мои подвиги! Она меня ненавидела и уж постаралась представить чудовищем...

— А что — она была не права? — вмешался Хепат.

— И да, и нет, — рассмеялся колдун. — Нескольких конкурентов я действительно убрал — признаю... Но дело в том, что в Шадизар я не вернусь. Меня там не очень любят, и даже при поддержке Уробаха жизнь для меня там не будет сладкой. Я попробую в другом месте... Подальше

от славного Шадизара... Уробах унесет меня в Иранистан... Вы не знали, что я оттуда родом? Там я и буду править!

Акцион пришел в себя удивительно быстро. Теперь он за обе щеки уплетал вяленое мясо. Быстро взглянув в хмурое лицо Конана, он добавил:

— Пусть тебя не пугает, герой, моя власть над демоном. Каждый колдун имеет в услужении какого-нибудь демона... Не будешь же ты пытаться отнять их у всего сонмища колдунов!

— Да, пожалуй, — проворчал Конан.

— Вот видишь! — просиял Акцион. — Значит, договорились?

— Пока — считай, что договорились.

* * *

Дальнейший спуск не занял много времени. Похоже было, что испытания для колдунов-учеников кончились. Тропинка, плавно снижаясь, привела путников в клубы синего тумана.

— Будьте готовы, — крикнул Акцион, — сейчас начнется спуск!

В тот же миг сердце Конана подпрыгнуло и забилось где-то у подбородка. Он почувствовал, что стремительно падает. Хепат забрал диким голосом. Кони заржали. Акцион кричал что-то успокаивающее.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось. Туман клубился далеко наверху. Путники стояли на небольшой площадке, не больше базарной площади. Вокруг громоздились стран-

ные сооружения — не то замки, не то развалины древних дворцов. Фасады некоторых строений переливались всеми цветами радуги. Другие выглядели серыми и невзрачными. То же и двери. Были изукрашенные самоцветами огромные двустворчатые двери из литой бронзы или даже, казалось, из золота. Но были и обычные, потемневшие от времени простые деревянные двери.

Тишина изредка нарушалась звуками флейты и других музыкальных инструментов. Иногда же раздавался такой жуткий вой, что у Хепата тряслись поджилки.

— Ну, и где же нам искать нашего демона? — спросил Конан.

— Попробуйте угадать, — лукаво усмехнулся колдун.

— Раз он очень сильный демон, — начал Хепат, — то, скорее всего, он живет в одном из самых богатых домов.

Он указал на золотые двери, к которым вели мраморные ступени.

— Зачем сильному демону внешний лоск? — задумчиво сказал Конан. — Может быть, изнутри его жилище и украшено, но снаружи...

— Браво! — восхликал Акцион.

Он тронул коня и подъехал к одному из самых маленьких домов с простыми деревянными дверьми.

— Подождите здесь! — крикнул он, обернувшись. — Вы мне ничем не поможете.

И, спешившись, он спокойно вошел в жилище демона Уробаха.

Конан и Хепат также спешились и с тревогой смотрели на закрывшиеся за колдуном двери. Что за борьба шла там? Какими приемами Акцион мог заставить демона вновь подчиниться? Успеть украсть кость? Прочитать сильные заклинания?

Конан в волнении прохаживался у закрытой двери. Хепат — ни жив, ни мертв — держал уздечки трех лошадей и не сводил глаз со скромного жилища одного из самых сильных демонов нижнего предела.

Внезапно дверь распахнулась, и вышел шатающийся, но улыбающийся колдун. Подмышкой у него была зажата та самая шкатулка, хранившая бесценную кость.

— Все хорошо, — устало проговорил он, — можете пойти и забрать свою женщины.

Внезапно он разразился визгливым, истеричным смехом. Конан заметил, что позади колдуна стало формироваться дымное облако. Уробах! Прирученный демон! Как поведет себя сейчас Акцион? Будет ли верен слову? Конан в этом очень сомневался.

— Забирайте женщину! — Акцион приплясывал от смеха. — Если она захочет с вами пойти! А если и пойдет, то вы можете об этом пожалеть! А мне пора! Я оставляю вам жеребца. Выбирайтесь, как хотите! Не хватайся за меч, Конан! Я не нарушил слова! Уробах унесет меня в Иранистан. Женщина теперь принадлежит тебе. Но я не договаривался вывести вас отсюда!

Дикий, безумный смех колдуна затих вдали,

когда его накрыла серая туча. Конан и Хепат остались одни.

— Ладно, — мрачно сказал киммериец, — привяжи лошадей и посмотрим, где Итилия.

Войдя внутрь, друзья остановились пораженные величием обители демона.

Внутри это был огромный хрустальный дворец, сверкающий драгоценными каменьями. Своды терялись в необозримой высоте, стены были изукрашены фресками такой красоты, что хотелось забыть обо всем и любоваться, созерцать, впитывать это великолепие.

В целом, дворец сверкал так, что было больно глазам. В немом восхищении друзья переходили из зала в зал, из комнаты в комнату. Бесчисленные анфилады поражающих красотой залов! Такого великолепия ни Конан, ни Хепат не видели никогда...

Вскоре друзья пришли в галерею, где каждая комната сверкала каким-то одним цветом. Изумрудная комната, где стены, казалось, были сотканы из огромных изумрудов чистейшей воды, а прозрачно-зеленый потолок завораживал взгляд. Огромная золотая комната, вся изукрашенная золотыми чеканными листами, уставленная мебелью из чистого золота, где на столах стояли золотые кубки и блюда. Бриллиантовая комната, сапфировая, аметистовая...

Кружилась голова. Друзья повернули назад. Обойти все залы невозможно. Но теперь они заблудились. В восхищении глядя по сторонам, они не запоминали дорогу...

Конан и Хепат потерянно бродили по великолепным комнатам, совершенно не представляя, что делать дальше.

Опять пришли в золотую комнату. Или это была другая? Та, первая, казалось немного меньше... Конан устало сел в кресло. Хепат уселся прямо на огромный, пушистый ковер с золотым шитьем, устилавший пол.

— Мне чудится, или я действительно слышу смех? — спросил Конан.

— Смех? — Хепат открыл рот и приложил ладони к ушам.

— Кажется... кто-то смеется...

В это момент в комнату легкой походкой вбежала красивая черноглазая женщина в прозрачных развевающихся одеждах.

— Конан! — крепкими руками она обвила шею северянина. — Хепат! Как я рада, что вы пришли!

— Итилия! — Конан слегка отстранился и внимательно посмотрел на женщину. — Мы пришли за тобой, но мы не знаем, как отсюда выбраться...

— Отсюда не надо выбираться, Конан, — серебристо засмеялась Итилия, — тут надо жить, блаженствовать, радоваться! Тут нет горя! Тут свет и радость.

— Да... — Конан неосознанно почесал затылок. — Но демон... Он же может вернуться...

— Нет! Конан, нет! Уроках теперь служит Актиону и не вернется сюда, пока не освободится от службы!

— А когда он может освободиться? — встрял Хепат.

— Не раньше, чем Акцион умрет от старости! Но колдуны, Конан, живут очень долго! Весь этот дворец в нашем распоряжении!

— Я бы подзакусил слегка, — озадаченно сказал Конан, — а потом уж подумал бы...

— Нет ничего проще! — засмеялась Итилия.

Она хлопнула в ладоши, и золотой стол зашверкал от обилия яств.

— Ты тоже научишься, Конан! Нужно четко представить себе все, что ты хочешь, и оно появится! Это же жилище демона! Мы будем так счастливы, Конан!

Не долго думая, киммериец и гном, крякнув, подсели к столу. А Итилия продолжала радостно щебетать:

— Конан, мой герой, мы будем предаваться любовным утехам от зари до зари! Мы будем любить друг друга до полного изнеможения, до потери сил!

Конан чуть не поперхнулся вином, но промолчал и принялся отдавать должное мясу.

Итилия продолжала:

— Уробах часто принимал облик молодого красивого мужчины! Правда, в последнее время, у него постоянно находились какие-то дела... Мне кажется, он стал меня избегать... А так он — очень даже... Но ты, Конан!.. Ты, несомненно, лучше! Мы с тобой сольемся в вечном блаженстве.

Тут Конан заметил ошалевшие глаза Хепата и попросил женщину заказать еще мяса — жарено-

го барана со всеми возможными специями. А задно и еще пару кувшинов вина.

* * *

— Вставай, пьяничуга! — Конан с трудом растолкал Хепата. Опухшая от беспробудного пьянства физиономия гнома с безумными глазами вынырнула из-под роскошного, шитого золотом одеяла.

— Что стряслось? Демон вернулся? Куда? То есть, когда?

— Демон не вернулся и не вернется, а нам пора отсюда убираться! Хватит! — Конан мельком глянул в зеркало, обрамленное тяжелой золотой рамой. С неудовольствием в очередной раз заметил, что и его физиономия изрядно опухла от вина и постоянного недосыпания, а талия стала гораздо объемнее от неизмеримо обильной еды.

— А женщина? — спросил Хепат, разобравшись, наконец, что к чему. — Разве она захочет уйти?

— Она пусть остается и ждет демона! — рявкнул Конан. Затем добавил, уже мягче: — Уходить она не хочет, но рассказала мне, как выбраться отсюда...

— Да, надо уходить, — рассудительно сказал Хепат, — тут мы погибнем от вина и обжорства!

— Не только от этого, — пробурчал Конан. И, глянув на ухмыляющуюся физиономию гнома, добавил:

— Иди в золотой зал, закажи там припасов в

дорогу... Вина — не брать! Только родниковую воду! Я пойду седлать коней.

Лошадей Конан нашел в прекрасном саду, обсыпающими благоуханные цветы с ухоженной клумбы. Сад примыкал к дворцу и, очевидно, тоже принадлежал демону Уробаху.

Вскоре пришел гном с двумя огромными мешками.

— Провизии много не бывает, — пояснил он, с трудом подтаскивая мешки к лошадям.

Когда все было готово к отъезду, появилась Итилия в черной походной одежде и быстрыми движениями оседлала жеребца, принадлежащего когда-то Акциону.

— Я подумала, что одни вы все же заблудитесь. — Она бросила в седло гибкое тело и тронула пятками коня.

Конан пожал плечами, помог отяжелевшему гному забраться в седло, затем сел сам и только тогда сказал:

— Ну что ж, поехали с нами.

* * *

Обратная дорога представляла собой огромный колодец, непонятной силой вырубленный в толще скал.

Винтовая лестница восходила к невидимому отсюда небу. Диаметр колодца был равен длине полета стрелы.

Лошади устало поднимались по бесчисленным ступеням.

— Это путь для учеников, которые хотя и преодолели все препятствия на пути в нижние пределы, но пока не смогли стать настоящими колдунами, — пояснила Итилия.

— И что же, они ползут тут по ступенькам? — спросил Хепат, недовольный тем, что постоянно съезжал к крупу лошади.

— Да, они совершают это трудное восхождение. А заодно размышают, наверное, — она улыбнулась.

— А те, кто сумел стать колдуном? — спросил Конан.

— Те, кто прошел посвящение, могут выбрать или этот путь, или тот, которым вы пришли сюда... но они проделывают его не пешком...

Как бы в подтверждение ее слов, мимо путников со дна колодца что-то с завыванием пролетело и скрылось наверху.

— Именно так... — женщина кивнула. — Этот посвящение прошел.

Когда путники на взмыленных лошадях, наконец, выбрались на поверхность, оказалось, что они находятся в обширной пещере, своды которой терялись в темноте.

— Наверное, не один колдун разбил себе голову, вылетая из колодца, как пробка из кувшина! — захохотал Конан.

— Зря ты так думаешь, Конан, — раздался сверху спокойный голос.

Из темноты медленно, будто привязанный на невидимой веревке, к ним спустился небольшого роста человек в странном расписном халате. Ост-

рые черты его лица и цепкие глаза выдавали недюжинный ум.

— Я — Эскиламп, лучший ученик Актиона, сегодня я закончил обучение и прошел посвящение, — дружелюбно произнес человек.

— И что теперь? — пробурчал Конан.

— Теперь передо мной открыт весь мир! — радостно возвестил Эскиламп. — Я должен познакомиться с другими волшебниками. У меня много дел впереди... Не могу дождаться, когда наконец начнется настоящая, интересная жизнь...

— А что с твоим учителем, Актионом? — перебил Конан. — Когда он снова добыл эту проклятую кость, мне показалось, что он немного тронулся умом...

— В известной мере — да! Он не сумел полностью подчинить себе Уробаха... у них сейчас как бы взаимное проникновение... В любом случае, в этих краях они покажутся не скоро.

— Откуда такая уверенность? — Итилия смотрела на новоиспеченного колдуна подозрительно и дерзко.

— Я связан с учителем неразрывными нитями, о прекрасная Итилия, — ответствовал Эскиламп, — и я немного вижу будущее. Актион найдет свою смерть в далеком Иранистане через пятьдесят восемь лет. Это печально...

— Ладно, как-нибудь переживем... — Конан направил коня к выходу из пещеры.

— Счастливого пути, Конан! — крикнул вслед колдун. — Мы с тобой еще не раз встретимся, обещаю!

* * *

Окраины Шадизара встретили путников воину отбросов и многоголосьем нищих и бродяг. Горшечник Ихарп, едва завидев друзей, поспешил затащить их в свою потайную комнату.

— Ты знаешь, Конан, что тебя обвиняют в смерти всеми любимого благородного купца Актиона?! Стражники рыщут повсюду. Придется вам всем пожить у меня тут пару седмиц. Потом, я думаю, все успокоится. Но пока солдаты обыскивают дома и харчевни, склонитесь тут.

Конан мрачно осмотрел знакомую комнату-склеп и повернулся к друзьям:

— Знаете... я вот думаю — и с какой стати мы так быстро ушли из хрустального дворца демона Уробаха?..

Корона власти

В темном углу одной из харчевен на окраине Шадизара сидел нищий. Он был так стар, что, казалось, в любой момент мог упасть и умереть. Голова его тряслась, руки ходили ходуном. Лохмотья, висевшие на костлявом теле, наполовину состояли из дыр. Блеклые, выцветшие глаза вспыхнули безумием, когда он, с неожиданной силой, схватил за руку проходящего мимо Конана:

— Ты не узнаешь меня, герой?

Киммериец поморщился, но присел рядом со стариком. На столе перед ним стояла кружка с водой. Рядом одиноко лежал кусок черствого хлеба. Люди в харчевне не обращали на нищего старика внимания. Здесь привыкли к нищим и оборванцам. Привыкли также и к воинам — наемникам, охранникам, солдатам, — веселявшимся за обильными столами.

— Что тебе заказать? — ворчливо спросил Конан и кивком подозвал слугу.

— Мне ничего не нужно, Конан, только вспомни меня, вспомни, — заклинал старик, впиваясь в синие глаза варвара, — я тот, с кем ты спускался в нижние пределы в поисках демона Уробаха!

— Акцион?! — Конан внимательно всмотрелся в желтое, как пергамент, лицо старика. — Что с тобой стало?! Помнится, не так давно Уробах унес тебя в Иранистан — ты там собрался стать великим правителем!

— Я и стал им. Могучим правителем, и все эти жалкие людишки трепетали при упоминании одного моего имени. Но демон, стремясь поскорее освободится от службы, ускорил время. Пятьдесят лет для меня пролетели, как один год. Я постарел столь стремительно, что не успел насладиться неограниченной властью, не успел почувствовать вкус жизни повелителя целого народа. Уробах перехитрил меня. И теперь я — нищий. Я скитаюсь по окраинам Шадизара и прошу подаяния.

— Печальная судьба, — сказал Конан без всякой печали, — жил бы себе честным купцом, не лез бы к демонам...

— Но теперь все изменится, Конан, — прошептал Акцион, — я знаю, как вернуть молодость. Ты мне в этом поможешь?

— Видишь ли, — насмешливо протянул Конан, — мы, конечно, с тобой пережили кое-какие приключения, но ты поступил с нами не слишком хорошо, и я почему-то не горю желанием вернуть тебе молодость.

— Ты ведь хочешь стать королем, Конан? — Акион вновь схватил киммерийца за руку и вновь с силой, которую трудно было заподозрить в его старческом теле, — ты хочешь получить королевство? Ты его получишь! А я получу молодость и начну все с начала. Отведи меня куда-нибудь, где можно спокойно обсудить наш план...

* * *

Небольшой караван держал путь на восход солнца, в сторону величественных Кезанкийских гор. Там, среди вечных снегов, в самом хаосе нагромождения скал, в потайной пещере прятался от смертных источник молодости. Небольшой, мягко журчащий ручеек красного, как кровь, цвета показывался на миг в углу пещеры и вновь исчезал в недрах горы. А рядом, в тяжелом золотом сундуке ждала хозяина корона абсолютной власти. Все это рассказал Акион, сверкая глазами и часто хватая Конана за руку сухими старческими ладонями. А в соседних пещерах, конечно же, лежали несметные сокровища, веками хранимые для того, кто сумеет добыть корону.

Что заставило Конана вновь поверить колдуну? Ну, прежде всего, прошлый раз он, в общем-то, не обманул... Кроме того, любовь киммерийца к походам, авантюрам... Стать королем? Неплохо, хотя трудно поверить, что некая корона, пусть даже и волшебная, может посадить ее обладателя на трон. Ведь троны-то, как правило, бывают заняты...

Но Акион клялся остатком жизни: стоит завладеть короной, как дальше все свершится само собой. «Тебе будут служить тысячи незримых существ», — уверял он. Выходило, что демоны все сделают сами. Нужно было только добыть корону и выбрать страну... И прихватить сокровища в соседней пещере.

Караван продвигался на восток. Конан, на вороном коне, Хепат на верблюде... Почти, как раньше. Только колдун Акион не гарцевал на резвом жеребце — он сидел мешком между горбами второго верблюда. И вид согбенного старика сердил, раздражал гнома, взгляд которого, помимо воли, постоянно упирался в спину дряхлого колдуна.

Гнома Конан нашел в одном из притонов Шадизара. Хепат опух от пьянства и долго не мог понять, кто и зачем за ним пришел. Но когда узнал, что Конан его не забыл, что Конан вновь приглашает его, как раньше, в опасный поход, зарыдал, повиснув на ноге друга и, расплатившись последними медяками с хозяином притона, отправился в путь. Благо, собирать ему было нечего.

Акиона он так и не узнал. Просто поверил Конану, что перед ним тот самый веселый колдун, которого демон Уробах унес в Иранистан, где он волшебным образом состарился. А теперь, вместо того, чтобы наслаждаться беседой с другом, он вынужден смотреть на сутулую спину немощного старика.

Пыльная, выжженная степь утомляла однооб-

разием. Хепат, понукая верблюда, поравнялся с Конаном.

— А где, красавица Итилия? Почему она не с тобой?

— Не могу же я всех красавиц с собой возить, — проворчал Конан, затем добавил: — После того, как мы до ужаса надоели друг другу, она отправилась в южные королевства...

— Значит, вы расстались, — уточнил Хепат с грустью.

— Расстались, — подтвердил Конан и надолго замолчал.

* * *

Кезанкийские горы встретили путешественников неласково. Стоило каравану вступить в предгорья, как поднялся сильный ветер, грозивший к ночи перейти в ураган.

— Нужно искать пещеру для ночевки! — крикнул Конан.

Пыль забивала глаза, мешала дышать. Вначале небольшие, почти игрушечные вихри разрастались, крутили уже не только пыль, но и мелкие песчинки, больно ударявшие по глазам.

— Но как они узнали? — бормотал Акцион. — Мы же еще далеко... как они узнали?

Конан пришпорил коня и помчался под защиту деревьев — небольшой рощицы, внезапно появившейся из мутной, пыльной пелены. Акцион и Хепат поспешили следом.

Роща была невелика и состояла из уродливых,

кривобоких лиственных деревьев, но все же защищала от ветра и пыли.

Деревья стонали и гнулись, осыпая путников листвой. В шуме ветра слышались завывания потерянных душ, вой волков и шум отдаленной битвы. Конан знал, что иногда ураганы приносят странные звуки. И странные вещи случаются после ураганов. С неба падают рыбы, лягушки... Однажды — и Конан был тому свидетелем — смерч принес окровавленную отрубленную руку. Где-то кипела битва... Эта история с рукой превратилась в обычную застольную байку, в которую никто не верил...

Буря постепенно стихала, но ворчала, брюзжала, как разошедшийся в ссоре старик, который долго не может успокоиться, размахивая руками и бурча под нос запоздалые проклятия. Песчинки уже не секли щеки, пыль стала оседать. Появилась возможность осмотреться. Укрывшая их рощица превратилась в скопище скелетиков — ветер сорвал с деревьев почти всю листву. Верблюды чихали, люди с трудом прочистили глаза.

— Ты что-то бормотал... — Конан повернулся к колдуну. — Кто-то что-то узнал...

— Да... — Акцион замялся. — Ты же не думаешь, что корону и источник никто не стережет!

— Про стражей ты почему-то раньше не говорил! — с негодованием заметил Конан.

— Это и так ясно... Если бы все эти богатства доставались так просто — их бы давно уже там не было.

— Ладно, об этом еще будет время погово-

рить, — бросил Конан, — а пока нужно найти место для ночевки.

Через короткое время нашлась подходящая пещера. Достаточно просторная даже для двух верблюдов и коня, которых не рискнули оставить на ночь снаружи.

Хепат натаскал хворосту и развел огонь. Конан заметил, что дым от костра устремился не наружу, а внутрь пещеры, значит, где-то был и второй выход, находящийся значительно выше первого. Из предосторожности это временное пристанище следовало осмотреть.

Приготовив два небольших факела, Конан направился было вглубь пещеры, но Акион схватил его за руку. Эта его манера хватать за руки все больше раздражала киммерийца. Теперь руки Акиона опережали слова. Куда девался тот веселый колдун-балагур, который сопровождал их в нижние пределы?.. Впрочем, к старости у всех меняются привычки...

— Подожди, Конан, подожди, — зашептал Акион. Горячий шепот, так не свойственный прежнему Акиону, злил Конана не меньше, чем стремление ухватить за руку.

— Чего ты шепчешь?! Боишься, что подслушают нетопыры?!

— Подожди, не стоит далеко ходить вглубь этой пещеры!

— Почему?

— Похоже, мы попали в одну из пещер, где...

— Где — что? — нетерпеливо спросил Конан

— Словом, это пещера Великих Спящих... Я

нашел знаки на степе... Переночевать здесь можно — у самого входа, но обследовать ее... нежелательно.

Помедлив, Конан вновь присел к костру. Хепат старательно заготавливал хворост — складывал его неподалеку с таким расчетом, чтобы хватило до утра.

— Что это за Великие Спящие?

— Никто точно не знает... — Акион медленно подбирал слова. — В пещерах, в самых потаенных уголках иногда можно встретить спящих гигантов... Спящих или окаменевших... не знаю. Это не демоны, не боги... Похоже, что это люди... Предания гласят, что они жили на земле задолго до нас...

— А, может, это просто каменные изваяния? — Хепат скрупульно подбросил в огонь хворосту.

— Нет... они из плоти... из окаменевшей плоти... Они ждут.

— Чего ждут? — На гнома рассказ колдуна произвел, казалось, сильное впечатление.

— Момента пробуждения, естественно, — насмешливо пояснил Акион, — и беда, если они пробудятся раньше времени!

— Кром! — воскликнул Конан. — Я должен их увидеть! Не бойся, колдун, я прокрадусь тише мыши... не разбужу.

И не слушая дальше бормотаний Акиона, он решительно двинулся в глубь пещеры.

— Проклятье! — пробормотал колдун. — Лучше бы я ничего не говорил! Если он проснется...

— А что — такое уже было? — тонким голосом спросил Хепат.

— Не в наше время... Раньше... И последствия оказались ужасны...

Колдун ссугуился над костром, будто хотел впитать в старческое тело живительное тепло огня. Хепат потерянно молчал, пытаясь представить последствия пробуждения гиганта. Тишину нарушал только треск костра. Огонь жадно пожирал сухие ветки — набрасывался, хватал, лизал, и не отпускал уже до конца, до почерневшей головешки. Вид этих углей навевал на Хепата смертную тоску.

Прошло немало времени с тех пор, как ушел Конан. Гном и колдун молчали. Хепат хмурился, нервно сжимая кулаки. Акцион навис над костром, губы его беззвучно шевелились.

Что он — молится своим богам, думал Хепат, или творит заклинания? Будь прокляты все колдуны! Все они — непонятные, а, значит, опасные создания.

Мучительно-медленно тянулось время. Конан не возвращался. Хепат заметил муравья, спешащего к выходу из пещеры. Затем другого, третьего. Спокойно проползла гусеница. Где-то зашуршала мышь. Мир жил привычной, размеренной жизнью.

Из глубин земли раздался странный звук. Гном вскочил, как ужаленный. Акцион поднял голову и прислушался. Звук продолжался — низкое гудение, вибрация, содрогание камня под ногами.

— Что это? Что? — Хепат вытаращил глаза так, что они, казалось, могут выпасть из глазниц.

— Я не знаю... — устало сказал колдун, — может быть, это пробуждение...

Звук нарастал. Сверху посыпались мелкие камни. Земля гудела так, что вибрировало все тело. Уши закладывало.

— Что делать? — метался Хепат. — Искать Конана?! Или вывести животных и подготовиться к бегству? Что делать? Говори, колдун! — он потряс Актиона. — Говори, что делать!

— Пожалуй, стоит подготовиться к бегству, — прошамкал Акцион, — как только Конан появится, сразу и бежать... скакать ночью... сломать себе шею... как только Конан появится... если появится...

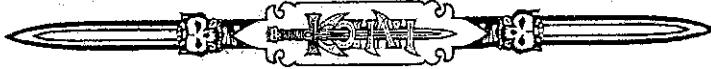
— Будь ты проклят! Будь ты...

Звук исчез так же внезапно, как появился. Мелкие камни еще продолжали сыпаться, но странная вибрация стихла. Тишина оглушила, как ударом молота. Хепат застыл, будто превратился в камень. Акцион тяжко вздохнул и подбросил в костер хворосту.

— Будем ждать...

* * *

Когда Конан отошел от костра и зажег факел, он заметил, что пещера стала гораздо просторней. Вообще, вход, где они сидели, походил на горлышко кувшина. А сама пещера имела, по-видимому, огромные размеры. Сталактиты и стагматиты походили на зубы, торчащие в пасти гигантского дракона, готовые в любой момент сомкнуться и схватить нежданного гостя.

Постепенно своды пещеры потерялись в темноте, а стены разошлись настолько, что свет факела до них едва доставал. Конан двигался совершенно бесшумно, ни единым звуком не нарушая тишину этого подземного жилища окаменевшего великаны — если, конечно, верить Актиону. Пещера тянулась одним громадным тоннелем. Мелкие ходы и ответвления не привлекали внимания Конана. Где-то там, в недрах горы, таится нечто странное... Не демон, не бог... человек, живший в начале времен. Так считал колдун Актион. Так говорили предания.

Чего никак не ожидал увидеть Конан, так это обработанного камня. Творения рук человека! Самый конец пещеры, ее последняя стена состояла из огромных, хорошо отесанных каменных глыб. Некоторые камни выступали в виде примитивно вырезанных драконьих морд, ухмылявшихся беззубой усмешкой.

Внизу каменной кладки, перегораживающей пещеру, находилась огромная арка, украшенная более изящной резьбой. Если бы Конан вырос в высоту в несколько раз, то и тогда он мог бы пройти в эту арку, не сгибая головы. Дверей или ворот не было. Ничто не запиралось. И все же, богатырь медлил. Какая-то охрана должна быть... Или ловушки. Придется пошуметь...

Он поднял небольшой камень и бросил его перед собой — туда, куда должна ступить его нога. Ничего не произошло. Может, камень слишком мал? Пришлось потрудиться и найти побольше. Круглый валун весил примерно столько

же, сколько человек. Конан вздохнул и покатил его перед собой.

Если сработает ловушка — а это, скорее всего, будет скрытая яма — камень провалится, а человек успеет остановиться.

Ничего. Никаких ловушек. Пройдя арку, Конан увидел огромный каменный алтарь и лежащего на нем окаменевшего человека. Размеры гиганта поражали. Если бы киммериец решился лечь рядом с телом исполина, он едва ли достал бы ему до колен.

Медленно обошел Конан эту странную усыпальницу. Чутье бывшего вора говорило, что здесь могут храниться сокровища при жизни принадлежавшие спящему. Но пуст был гигантский склеп. Только возвышался посредине каменный помост с застывшим, окаменевшим огромным человеком.

Первый факел догорал — пришла пора возвращаться. В последний раз Конан обошел вокруг алтаря. Небольшая трещина на боковой стене привлекла его внимание. И еще одна, под прямым углом, и еще.

Дверь! Или камень, который можно вынуть. Значит, алтарь внутри полый! Что ж, если гигант, засыпая, и решил припрятать пару мешков драгоценных камней — лучшего места, чем в недрах своего ложа, не найти! Нужно только суметь эту дверь открыть.

Конан осторожно надавил ладонями на камень. Из недр горы донеслось ворчание. Глухой, недовольный рокот. Гора загудела. Алтарь стал

вибрировать так, что каменный великан на нем трясяся, как младенец в люльке, укачиваемый нерадивой матерью.

Схватив факел, Конан бросился к выходу. Каменные глыбы над аркой шатались, опуская засеву пыли.

И уже пробегая под аркой, услышал киммериец голос, подобный гулу горного обвала. Тяжело падали чужие и непонятные слова. Язык, на котором говорил гигант, даже отдаленно не походил ни на один из языков, звучавших в современном мире.

Не выдержав, Конан остановился и оглянулся. Картина, которую он увидел, прежде чем вновь бросился бежать, навечно запечатлелась в его памяти. Великан садился на своем громадном ложе! Мелкие осколки каменной скорлупысыпались с него, как сухие листья с дерева.

Успев подумать, что внутри окаменевшей скорлупы, это просто огромный человек из плоти и крови, Конан поспешил обратно.

Актион и Хепат приготовили животных и уже сидели меж горбов своих верблюдов, когда из недр пещеры появился Конан. Не говоря ни слова, он вскочил в седло жеребца и замер, прислушиваясь.

Вначале тишина нарушалась только храпом коня, нетерпеливо переступающего копытами, затем из глубины пещеры раздался неясный шум.

Будто кто-то волоком тащит повозку, у которой внезапно отвалились колеса.

— Он проснулся, — сказал Конан, повернувшись к Актиону, — ты можешь посоветовать что-нибудь, кроме бегства?

— Кроме бегства — ничего, — невозмутимо ответил колдун и тронул верблюда.

Шум, доносящийся из пещеры, все нарастал. Посыпалось низкое, недовольное ворчание. Сыпались камни, гудела земля. Раздавались глухие удары, будто кто-то огромным молотом пробивал стену.

За колдуном не мешкая, устремился Хепат, громко понукая ленивого верблюда. Конан тронул коня последним. Отъехав на расстояние полета стрелы, он остановился. Из «бутылочного горлышка» пещеры густо выкатывались клубы пыли. Сыпались глухие удары. Падали огромные камни. И, наконец, как вырвавшееся наружу пламя при извержении вулкана, появился с поднятыми руками ужасный гигант. С ревом он отбросил, заваливавшие его до пояса камни, выдернул ногу, затем вторую и встал во весь рост, испустив громовой вопль не то ярости, не то ликования.

Только теперь Конан смог оценить рост и мощь великана. Самые высокие деревья едва доставали ему до пояса. Мышцы рук и ног вздувались огромными буграми. Кожа гиганта была темно-коричневого цвета, а нижняя часть тела густо поросла волосами.

С трудом поворачивая голову, великан искал

того, кто посмел потревожить его сон. Наконец взгляд его нашел Конана. На долгий миг человек и гигант из старой забытой эпохи, встретились глазами. Дикую злобу прочитал Конан во взгляде великана, ненависть, желание убивать. Издав низкий рев, гигант шагнул к человеку. Похоже, что движения, после многих тысяч лет спячки, давались ему с трудом.

Но Конан не сомневался, что скоро великан разойдется, разомнет мышцы, и тогда вряд ли от него удастся ускользнуть даже на коне. Не мешкая более, он дал шпоры жеребцу и через минуту догнал товарищей. По счастью, уже рассвело и можно было выбирать дорогу, не полагаясь на животных. Через полчаса быстрой езды шум позади стих. Хепат вздохнул с облегчением:

— Похоже, он не слишком быстро бегает, этот каменный гигант!

Конан промолчал, а колдун, мрачно глянув на развеселившегося гнома, сказал:

— Он будет нас преследовать. Пойдет по нашему следу. Не знаю — по запаху, или как-то еще, но он нас найдет и убьет. Он не простит ненурочного пробуждения.

— Погоняйте своих ленивых верблюдов, — пробурчал Конан, — постараемся убраться подальше, пока он еще вялый...

— Он не долго будет вялым, — заметил Актион, — полуденная жара разогреет его, а уж тогда!..

Путники во всю мочь скакали по тропинке, петляющей среди скал. Скорее в горы! Забраться

повыше, пройти узкими тропами, спутать следы, заманить великана на карнизы, нависающие над бездной, туда, где он не пройдет — сорвется в пропасть или повернет назад!

* * *

Горы встретили путешественников ворчанием отдаленных камнепадов и гулом лавин, сходящих с искрящихся снегом вершин. Преследователя слышно не было, и даже Конан почти уверился в том, что Актион по старости своей мог и ошибиться, спутать предания, или просто姑stить краски.

Но колдун выглядел мрачным и озабоченным. Он уверенно направлял верблюда в самые опасные места, где пропасть с одной стороны и отвесная стена, с другой, могли помешать громадному преследователю идти по их следам.

Только к вечеру решили сделать привал. Расположились на большом уступе, немного в стороне от тропы, под защитой огромной, нависающей над головами скалы. Ужинали жесткой солониной и сухарями. И мучительно вслушивались в звуки погружающихся в сумерки гор.

Вот где-то скатился камень. Горный козел прыгает по скалам, веселится, или?.. Где-то прокатилось эхо от упавшего в пропасть валуна. Кто его столкнул?

Камни сами падают редко... Ветер и вода десятки лет точат валуны, подмывают основание, стараются, боятся, а камень стоит. Многие годы

требуются природе, чтобы подточить равновесие, сделать его шатким, и только тогда достаточно будет сильного порыва ветра, чтобы валун, наконец, покатился, увлек за собой других, создавая, таким образом, неумолимый горный обвал.

Достаточно порыва ветра... Или?.. Или кто-то может подтолкнуть — случайно — камень... Кто-то огромный может задеть его, пробираясь по следам ненавистных врагов...

— Далеко еще до твоей пещеры с источником молодости? — прервал молчание Конан.

Колдун мелко покивал. Прошептал что-то, прошамкал беззубым ртом.

— Еще дня два-три пути... если нас никто не остановит...

— Я думаю, гигант за нами не пройдет, — подал голос Хепат, — сорвется в пропасть!

— Ему не обязательно идти точно по нашим следам! — отрезал колдун, затем добавил: — Но я имел в виду других... Пещеры, куда мы направляемся, стерегут сильные демоны... а я уже стар... не знаю, смогу ли я...

— О боги! — Синие глаза Конана полыхнули огнем. — Так ты отправился наобум?! Ты не уверен в своих силах?

— Я попробую их обуздать, — сказал Акцион, склонив голову, — попробую...

— А кто-нибудь еще, кроме демонов, стережет сокровища? — спросил Хепат.

— Сокровища? — непонимающие переспросил колдун. — А, ну да, сокровища в соседней пещере... Их стережет дракон... как водится.

— Демоны и дракон, — проворчал Конан, — веселое у нас будет путешествие...

Ночь прошла спокойно. Путешественники дремали, завернувшись в одеяла. Только перед рассветом над горными вершинами эхом пронесся рев какого-то зверя.

Пещерный лев сообщает о неудачной охоте? Кроме него никто в горах не обладает таким голосом... Только он, огромный желтый зверь, с разевающейся по ветру черной гривой, может так рычать... Или?..

Весь следующий день продвигались по еле заметной тропинке, петляющей среди нагромождения скал. Пещерный лев подавал голос еще несколько раз.

— Нас преследуют, — сказал Акцион, — будем надеяться, что это всего лишь лев!

Конан и Хепат промолчали. Настроение у всех испортилось окончательно.

К вечеру путники забрались так высоко в горы, что постоянно давал о себе знать себе холод. Сказывалась близость ледников. Хепат, кутаясь в плащ, ворчал. Сетовал на холод, на ветер, на преследования льва, на бессмысличество их похода. Конан лишь усмехался. Но Акциону надоело нытье гнома, и он прошипел:

— Если ты не прекратишь ворчать, я потрачу на тебя одно из заготовленных заклинаний!

— И что тогда? — с вызовом спросил Хепат.

— Тогда ты превратишься в лягушку!

Конан захохотал. Он любил горы, он вырос в горах и не мог долго предаваться унынию, когда

видел, как сверкают в лучах заходящего солнца величественные ледники.

— Нет, колдун, — сказал он, все еще усмехаясь, — побереги заклинание для нашего друга льва! Сегодня ночью оно тебе, я чувствую, понадобится.

Акцион как-то странно посмотрел на Конана и ничего не сказал. Или он не верил в то, что их преследует именно лев, или у него не было никаких заготовленных заклинаний.

Лев напал ночью. Громовой рык вырвал путешественников из объятий сладкой дремы. В мгновение Конан вскочил, держа перед собой меч. Акцион и Хепат выхватили кинжалы. Трое встали спиной к спине. По счастью, светила полная луна, и площадка, на которой они находились, хорошо просматривалась.

Лев вышел из-за валуна и, издавая низкое рычание, направился к стоянке. Привязанные к высохшему дереву животные в страхе пытались порвать уздечки. Затем, сбились в кучу, испуганно глядя на приближающееся чудовище. Пещерный лев-великан по размерам намного превосходил самую крупную лошадь. Его огромная голова, обрамленная великолепной черной гривой, повернулась в сторону животных.

Секунду лев раздумывал, затем все же решил вначале покончить с людьми — этими маленьими существами, держащими в передних лапах длинные, острые шипы, доставляющие некоторые неприятности. Лев не раз имел дело с людьми и всегда побеждал их без особых хлопот. Вот

только шипы иногда причиняли беспокойство. Приходилось долго зализывать царапины.

Конан застыл, направив лезвие меча на зверя. Хепат и Акцион теперь стояли у него за спиной, готовые, при необходимости, пустить в ход кинжалы.

Лев остановился и присел для прыжка, хлеща себя по бокам длинным хостом с игривой кисточкой на конце.

Конан следил за огромными мышцами льва. Вот напружинились задние ноги. Несколько раз лев переступил с ноги на ногу, как это делают все кошки перед прыжком, затем когти чиркнули по камню, и он прыгнул. Бросил огромное, состоящие из упругих мышц тело на этих жалких людышек, одиноко и потерянно стоявших перед ним в ожидании неминуемой смерти.

В момент прыжка, а точнее на долю секунды раньше, когда пружины мышц начали поднимать огромное тело, Конан скользнул вперед и взмахнул мечом.

Пролетая над человеком, лев вдруг почувствовал ужасную, непереносимую боль в брюхе. Такой боли он не ощущал никогда в своей долгой и удачливой жизни. Он сам причинял боль всем живым существам. Он разрывал плоть, он терзал, он упивался вкусом и запахом крови, он обожал чувствовать агонию убиваемых им существ, но никогда он не испытывал того, что чувствовали его жертвы. И вот теперь... Он заревел от этой, сводящей с ума, всепоглощающей боли.

Удар меча Конана рассек льву брюхо, как бур-

дюк с вином. И как вино из бурдюка, из разъято-го брюха чудовища хлынула кровь. А, падая на землю, в том месте, где еще недавно стояли его испуганные жертвы, лев увидел, что кишки его достигли земли значительно раньше его самого. Оглашая окрестности ужасным ревом, он попы-тался лизать рану, но она была слишком обширна и слишком кровоточила, чтобы охватить ее языком. И впервые лев понял, что его победили.

Дремучим, маленьким мозгом хищника, ин-стинктом зверя он понял, что его удачливая, приводящая к смерти всех, с кем он сталкивался, жизнь — закончилась. Он зарычал скорее жалобно, нежели грозно и с тоской в желтых глазах, в которых отражалась холодная, полная луна, гля-нула на своего убийцу.

Бесшумной тенью скользнул Конан за спину поверженного великана и точным ударом прекратил муки хищника — пронзил мечом его огромное сердце.

— Надо набирать дров, — хрипло сказал гном, — сегодня у нас свежее мясо...

— Впечатляет... — помолчав, сказал Акцион. — Я все больше убеждаюсь, что ты необыкновен-ный человек, Конан, и судьба у тебя будет не-обыкновенная... Не знаю, добудем ли мы корону, но королем ты станешь в любом случае...

А Конан, задумавшись, все стоял над телом поверженного льва, и с огромного меча капала на камни темная в лунном свете кровь.

Мясо старого льва было жестким, как суще-ная солонина, и невкусным, но Хепат, которого

обязали развести костер и поджарить лучшие куски, ел с большим удовольствием и нахвали-вал свое поварское искусство. Акцион, с трудом проглатывая плохо прожаренные ломти, угрюмо молчал. Конан также не склонен был разговари-вать в то время, когда его крепкие зубы расправ-лялись с твердым, как дерево, мясом. Это давало простор Хепату, ставшему после пережитого ужа-са на удивление словоохотливым.

— Когда он прыгнул, я приготовился бросить кинжал, — невнятно говорил он с набитым ртом, — я целил в глаз льву и конечно бы попал. Конан меня опередил, а то... я бы... — и он брал новый дымящийся кусок.

Некоторое время гном жевал молча, но долго молчать было выше его сил. .

— Ты ведь знаешь мой кинжал? — обращался он к угрюмому Акциону. — Я как-то бросил его в Итилию и чуть не убил...

Вспомнив Итилию, гном загрустил. Где-то она сейчас... Конан сказал, они надоели друг другу... Ему, Хепату, последнему... из племени... она бы никогда не надоела... никогда.

— А где сейчас наша красавица Итилия? — спросил колдун, бросив пытливый взгляд на Конана.

— Поехала завоевывать южные королевства... — недовольно проворчал Конан.

И колдун, и гном, ждали продолжения, но так и не дождались. Конан молчал.

Насытившись, трое спутников вытянулись у потухающего костра. Восходящее солнце освети-

ло эту странную троицу — воителя в богатырском доспехе, гнома с длинным крючковатым носом, увенчанным двумя бородавками, и дряхлого старика-колдуна с растрепанными седыми космами.

Следующий день небольшой караван медленно и осторожно продвигался по горным, козьим тропам, направляясь в самое сердце диких Кезанкийских гор.

Преодолевали перевалы, спускались в долины, пробирались по тропинкам, где каждый шаг грозил неминуемой гибелью. Наконец, Акион торжественно объявил, что скоро они вступят в охраняемые пределы. На просьбу Хепата рассказать подробней, только усмехался неприятной, мокрой усмешкой.

На ночь остановились под искривленными, горными соснами, чудом росшими на камнях.

— Вот она, сила жизни! — старый колдун ласково погладил корявое дерево. — Живет, растет, вопреки всему! На камнях, открытое всем ветрам! Что скажешь, Конан?

Но Конан, последние несколько минут к чему-то напряженно прислушивающийся, заговорил не о силе жизни.

— Кто-то приближается... Осыпаются камни... И все ближе.

Акион побледнел и прошептал:

— Я говорил, что он найдет нас...

— Этого не может быть! — дрожащим голосом воскликнул гном. — Я ничего не слышу!

— Зато скоро увидишь...

Темнота еще не успела накрыть даже горные ущелья, как на фоне огромного заходящего солнца чудовищным пауком появился гигант, на четвереньках пробирающийся по горным вершинам. Грохот камнепада становился нестерпимым. При каждом шаге великана вниз срывалась несколько камней, которые, увлекая за собой других, обрушивались в пропасть стремительной горной лавиной.

— Что будем делать? — мрачно спросил Конан

Акион сосредоточенно молчал. Хепат дернул его за рукав:

— Как там твои заклинания? Ты сможешь, хоть что-то сделать?!

— Не знаю... я попыталось, но силы... я слишком стар...

С горных вершин гигант увидел ненавистных людей. Издав ликующий вопль, от которого у Хепата заложило уши, он стал осторожно спускаться. Камни с грохотом сыпались в пропасть. Солнце все еще освещало эту ужасную картину — спускающийся на четвереньках огромный человек, похожий на страшного, неестественного, уродливого паука, плетущего на горных вершинах свою отвратительную, липкую сеть.

Отступать было некуда. Позади — бездонная пропасть. Впереди — спускающийся с гор великан. Путешественники оказались на небольшом карнизе, нависшем над пропастью. Бежать вперед или назад по козьей тропе? Догонит в два-три шага... Конан видел, что исполнин двигается, на сей раз проворно и ловко. Попытаться

поразить мечом? Но вряд ли удастся подойти к нему на удар...

Гигант осторожно спустился на уступ, на котором расположились на ночевку путники, и присел на корточки, стараясь лучше разглядеть своих ничтожных противников. Вот один замер с мечом в руках. Жалкий кусок мяса! В огромной голове тяжело ворочались сумеречные мысли. Жалкие кусочки сырого мяса! Посмевшие разбудить его раньше срока! Он не ведал, когда должен был подойти срок пробуждения. Но он знал, что почувствовал бы его! Как почувствуют его братья, которые будут спать еще очень долго и проснуться, когда земля расцветет, а люди немедленно расплодятся. Когда исчезнет, уйдет в иные миры раса демонов. Когда боги перестанут вмешиваться в людские дела. Тогда его братья восстанут, чтобы властвовать! Тогда они сами станут богами! А он — благодаря этому маленькому куску мяса — уже не станет богом! Он разбужен раньше срока и теперь только месть, месть всем людям станет целью его жизни!

Конан, сжимая рукоять меча, стоял, готовый к немедленному действию. Как поступит великан? Попытается их раздавить? Или выдернет сосны, к которым привязаны животные, и использует их, как дубины?

Активно что-то сосредоточенно бормотал, делая руками плавные пассы. Хепат с затравленным взглядом судорожно сжимал кинжал.

Гигант вдруг оглушительно захохотал. Наслаждаясь растерянностью своих жертв, он протя-

нул огромную длань и схватил одного из верблюдов. Поднял и с силой бросил на камни. Животное осталось недвижимым. То же произошло со вторым верблюдом. Затем великан поднял вороного жеребца. Несколько мгновений смотрел на него взглядом, полным ненависти, потом другой рукой обхватил его голову. Раздался громкий хруст. Меж огромных пальцев брызнула кровь вперемежку с костями и мозгом благородного животного.

В этот момент Конан бросился вперед, к ногам гиганта и нанес ему ужасный, рубящий-режущий удар чуть выше пятки. Этот страшный удар «с потягом», когда меч в момент соприкосновения с телом противника тянется на себя, не только разрубая, но и разрезая плоть, возымел свое действие. Великан завыл так, что у Конана заложило уши, когда он проворно отбегал за пределы досягаемости рук гиганта.

С грохотом, огромный, как скала, доисторический человек, рухнул на землю, корчась от боли. Ладонями зажимал он страшную рану, из которой фонтаном била кровь. Но когда Конан попытался еще раз приблизиться к великанию на удар меча, тот приготовился схватить ненавистного человека, осмелившегося причинить ему такую боль. Гигант сидел, одной рукой зажимая рану, а другой — пытаясь поймать ускользающего противника. Конану пришлось отступить.

В этот момент Хепат метнул кинжал в огромную спину великана. Промахнуться было невозможно. Фамильный кинжал гнома глубоко вон-

зился в плоть исполина. Испустив злобный рев, гигант попытался свободной рукой дотянуться до кинжала.

Конан понял, что настал еще один благоприятный момент. Он бросился вперед, в тот миг, когда рука великана шарила за спиной, и, размахнувшись, обрушил всю тяжесть меча на коленную чашечку здоровой ноги своего чудовищного противника. Теперь великан ревел непрерывно. Дотянуться до кинжала ему так и не удалось. Коленная чашечка была разрублена надвое, натянутая кожа раздвинулась, обнажая две белые половинки разрубленной кости.

Изнемогая от боли, издавая непрерывное громовое рычание, великан пополз к отбежавшему на безопасное расстояние Конану. Он больше не обращал внимания на раны, ему требовалось одно — схватить и раздавить этого человека, причиняющего такую боль. Поймать, сдавить так, чтобы кровь брызнула в стороны, чтобы затрещали сминаемые кости, чтобы он превратился в кровавое месиво!

Положение становилось угрожающим.

На небольшой площадке Конану трудно было уворачиваться от загребающих окровавленных рук гиганта. А он все полз вперед, опираясь на здоровое колено, непрерывно надсадно воя, и хватая воздух в тех местах, где только что находился Конан.

Акцион в течение всей схватки что-то бормотал, раскачиваясь и размахивая руками.

— Конан! — он попытался перекричать рев ве-

ликана. — Я отворил ему кровь! Скоро он истечет кровью!

И действительно, из ран гиганта били мощные темно-красные фонтаны. Даже кинжал гнома, глубоко вонзившийся в тело, был вытолкнут напором крови и отброшен далеко в сторону.

Вся каменная площадка теперь была мокрой от крови. Риск поскользнуться и попасть в лапы великана для Конана возрос неимоверно.

— Уходи на тропу, Конан, на тропу! — кричал Акцион, размахивая руками.

Услышал его киммериец, или нет, но узкая тропа в любом случае была единственным возможным местом для отступления. Конан осторожно, стараясь не поскользнуться, побежал к тропе, петляющей у скал. Великан сверкнул глазами и пополз следом. Несмотря на раны и фонтаном бьющую кровь, он сохранил силы и передвигался довольно быстро.

Конан скользнул на тропу. С одной стороны — пропасть, с другой — отвесная скала. Но передвигаться по узкому карнизу в намокших, напитавшихся кровью и ставших скользкими сапогах было небезопасно. Осторожно Конан пробирался по тропе, стараясь уйти как можно дальше, пока гигант еще не мог до него дотянуться.

Видя, что добыча ускользает, великан сделал отчаянный рывок. Оставляя за собой кровавый след, он бросился вперед, протянул руку... Конан успел увернуться и пробежать по тропинке еще несколько метров... Гигант, непрерывно издавая низкое, злобное рычание, попытался протиснуть-

ся вперед... не упустить этого ненавистного злодея, дерзнувшего разбудить его и нанести такие болезненные раны!..

Конан уходил вверх по тропе... Исполин боком втискивал огромное тело на узкий карниз... еще немного... стоит только подальше протянуть руку... Этот жалкий человечишко со страхомглядывается.., он знает, что его сейчас раздавит кулак...

Хриплый крик падающего в пропасть гиганта эхом разлился по ущельям. Конан, направляясь назад, осторожно ступил на скользкие, черные от густеющей крови великаны камни. Прошел опасное место и уже обычным, спокойным шагом подошел к товарищам.

Хепат оттирал кинжал. Руки его слегка дрожали, а нос издавал невнятное сопение. Акион, шатаясь от усталости, сказал:

— Пропасть в этом месте бездонна... Ему не выжить, даже если бы я и не отворил ему кровь...

— Отворить-то отворил, да только он успел бы всех нас передушить, пока бы обессилен... — бросил Хепат.

— Ну, я сделал все, что мог... — колдун в изнеможении присел на камень. — И все-таки... если бы он не истекал кровью и его движения не замедлились... он поймал бы Конана!

— Сомневаюсь... — гном засопел сильнее обычного.

— Ладно, — Конан с грустью посмотрел на останки животных, — теперь нам придется всю по-

клажу нести на себе... Далеко еще до твоей волшебной пещеры?

* * *

Путники стояли перед изрезанной трещинами огромной скалой. Вершина ее куталась в облака, как в белое, пушистое одеяло. Сама скала гордо стояла в небольшом распадке, между заснеженными вершинами и излучала спокойное величие.

— Вот она, «Скала семи демонов», как ее называют мудрецы и маги, — Акион с благоговением простер руки, — я видел ее только на рисунках... Но путь к ней я знал с самого детства!

— Все это хорошо, — бросил Конан, — что дальше?

Акион пожевал сморщенными губами. Помолчал, будто припоминая что-то.

— Дальше? Дальше я должен подготовиться... Затем в одной из расщелин мы найдем проход... В самые недра гор...

— А как там насчет тех самых семи демонов? — встярал Хепат.

— Я попытаюсь их укротить...

Конан крякнул и сбросил с плеч объемную сумку.

— Сколько времени займет подготовка?

— Дня два-три...

— Значит, разобьем лагерь вон под теми деревьями...

В течение следующих дней Акион непрерывно бормотал заклятия, варил в котелке густое,

дурно пахнущее зелье, размахивал руками, все больше походя на буйного сумасшедшего. Хепат заготавливал смолистые факелы для длительного похода в недра гор. Конан сделал несколько вылазок, обследуя трещины в скале, ибо Акион не знал, в какой именно расщелине скрыт путь в волшебные пещеры. Учитывая, что трещин в огромной скале было предостаточно, работа предстояла большая. Некоторые расщелины тянулись на десятки метров и только затем заканчивались тупиком. Другие были не так глубоки, но имели многочисленные разветвления.

Наконец, в конце одного длинного извилисто-го хода, Конан обнаружил тоннель, явно искусственного происхождения. Стена тоннеля, на всем его протяжении, была испещрена странными, непонятными знаками. Десять шагов в длину имел этот каменный коридор и заканчивался лестницей, круто уходящей вниз.

Вернулся Конан довольный. Хепат, возомнив-ший себя хорошим поваром, варил в котелке похлебку из жесткого просоленного мяса. Акион сидел с отрешенным видом, вперив безумный взор в облака.

— Конан, — прошептал гном, оторвавшись от таинственного процесса приготовления пищи, — мне кажется, что колдун сошел с ума... Никаких сокровищ нет! Он просто захотел вернуть молодость и придумал эту пещеру...

— Может и так, — рассудительно произнес Конан, — но кое-что я нашел.

Хепат с загоревшимися глазами приготовился

слушать. Но Конан в нескольких скупых словах сообщил о тоннеле с загадочными письменами, затем прилег под деревом и задремал в ожидании обеда.

В этот момент Акион встал, расправил суту-лье плечи и торжественно произнес:

— Я готов! Я могу усмирить демонов! Мы можем отправиться немедленно!

— Вначале пообедаем, — сказал Конан.

После того, как котелок опустел, спутники ос-тавили в лагере, завалив камнями, часть покла-жи, а сами налегке отправились к величествен-ной скале.

Через полчаса Акион сосредоточенно рассмат-ривал надписи, выбитые на стене тоннеля.

— Не понимаю... — бормотал он, — не пони-маю...

Однако Конан заметил, что колдун слишком долго рассматривает чуждые слова и странные знаки, водит пальцем, как человек, который все же разбирает текст, хотя и с трудом. Никто не будет так долго и с таким тщанием рассматри-вать надпись, где он не может понять ни одного слова!

Оторвавшись, наконец, от стены, Акион сверк-нул глазами:

— Мы можем двигаться.

Но Конан бесцеремонно придержал его за во-ротник.

— Что ты прочитал?

Заметив, что в синих глазах киммерийца за-жглись недобрые огоньки, Акион забормотал:

— Я не все понял... Ну... там про демонов, охраняющих сокровища... словом, предупреждение. Но мы-то об этом уже знаем...

— И все?

— Все, что я смог разобрать...

— Смотри, колдун!.. Лучше тебе не пытаться обмануть нас! — Конан взял у Хепата факел и шагнул вниз, на лестницу, уводящую в непроядную тьму.

Казалось, что ступени не кончатся никогда. Факел освещал небольшой участок пути, по которому спускались путешественники.

Впереди и позади — абсолютный мрак. Темнота столь густая и затхлая, что начинало теснить дыхание, першить в горле, постоянно хотелось откашляться.

— Мы по этой лестнице спустимся в преисподнюю, — проворчал Конан, — стоило забираться под облака, чтобы потом спускаться к самым корням гор!

— Другого пути нет! — весело сказал Акион, и Конану почудилось, что рядом с ним не старик с безумным взором, а прежний веселый колдун — уверенный в себе балагур, любитель опасных приключений.

Факел стал чадить, мигать. Явственно ощущался недостаток воздуха. Гном, который нес на спине огромную охапку запасных факелов, вспотел так, что капало с носа. Акион стал хрипеть и задыхаться — сказывалась старость. И только Конан выглядел по-прежнему бодрым и свежим, будто не шагал несколько утомительных часов

по темной лестнице, а вышел ранним утром на легкую прогулку.

— Они... — хрипел Акион. — Они пытаются нас задушить...

Спотыкаясь, он едва волочил ноги. Конану пришлось отдать факел гному и поддерживать старого колдуна, повисшего на нем, как плащ на вешалке.

Духота становилась невыносимой. Акион полностью обессилел. Хепат дышал надсадно, со свистом. Присели на ступеньки.

— Если это работа демонов, — начал Хепат, — то ты мог бы что-то сделать! Ты же готовил заклинания!

Акион встрепенулся.

— Да, да... конечно... — он стал что-то бормотать, увеличивая темп. По мере того, как колдун читал заклинания, дышать становилось легче. Факел вновь вспыхнул веселым светом. Конан и Хепат вздохнули, наконец, полной грудью. Акион замолчал и привалился к стене.

— Придется немного отдохнуть, — сказал Конан, глядя на обессилевшего старого колдуна.

— Как долго еще спускаться? — спросил Хепат

— Теперь уже не долго, — отдохнувшись, пропел Акион, — скоро мы вступим в «Затерянные пещеры». Где-то там дракон стережет сокровища... И только победив его, мы сможем пройти дальше — к источнику молодости и короне абсолютной власти...

— Я правильно понял? — Конан слегка усмехнулся. — Вначале мы завладеем сокровищами?

— Да... если победим дракона... Но ты должен пообещать, Конан, что не бросишь меня, когда сокровища будут у тебя в руках... Ведь тебе нужна еще и корона... Ты должен стать королем, Конан...

Киммериец долго молчал. Прислушивался к себе. Хмурил брови. Хепат с тревогой наблюдал за ним. Акион с нетерпением ожидал ответа.

— Клянусь Кромом, я не брошу тебя и помогу добраться до источника! — спокойно сказал, наконец, Конан. — А насчет короны... посмотрим.

— Ну а сокровищ наберем столько, сколько сможем унести, — добавил гном бодрым голосом, — я давно хотел купить небольшой дворец и жить там тихо-мирно.

Спутники поднялись и зашагали по ступенькам. Скоро лестница действительно кончилась. Небольшой проход вел в огромную пещеру. Разноцветные сталактиты в беспорядке свисали со сводов, и пламя факела отражалось в каждом небольшой радугой. По дну пещеры весело журчал ручеек.

— Это явно не тот, что нам нужен, — пробормотал Хепат, пробуя на вкус чистую ледяную воду.

Присев на камень, Акион нахмурил седые брови.

— Теперь, среди сонмища пещер мы должны найти нужную... Я знаю некоторое приметы, но, похоже, что нам придется изрядно побродить...

— А демоны? — спросил Хепат.

— Вначале, я думаю, мы встретимся с драконом...

Конан поднял факел и осмотрелся. Конец длинной пещеры утопал во мраке. В каждой стене виднелось несколько отверстий, ведущих в соседние пещеры. А оттуда — дальше. И так без конца. Блуждать в этих лабиринтах можно было весь остаток жизни.

— Мы не можем бродить наугад! — Конан посмотрел на Акиона. — Думай! Думай, вспоминай, колдуй, но ты должен указать нам точный путь!

Акион поднял скрюченный палец, одновременно с рождением звука.

— Он сам нам укажет! Теперь я понял, почему в свитках не указывали точные ориентиры!

Звук нарастил. Теперь стало понятно, что это яростный рев огромного живого существа. Раз за разом эхом прокатывался по пещерам этот зловещий рык, исторгаемый чудовищной глоткой и огромными легкими. Но после многократного эха трудно было определить место, где находился дракон. Хепат и Акион яростно заспорили. Каждый показывал в другую сторону. Конан постарался вспомнить момент самого зарождения звука... С какой стороны?.. Откуда пришел этот рев? Кажется, прав был Хепат — он показывал, похоже, в нужном направлении. Кроме того, гном лучше людей понимает пещеры...

— Я согласен с Хепатом, — бросил Конан, — пошли!

В течение нескольких часов путешественники бродили по пещерам и переходам. Сворачивали в небольшие ответвления, пробирались узкими тон-

нелями с тем, чтобы вновь выйти в огромные пещеры изукрашенные разноцветными сталактитами и сталагмитами. Еще несколько раз слышался рев дракона, теперь гораздо ближе. Это помогало выбирать примерное направление.

— Дракон почувствовал нас и почти проснулся, — сказал как-то Акион, — он спал двести пятьдесят лет...

— А почему не пятьсот? — полюбопытствовал гном. — Откуда такая точность?

— В тайных свитках, доступных только избранным, я читал, что последний раз пытались добить сокровища двести пятьдесят лет назад.

— А чем это все закончилось — ясно, — проворчал Конан.

— Да, но с ними не было великого воина Конана и великого колдуна... — Акион закашлялся, затем уже шепотом закончил: — Великого колдуна Акиона.

Если этой речью он надеялся воодушевить товарищей, то достиг противоположного результата. Конан угрюмо усмехнулся, а Хепат с презрением посмотрел на согбенную фигуру «великого колдуна» и громко, чтобы все слышали, со стоном вздохнул.

Заночевать решили в небольшой тупиковой пещере. Конан расстелил одеяло, скорее, по привычке, нежели опасаясь чего-то, положил меч у правой руки и мгновенно заснул. Хепат долго укладывался, ворочался, мостился. Затем, подождав, пока приткнется у стены Акион, загасил факел и приготовился погрузиться в сон. Всепо-

глащающая темнота враз накрыла его черным пологом. В этих пещерах не росли светящиеся растения пухо, и темнота была абсолютной. Что откроешь глаза, что закроешь... Можешь даже выколоть — ничего не изменится... Выколоть глаза... интересная мысль... Что если для пробы выколоть глаза Акиону? Как он будет ориентироваться в пещерах? Мысль настолько захватали гнома, что, приподнявшись, он нашупал на поясе кинжал. Нужно только чиркнуть пару раз по глазам — и затем наблюдать... Но Конан... он не одобрят такое поведение... Придется чиркнуть и ему... Ничего, потом я его выведу, и буду заботиться о нем до конца жизни... Ничего... Глаза ему и не понадобятся... Хепат, вытащив кинжал, пытался сообразить, в какой стороне спят его товарищи. Сначала нужно найти Акиона, затем Конана...

Акион, прижавшись к стене, пытался заснуть. В голову лезли странные, чужие мысли. Кто-то настойчиво советовал убить спутников и самому завладеть короной и сокровищами. В самом деле — зачем Конану корона? Он — варвар! Какой из него король? Хотя, нет... король-то из него, как раз получится... Но он и так станет королем... Без волшебной короны... А вот, ему, великому колдуну Акиону, после того как он вернет себе молодость, корона будет в самый раз! Абсолютная власть! Разве не об этом мечтает каждый смертный?! Власть над ничтожными, жалкими пресмыкающимися, которые называют себя людьми! Давить их, собирать налоги, вешать не-

покорных, отрубать головы... рубить, рубить саблей, мечом, топором!.. Где там этот ненавистный гном?! Вздыхает! Он меня — меня! — считает дряхлым стариком! Ничего, у меня еще хватит сил выпустить ему кишки. Ему, а затем и этому самонадеянному киммерийцу! Он, конечно, воин — с этим не поспоришь... Но зачем он мне? У меня будет корона... у меня будет молодость... сокровища... Где мой кинжал?

В этот момент вспыхнул огонь. Конан стоял, высоко подняв факел, и молча смотрел, как два существа с искаженными лицами, в которых уже не осталось ничего человеческого, ползут друг к другу.

— Опомнитесь! — рявкнул он, пиная Актиона в бок. Колдун опрокинулся навзничь, и постепенно глаза его стали осмысленными.

— А ты?! — Конан сгреб Хепата за шиворот и потряс так, что тот уронил кинжал и громко лязгнул зубами.

— Что это было? — прошептал Актион. — Это чужие мысли... Я понимаю... Дракон...

Хепат все еще бессмысленно таращился на огонь, когда Конан спокойно сказал:

— Я почти сразу почувствовал, что в голову мне кто-то лезет. Наверное, и к вам тоже. Дай, думаю, запалю факел, пока они друг друга не перерезали!

— О боги! — стонал колдун. — Я поддался! Я поддался внушению дракона... Как это могло случиться?.. Я стар... Я слишком стар...

— Конан, а что тебе нашептывал дракон? —

Хепат пришел, наконец, в себя, спрятал кинжал и смотрел на друга, виноватыми, собачьими глазами.

— Неважно! — отрезал киммериец. — Важно, что я не поддался! А вы — поддались!

— Давно известно, что драконы умеют уговаривать, — прошептал колдун, — теперь я знаю, как это бывает...

— Отдайте-ка мне кинжалы! Утром получите назад!

Конан положил оружие товарищем себе под бок, и что-то проворчав, вторично приготовился погрузиться в сон. Хепат загасил факел, и пещера вновь погрузилась в темноту.

Утра в темноте, естественно, не было. Первым проснулся Конан, запалил факел и придирично осмотрел спящих товарищем. Впрочем, он уже знал, что ночь прошла спокойно. Дракон не стал повторяться. Это следовало запомнить. Очевидно, старый, мудрый дракон презирает повторные попытки.

Растолкав колдуна и гнома, Конан поднял кинжалы. Если старинный фамильный клинок гнома был ему уже знаком, то на оружие Актиона он взорвался с удивлением. Изящная и грозная вещица с длинным прямым, узорчатым клинком, изрисованным загадочными знаками. Наметанным глазом воин определил, что кинжал колдуна был изготовлен во времена такой седой древности, когда, вероятно, еще даже не зародилась современная цивилизация. От клинка веяло силой, спокойствием, уверенностью. На нем, ка-

залось, остались капельки крови бесчисленных жертв этого грозного оружия, отчего он блестел и переливался в свете факела разноцветными огоньками. На миг Конану почудилось, что кинжал не просто отбрасывает свет, но и сам излучает слабое, мерцающее свечение. Искусно вырезанная из кости рукоятка казалась воздушной, а сверкающие огромные драгоценные камни горели мрачным светом и сами по себе являли целое состояние.

Со странной неохотой протянул Конан колдуна его оружие. Пальцы не желали отдавать кинжал, прилипали к нему, пытались покрепче ухватить, забрать себе, спрятать, скрыть, украсть.

Акцион, конечно, все понял и спокойно наблюдал за борьбой в душе Конана. Он знал свойства своего оружия — этого древнего колдовского артефакта, бесчисленными тысячелетиями передававшегося от учителя к ученику. И с благодарностью глянув в глаза киммерийца, принимая оружие. Он пояснил:

— Я знаю его свойства... Но, поверь, владеть им могу только я. Любой другого он уничтожит.

Передав кинжал законному владельцу, Конан почувствовал облегчение. Встряхнув головой, прогнал остатки наваждения.

— Кто же и когда его изготовил? Какой великий мастер?

— Имя мастера давно утеряно, Конан. По преданию первым владельцем кинжала был великий маг... — и Акцион назвал странно звучащее имя. Такого сочетания звуков ни Конан, ни Хепат ни-

когда не слышали. — Он и помог мастеру изготовить клинок. Помог волшебством, силой магии. Так что, можно сказать, что он его и сделал... Это было задолго до возникновения цивилизации хайборийцев... Этот кинжал видел такое... Если бы он умел говорить... — старый колдун забормотал, зашептал что-то, и Конан заметил, что в его глазах засияли слезы.

Рев дракона вернул Актиона к действительности. Теперь не составляло большого труда определить направление. Чудовище находилось где-то рядом.

Мрачно переглянувшись, товарищи двинулись в нужном направлении. После нескольких переходов через большие пещеры и довольно узкие тоннели, они вышли к необъятной пещере, стены которой к удивлению Конана были обработаны искусными камнетесами. Но каким же ростом обладали эти мастера-камнетесы, чтобы вырезать изящные узоры на своде пещеры, в высоту достигавшей тридцати-сорока метров?! Одна стена пещеры — искусно отполированная — отражала свет факела, переливаясь всеми цветами радуги. В нескольких местах в стене виднелись огромные куски хорошо обработанного кварца. Витые колонны украшали другие стены. По углам высались огромные каменные изваяния чудовищ. Невероятных размеров каменный великан, похожий на того, которого разбудил Конан, воздев руки, поддерживал свод в одном углу. В другом — колossalная змея обвилась вокруг колонны, и смотрела сверху немигающими рубино-

выми глазами. Следующий угол украшал вставший на дыбы огромный слон, у которого из пасты торчали не два, а четыре бивня. И, наконец, последний угол — тот, у которого, выйдя из тоннеля, стояли путешественники, — был украшен драконом, подставившим змеиное тело под свод этой великолепной пещеры. Кроме того, в самом центре также высился исполинский каменный дракон, с распростертыми крыльями и вытянутой шеей, увенчанной головой, величиной с большую крытую повозку, которую смогут сдвинуть с места только пара хороших быков.

Акцион быстро приложил палец к губам, затем шепнул:

— Тот, что в центре — не каменный. Это сторож. Тот самый...

Все трое попятались и укрылись в тоннеле, отойдя на приличное расстояние.

— Но я готов поспорить: он такой же каменный, как и те, что по углам! — негромко воскликнул Конан.

— Те, что по углам... Гиганта ты, надеюсь, узнал? Они тоже... Они спят, покрытые каменной скорлупой, и более глубоким сном, чем тот, наш... Из них сделали украшения, но дракон сможет разбудить их в любой момент... А сам он, — Акцион старческим движением почесал согнутую спину, — сам он... как бы в полуудреме. Но настолько он почувствовал еще ночью... Вероятно, периодическим ревом он уже начал их пробуждать...

— И скоро, стало быть, нам ждать драконьего факела? — Конан нахмурил брови.

— Не знаю, как скоро, но факел будет...

— Ну а где сокровища-то? — перебил Хепат. — Может быть, мы тихо прокрадемся и...

— Предания говорят, что сокровища под ним. Он сидит на плите, под которой находятся те самые несметные сокровища дракона.

— Так нам придется еще и плиту поднимать?! — спросил Хепат, как будто все оставшееся — дело уже ясное и решенное.

Взгляд Конана заставил его заскучать и заняться подготовкой следующего факела. И внезапно все сообразили, что пещера неплохо освещалась.

— Да, — сказал Акцион, — этот свет дают некоторые минералы... Я сейчас понял... Так что, факелы нам пока не понадобятся.

— Ну, хорошо... — Конан поскреб подбородок. — Как нам одолеть дракона? Может, попытаться, пока он не проснулся окончательно...

— Подбежать и отрубить голову? — с мрачной усмешкой закончил Акцион. — Дело в том, что пока он спит — он как каменный, меч не возьмет. А когда разогреется, тогда подойти к нему будет сложно...

— Так какого демона ты нас сюда привел?! — Конан начал не на шутку сердиться.

— И где твои заклинания?! — добавил Хепат.

— Заклинания при мне, — спокойно сказал колдун, — попробуем так: он будет разогреваться, а я постараюсь удержать его в полусонном состоянии до тех пор, пока плоть его не прогреется достаточно, чтобы можно было взять ее мечом.

Внезапно Конан заметил странные действия гнома. Одной рукой Хепат пытался выхватить кинжал, а другой — вогнать его обратно в ножны. При этом он что-то жалобно бормотал, стонал, и из глаз его катились крупные слезы.

— Дракон опять начал свои игры, — Акион тоже заметил состояние Хепата и, сделав несколько плавных пассов, щелкнул пальцами над волосатым ухом гнома.

— А? Что? Опять? — заметался Хепат. — Он приказывал мне убить... Я держался из последних сил...

Акион посмотрел на Конана, пожевал губами.

— Тебе придется присмотреть за ним... Он самый слабый...

— Присмотрю, — угрюмо бросил киммериец и, взяв друга за ворот, поставил его, как кувшин, рядом с правой ногой.

— Теперь так, — Акион выпрямился, глаза его горели, движения стали точными и уверенными, — я буду держать дракона, пока его плоть не станет мягкой... Как только дам знак — тогда вперед! Но я уже помочь ничем не смогу.

Колдун сосредоточился и монотонно забормотал заклинания. Затем, делая плавные магические жесты в сторону пещеры, начал что-то напевать. Солнечная волна ударила в голову Конана. Хепат заснула мгновенно. Акион отсыпал сонные заклинания в сторону дракона, но мощь их была так велика, что Конану приходилось трясти головой, растирать лицо ладонями, прохаживаться взад-вперед по тоннелю, словом делать все, что-

бы не поддаться чарам, навеваемым враз помоло-девшим колдуном.

Трудно сказать, сколько времени Конану пришлось бороться со сном. Казалось, что прошла вечность. Наконец, колдун кивнул — пора. Киммериец обнажил меч и двинулся в пещеру, успев краем глаза заметить, как зашатался и рухнул позади Акион.

Скользящим шагом Конан пробежал по тоннелю. В пещере, похоже, ничего не изменилось — дракон все так же восседал в центре, вытянув шею. Только из пасти его тянуло дымом. Беловатый дым завивался кольцами и уплывал под ук-рашенные резьбой своды.

«Не спеши, герой, — услышал вдруг Конан грустный, проникновенный голос у себя в голове, — не спеши, мы можем договориться...»

Конан молча направился к дракону.

«Колдун обманул тебя, герой, — продолжал дракон, — в соседних пещерах нет короны абсолютной власти. Есть только источник молодости. Он-то и нужен колдуна. А короной он просто заманил тебя, чтобы ты добыл ему мои сокровища.»

Конан прошел почти половину пути. Дракон явно находился в заторможенном состоянии. Но уговаривать он мог и пользовался этой возможностью.

«Колдун оставил для тебя заклинание остановки сердца, — грустно произнес дракон, — как только ты убьешь меня и добудешь сокровища, он воспользуется им! Он несколькими словами

остановит твое сердце, герой, потому что ты ему будешь уже не нужен!»

Конан шел вперед, но на лице его появилось задумчивое выражение.

«Он вынужден будет убить тебя, ибо ты можешь спросить его — где же обещанная корона? Он убьет тебя, герой, убьет...»

Конан уже почти достиг плоского постамента, на котором восседал дракон.

«А корону ты можешь завоевать с моей помощью, — дракон продолжал уговаривать Конана и делал это весьма убедительно, — мы заключим с тобой договор: я отдаю тебе одну треть сокровищ, а это больше, чем смогут унести десять волов, затем помогаю сесть на трон любой страны, по желанию. Поверь, мне нетрудно будет появиться над столицей, посеять панику, истребить половину войска и убить короля. Короли — слабые люди. Да он сам себя зарежет! Ты ведь узнал теперь, что я умею делать со слабыми людьми? Король умирает, страна в панике, тут появляешься ты и спасаешь государство. Ты — король! И у тебя будет столько сокровищ, что ты сможешь набрать самую сильную армию и завоевать весь мир! Я и в этом смогу тебе помочь! А сокровища — треть того, что я накопил за многие тысячелетия, — я сам принесу тебе, ибо ты не сможешь их отсюда унести. Подумай — даже если ты убьешь меня, ты не унесешь сокровища!»

Конан вплотную подошел к дракону. Гигантское тело, покрытое прочной чешуей, обдавало жаром. Из полуоткрытой пасти валили густые

клубы дыма. Еще немного, и огненный факел — знаменитый факел драконьего пламени — испечет заживо любого, на кого уставится тусклый глаз чудовища.

«Ну что, герой? Ты согласен заключить договор с драконом? Имей в виду — многие короли древности только так и садились на трон! Только заключив договор! Соглашайся! Соглашайся, пока не поздно!»

В последних слова дракона уже не было грусти. Звучала, скорее, радость, злорадство, удовлетворенность тем, что удалось в душе героя посеять сомнение, удалось немного замедлить его шаг, протянуть время.

Еще немного, и сонная пелена, навеянная колдуном, окончательно спадет, тело разогреется, и тогда герой перед смертью горько пожалеет, что пришел сюда с мечом в руке!

Конан прикинулся расстояние до вытянутой шеи дракона — мечом достать можно, но с трудом. А если он поднимет голову... От тела чудовища веяло жаром, как от раскаленной печки.

Голова дракона стала медленно поворачиваться. Тусклые глаза прояснились. Конан, размахнувшись, нанес удар, в который вложил всю силу. Лезвие меча глубоко вонзилось в шею чудовища. Дракон издал хриплый рев. Из раны фонтаном брызнула черная кровь. Закончить дело необходимо вторым, точным ударом. Трудность состояла в том, чтобы попасть в то же место. Только в этом случае можно было надеяться отрубить дракону голову.

Краем глаза Конан увидел, как сбоку поднялась огромная когтистая лапа. Отскакивая в сторону, богатырь заметил, что из пасти дракона уже вырывается пламя. На короткий миг они встретились глазами — человек и дракон. И в тот же миг место, где секунду назад стоял Конан, было опалено огнем. Почернели и потрескались камни. Пещера наполнилась дымом. Невзирая на страшную рану на шее, дракон, хоть и с трудом, но поворачивал голову, пытаясь накрыть ускользающего гиганта огненным факелом. Конану приходилось постоянно перебегать с места на место, прыгать, делать финты и неожиданные повороты. Жара, наполнившая пещеру, мешала дышать, пот заливал глаза.

— В то же место, — бормотал Конан, наблюдая за поворотами головы чудовища, — в то же место... иначе...

Наконец, представился случай. Сдевав вид, что собирается броситься в одну сторону, Конан резко прыгнул в другую, и глазам его открылась огромная рана на шее чудовища. Кровь уже не текла и похоже, что рана начала затягиваться тонкой кожей — дракон восстанавливался на удивление быстро. Собравшись с силой, Конан с выдохом ударил мечом в старую рану. Раздался хруст перерубаемых позвонков. Дракон издал странный каркающий звук, и голова его, отделенная от туловища, со стуком упала на камни. Из обрубка шеи вырвался фонтан черной крови и мощная струя пламени. Конан отпрыгнул. Шея чудовища моталась в разные стороны, поливая

пещеру кровью и пламенем. Наконец, дракон захлопал крыльями, забился, завалившись на бок, как курица, которой хозяин отрубил голову. Лапы, увенчанные огромными кривыми когтями, царапали воздух. Змеиный хвост непрерывно свивался кольцами. Дракон, в агонии сполз с плиты, под которой, по словам Актиона, таились несметные сокровища и, наконец, стал затахать.

Конан вытер рукавом заливающий глаза пот. Присел на камень. Поискал глазами, чем обтереть меч. Ничего не нашел. Только вот, разве что — вытереть о кожистые крылья... Ладно, это потом... чуть позже.

— Конан, Конан! — Хепат был уже рядом и со слезами обнимал друга. — Как ты его!.. Раз! И голова!..

— А где же Актион? — устало спросил киммериец.

— Актион... — гном замялся. — Он ушел... пока я спал... он, вероятно... словом, его нет.

— Значит, дракон был прав? — спросил себя Конан, глядя при этом на ничего не понимающего гнома.

И медленно пояснил:

— Дракон говорил мне, что никакой короны нет, сокровища нам не унести, а колдуну нужен только источник... А мы теперь ему не нужны...

— Может и так, — грустно сказал Хепат, — но мы все же попробуем достать сокровища, так ведь?

— Попробуем... конечно, попробуем... — ответил Конан.

* * *

Акцион настороженно огляделся. Кажется, где-то здесь. Именно в этой невзрачной, небольшой пещере, совсем недалеко от той, где сейчас Конан с Хепатом надрываются, пытаясь сдвинуть плиту, должен выходить на поверхность тот самый ручеек... Источник молодости... Небольшой ручеек красного, как кровь, цвета. Он даст силы старческому телу, он вернет молодость, он заставит кровь разогреться... Где же он, где?

Колдун обследовал все закоулки... Те предупреждения на стене... Их надо учесть... Конан тогда догадался, что великий колдун Акцион, конечно, прочел таинственные надписи, сделанные на древнем, очень древнем языке...

Акцион полз на четвереньках вдоль стены. Жаль, что он захватил с собой только три факела... может не хватить. Здесь несколько похожих пещер... И в которой из них источник?.. А если не хватит факелов, придется вернуться к этим простакам — киммерийцу и гному, покаяться... или сказать, что заблудился...

Колдун стонал с досады. Демоны?.. Может, все же, несмотря на охранительные заклинания, демоны сумели отвести глаза? Повредить ему они не в состоянии, но отвести глаза, пожалуй, смогут...

Акцион погасил факел и в полной темноте на ощупь стал искать живительный источник. Он выходит на поверхность где-то в самом углу одной из пещер.... По всем признакам, в этой...

* * *

— Нам не сдвинуть эту плиту, — устало сказал Конан, присаживаясь на ладу поверженного дракона.

Хепат молча жарил на пламени факела куски драконьего мяса.

— Мы даже не знаем, плита это, или просто огромный камень, — продолжал Конан мрачно, — верить колдуну теперь нельзя... Нужно обследовать все закоулки пещеры... Может, хоть чем-то удастся поживиться — не возвращаться же с пустыми руками...

Хепат попробовал мясо дракона, пожевал и выплюнул:

— Ему же не меньше нескольких тысяч лет! Битый час его жарю, а он все как дерево! А у нас в племени говорили, что жаркое из дракона очень вкусное и лечит от девяноста девяти болезней!

Крякнув с досады, Конан отправился исследовать пещеру, оставив гнома жарить куски «деревянного» мяса.

Пещера была настолько огромной, что для полного обследования ее потребовалось бы много дней. Поэтому Конан, вначале решил ограничиться беглым осмотром — нет ли не слишком заметных ходов, тоннелей, скрытых от глаз, скажем, массивной фигурой великаны, или слона-гиганта. Осторожно заглянул за спины спящих в каменной скорлупе исполинов. Проверил стены — не *ди* хорошо подогнанных, незаметных

дверей. Наконец, исследовал многочисленные колонны — нет ли за ними тайных ходов.

Ни ходов, ни дверей не было. Разочарованный вернулся Конан к Хепату, за обе щеки уплетавшему огромный кусок драконьего мяса.

— Ты только попробуй, — гном протянул другу другой кусок, никак не меньше того, с которым он пытался справиться, — оказывается, его нужно просто подольше жарить! И тогда оно становится мягким и очень вкусным!

— О боги! — воскликнул Конан. — Тебя интересует что-нибудь еще, кроме жратвы?!

— Ну, конечно, — грустно ответил Хепат, — интересуют сокровища... Только теперь ясно, что мы их не добудем... Так хоть наестся вволю, перед обратной дорогой.

Конан молча кивнул и приступил к трапезе. Драконье мясо оказалось действительно очень вкусным, мягким и сочным — его нужно было просто подольше жарить...

* * *

Первая, еще смутная мысль, посетившая существо после того, как оно стало выходить из оцепенения, была вялой и неокрепшей. Кто-то сковал его, заставил уснуть и видеть отвратительные сны. Ужасные, липкие сны. И это жгучее желание проснуться!.. Этот кошмар навязанного извне сна!.. Но теперь в голове существа, будто ветер разгонял клейкую, опутывающую дрему! Теперь уже скоро... Скоро оно овладеет всей сво-

ей мощью, и тогда ему не поздоровится — этому жалкому смертному! Еще немного!.. Только бы успеть!.. Только бы успеть сбросить с себя оцепенение, пока он не нашел то, что ищет!.. Конечно, существо, уже погружаясь в колдовской, навеянный заклинаниями сон, сумело спрятать то, что ищет этот смертный... Но все же... Все же он не так прост, он сильный колдун... он может сообразить... и найти...

* * *

Активон полз кромешной тьме, ощупывая руками каждый камешек, каждую впадину вдоль стены пещеры. Пробуждение демона он почувствовал в тот момент, когда его старческие ладони окунулись в холодную влагу небольшого ручейка. И тотчас руки будто опалило огнем. Это он! Это источник молодости! Колдун, не зажигая факела, торопясь, припал потрескавшимися губами к обжигающей влаге. Успеть!.. Успеть возродиться, обрести молодость и силы, пока демон-хранитель не проснулся окончательно!..

* * *

Насытившись, Конан решил продолжить осмотр пещеры — на сей раз более тщательно. И начать следовало с той самой плиты, на которой вossaдел дракон. Конечно, плиту Конан и Хепат осмотрели сразу же после гибели дракона, но все же... еще раз осмотреть, прокурить, поискать

скрытый камень, надавив на который, можно все же открыть сокровищницу... Если, конечно, колдун не соврал, и под плитой действительно лежат сокровища.

Медленно продвигаясь вдоль кромки, Конан углубился в изучение тончайших трещин огромного монолита...

* * *

Существо, наконец, проснулось окончательно. Осознало себя. Овладело волей и энергией. Потчувствовало свою мощь. Раскинув энергетические щупальца по многочисленным большим и малым пещерам, мгновенно оценило обстановку.

В пещере дракона двое смертных. Один пытается найти несуществующий ключ к сокровищнице, другой коптит мясо погибшего дракона. Дракон был слишком стар и неповоротлив... Все произошло так, как, в конце концов, и должно было произойти — пришел герой и убил старого, отупевшего, постоянно сонного монстра. Правда, герою немного помог колдун. Тот самый ненавистный колдун, который осмелился наслать на него — великого стража пещер — коварный волшебный сон! Где же он, этот колдун? Энергетические усики потянулись дальше, закручиваясь, пронизывая пространство в разных направлениях. Где же он? Где он укрылся? Как смог он укрыться от невидимого, всепроникающего луча?!

И внезапно демон познал страх. Укрыться он мог только в одном случае — если вернул моло-

дость и с ней получил те огромные силы, которые дает источник! В этом случае, поединок, если он состоится, вполне может быть проигран! Существо втянуло усики и погрузилось в размышления.

* * *

— Похоже, что нет никакого тайного камня, никаких противовесов, — проговорил Конан с досадой, — да и зачем дракону эти ухищрения, если он мог сдвинуть плиту одним когтем?

— Понятно, — вздохнул Хепат, — что ж, будем собираться в обратный путь?

— Пожалуй... — Конан окинул взором пещеру. Что-то задержало его взгляд. Что-то изменилось в углу, где гигантская змея обвивала колонну.

Хепат, заметив направление взгляда друга, также стал всматриваться. Прищурившись, он пробормотал:

— Змея, кажется, поддерживала головой свод пещеры...

— Точно! — воскликнул Конан, — А теперь она не касается свода! Змея повернула голову!

— И немного опустила, будто хочет разглядеть, кто тут хоряничает... — Гном поспешил стал упаковывать походные сумки.

Раздался треск. Вначале слабый, будто где-то далеко лопались веревки... или же трескались камни.

Затем на пол пещеры посыпались мелкие камешки. Скорлупа осыпалась с огромного гада,

как песок с высыхающей лошади, после того, как она, искупавшись, вдоволь повалялась, покаталась на прибрежном, горячем песке.

* * *

Существо недолго терзалось сомнениями. Если с колдуном ему справиться будет трудно — пусть это сделает кто-нибудь другой. Например, змея. Хватит ей цепенеть в сонном ожидании... А он, демон-страж, поможет, поддержит в змее нужный уровень активности, нейтрализует колдовские заклинания... Это будет сделать легко. Вот если бы колдун направил заклинания не него — как раньше... Да при теперешней силе, данной ему источником!..

Но колдовство, направленное на змею, можно будет спокойно блокировать... И это принесет победу!

Нужно только заставить змею найти колдуна!

* * *

Конан и Хепат не стали дожидаться окончательного пробуждения огромного гада. Вскинув на плечи сумки, они устремились к выходу. Звук камнепада позади нарастал. Товарищи спешили изо всех сил. Вскоре послышалось, многократно усиленное эхом, шипение. Огромная змея, очевидно, окончательно проснулась.

— Чем же она теперь займется? — поспешая за другом, спросил задыхающийся Хепат.

— Скорее, не «чем», а «кем», — мрачно ответил Конан. — Боюсь, что скоро она нас догонит...

— А может, она с голодухи начнет есть дракона?

— Я бы на это не рассчитывал, — Конан широко шагал, почти волоча за собой гнома.

Пройдя несколько пещер, товарищи остановились. Необходимо было сориентироваться. Хепат покрутил длинным носом.

— Мне кажется, нам туда, — он указал крючковатым пальцем в нужном направлении и застыл, открыв рот.

Из тоннеля, расположенного метрах в десяти, к ним вышел стройный юноша. Легким шагом он подошел ближе и широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. Гордое чело его венчала сверкающая корона, состоящая, как с удивлением заметил Конан, сплошь из драгоценных камней невероятной величины. Казалось, что камни должны держаться на прочной нитке, как держаться бусинки в ожерелье, но киммериец был уверен, что никакой связующей нити нет. Камни соединяло нечто иное — волшебство, магия.

Корона абсолютной власти! Значит, она все же существует! Несомненно, перед ними предстал вернувший молодость Актион! Он нашел источник и корону!

Юноша, в лице которого было так много знакомого, все еще лучезарно улыбался.

— Я не думал, Конан, что встречу тебя на обратном пути! Мне казалось, что ты еще долго будешь пытаться сдвинуть плиту! — И колдун захотел уже знакомым визгливым смехом. Имен-

но так он смеялся, когда оставлял Конана и Хепата в нижних пределах, завладев костью демона Уробаха, и собираясь улететь царствовать в Иранистан.

— Так все же, есть там сокровища, или нет? — спокойно спросил Конан.

— Есть, конечно! — Атион вновь захохотал. — Я не обманул!

— Но ты с самого начала знал, что плиту сдвинуть невозможно?! — с негодованием заметил Хепат.

— Конечно, друг мой, конечно! Но мне требовалась сила и отвага Конана. Пришлось пойти на маленькую хитрость — кое о чем умолчать. Всего лишь — умолчать!

Колдун упивался хвастливыми речами. Он, как бродячий актер, стоящий на наспех сколоченной сцене, любовался собой, изливая на слушателей пышные словеса.

— Не переживай, Конан, что тебе не досталась корона абсолютной власти, — продекламировал Атион, — она досталась более достойному во всех отношениях человеку — мне! Пусть это послужит тебе утешением.

— Да я и не переживаю, — усмехнулся Конан, в тоже время напряженно прислушиваясь.

Колдун внезапно помрачнел. Теперь он уже не походил на актера в приступе самолюбования.

— Я вижу, герой, что у тебя будет свое королевство... Этого ты достоин, так же, как и я... Так что тебе и не к чему эта волшебная корона... — Он с благоговением прикоснулся тонкими паль-

цами к сверкающим камням. Огромный алмаз, сияющий в центре короны, при этом вспыхнул, и по пещере побежали веселые блики. Соседние камни — темно-красные рубины — также осветились изнутри и заиграли кровавыми отблесками.

Хепат удивлялся спокойствию друга — всегда такого вспыльчивого.

— Мы, конечно, можем пройти обратный путь вместе, — вновь продекламировал колдун, — однако, я думаю, это лишнее. Наше перемирие закончилось. Но я не советовал бы объявлять мне войну, герой! Теперь, когда я обрел молодость и невиданную силу, даруемую источником!

А Конан слышал шуршание в тоннеле, по которому они только что пришли. Будто катилась огромная винная бочка. Как бы в задумчивости он прошел мимо колдуна. Затем еще немного вперед, стараясь встать так, чтобы на пути змеи первым оказался Атион. Гном, не понимая маневров друга, следовал за ним по привычке, как привязанный.

Атион с любопытством следил за передвижениями Конана, полагая, очевидно, что тот собирается напасть и выбирает лучшую позицию.

— Я не советую тебе хвататься за меч, герой... — начал он. Конец фразы колдуна потонул в шипении огромной змеи, черным потоком скользнувшей в пещеру.

Голова гадины нацелилась на Атиона. Он стоял ближе, и он был тем самым ненавистным существом колдуном. Голос существа постоянно звучал в голове змеи. Он пашептывал, направ-

лял, разжигал ненависть, заставлял окончательно проснуться и броситься в погоню.

Словно при вспышке молнии понял Акион маневры Конана, его спокойствие. Воздев руки, колдун забормотал заклятие, и огромная голова змеи со стуком упала на каменный пол. Но тут же вскинулась, и ее кровавые глаза вновь уставились на врага. Тело огромного гада напружинилось, приготовившись к броску. Акион с исказившимся лицом вновь бросил заклятие в огромную полуоткрытую пасть, из которой выстреливал раздвоенный язык толщиной с человеческую руку. На сей раз змея только слегка каснула головой и с быстротой летящей стрелы обвила колдуна мощными кольцами.

Конан с Хепатом, предусмотрительно отойдя в сторону, наблюдали за схваткой.

Огромная змея полностью покрыла тело человека блестящими, шевелящимися, черными кольцами. Виднелась только голова колдуна с вытащенным глазами, в сверкающей, переливающейся всеми цветами волшебной короне. Акион из последних сил, чувствуя, как ломаются, сминаются кости, попытался выкрикнуть заклятие, но из горла его вырвался только предсмертный хрип. И в следующее мгновение через открытый рот красной кровавой кашей потоком хлынули внутренности, выжимаемые из тела невероятной силой огромной змеи.

Одновременно со смертью колдуна, упала и рассыпалась на сверкающие камни волшебная корона.

Змея медленно разжала объятия и стала заглатывать добычу. Огромные камни, составляющие ранее корону абсолютной власти, вспыхивали вокруг маленькими солнцами.

— А вот и наша добыча, — пробормотал Конан и осторожно стал собирать камни. Хепат, стараясь держаться подальше от извивающегося хвоста гигантской змеи, присоединился к нему, и вскоре сокровище было надежно упаковано в походную сумку.

— Теперь нам, пожалуй, пора, — бросил Конан, наблюдая, как исчезают в пасти змеи ноги Акиона.

Быстрым шагом друзья направились в соседнюю пещеру.

* * *

Существо, наблюдая, как воин, сумевший победить старого дракона, и его малорослый спутник уносят камни рассыпавшейся волшебной короны, раздумывало, как поступить. Должность стража обязывала беречь источник и корону. Но источник они, судя по всему, искать не собирались, а короны абсолютной власти больше не существовало, ибо сумевший завладеть ею человек был умерщвлен. Сила короны начала действовать, а личность, носившая ее, исчезла. Волшебство рассеялось. Правда, камни, когда-то составлявшие корону, имели огромную ценность сами по себе, но ведь существо не являлось стражем сокровищ!..

* * *

Конан и Хепат пробирались чередой пещер и тоннелей. Некоторые пещеры казались знакомыми — возможно, они шли в верном направлении. Но, попадая в другие подземные залы, друзья понимали, что здесь они никогда не были. Оставалось надеяться на удачу. И киммериец, и гном хорошо понимали, что блуждать в подземных переходах можно вечно. Точнее, до тех пор, пока не догорит последний факел. Дальше темнота и смерть.

— Да, жалко нет с нами того кота, что вывел нас из лабиринта, — вздохнул Хепат, — сейчас бы он очень пригодился.

— Лучше смотри, куда отклоняется пламя, — проворчал Конан, — там должен быть хоть какой-то выход.

— Ну да, придем, а там отверстие наверху, под самыми сводами... не допрыгнем!

— Ну, тебя-то я подброшу, — усмехнулся Конан, — ты зацепишься и бросишь мне веревку... Сколько у нас осталось факелов?

— Три, — мрачно ответил гном. Затем хотел что-то добавить, но так и застыл с открытым ртом, уставившись в сторону одного из боковых тоннелей.

Глянув в том направлении, Конан заметил человека, окруженного странным мерцающим светом. Человек был молод, строен, оружия при себе не имел и передвигался легкой походкой хорошо отдохнувшего, спытного ходока.

Странный ореол прекрасно освещал дорогу впереди и позади человека, который, очевидно, давно заметил Конана и Хепата и направлялся к ним.

— Я же говорил, Конан, что мы еще не раз встретимся, — весело сказал светящийся человек. — Я Эскиламп, лучший ученик Актиона.

— Я тебя помню, — ответил Конан.

— Как я понимаю, вы немного заблудились, — любезно продолжал колдун, — я помогу вам найти верную дорогу. Но вначале расскажите мне, как умер мой учитель.

— Твой учитель, — воскликнул Хепат, — был обманщиком!

— Все мы иногда вынуждены обманывать кого-то, — задумчиво произнес колдун. — Расскажите мне о его смерти. Я ее почувствовал... Я должен позаботится о теле и найти кинжал. Этот кинжал переходит от учителя к ученику многие тысячелетия.

— Насчет кинжала я знаю... — Конан вспомнил древний клинок. — А о теле его уже позабыли...

— Кто?

— Огромная змея!

— Так он погиб, сражаясь со змеей?

— Не столько сражаясь, сколько спасаясь от нас... а змея напала внезапно.

— Почему же он от вас спасался? А, понимаю... Он вас обманул...

— Именно! — затараторил Хепат. — Он обещал Конану корону абсолютной власти! А надел

ее себе на голову! Тут его и задушила змея! А корона-то сразу распалась на отдельные...

Заметив хмурый взгляд друга, гном с негодованием засопел и умолк.

— Корона распалась? — задумчиво проговорил Эскиламп.

Затем пристально посмотрел на Конана и на дорожный мешок за его плечами. Киммериец спокойно выдержал взгляд догадавшегося обо всем колдуна.

— Значит, короны абсолютной власти больше не существует... А источник молодости мой учитель нашел?

— Нашел и здорово помолодел! — подтвердил Хепат.

— Источник дает не только молодость, но и силу, — ореол вокруг колдуна померк, когда он присел на камень, в задумчивости подперев кулаком подбородок, — значит, против него действовал кто-то еще, очень могущественный... Он и помог змее... Очевидно, демон-хранитель. Ладно, разберемся на месте!

Колдун вскочил, и свет вокруг него вспыхнул с новой силой. Он соединил ладони коробочкой, как бы заключив внутри часть ореола. Прошел тал заклинание. С видимым усилием сжал ладони и выпустил небольшой светящийся шарик, застывший в нескольких шагах от Конана.

— Идите за светом. Он приведет вас к лестнице. Там уж дорогу найдете сами! — Эскиламп сверкнул улыбкой и легким шагом направился в глубину пещеры.

Шарик медленно поплыл в противоположную сторону.

— А можно ли ему верить? — проворчал Хепат. — Может, этот свет нас заведет...

— Я думаю, верить можно... — буркнул Конан. — Во всяком случае, в этом деле.

— Конан! — крикнул Эскиламп с другого конца пещеры. — Я чуть не забыл тебя предупредить: камни от короны через месяц начнут тускнеть, а через год превратятся в обычный булыжник! Так что продавай их поскорее! И лучше по дальше отсюда!

Конан и Хепат обменялись мрачными взглядами.

— Ну что ж, — гном почесал затылок, — покупку дворца придется отложить, а камни эти сбыть как можно быстрее.

— Но у нас впереди целый месяц! — Конан похлопал друга по плечу. — Я так давно не пил хорошего вина!

И он широким шагом направился за манящим шариком завораживающего чистого света.

Маги Зингары

онан, варвар из Киммерии, вывалился из влажной духоты таверны на свежий воздух, неуверенными шагами пересек двор и с немалым облегчением прислонился к воротному столбу. Зингарский городок Палентия, куда занесло на этот раз неугомонного киммерийца, располагался на реке Алимана, чуть выше по течению от слияния ее с полноводным Хоротом.

Смеркалось. Прожаренный солнцем город не успевал остывать за ночь, и вечер не приносил прохлады. Варвар был пьян — не так, чтобы упасть бесчувственной колодой, но и оставаться на ногах стоило ему немалых усилий. Он был сыт, пожалуй, даже слишком, менее крепкий желудок вряд ли выдержал бы такое, но киммериец в своих походах слишком часто голодал или питался сухим куском хлеба, чтобы без сопротивления уступить в борьбе с тошнотой.

— Проклятая жара, — проворчал Конан, стирая с мокрого лица пот широкой ладонью.

— Принести тебе воды? — живо поинтересовался отиравшийся во дворе таверны босой подросток в широких шароварах, пестрой головной повязке и старом изодранном халате.

— Не надо, — отказался киммериец.

— Тогда не уделишь ли ты мне пару медяшек просто так? — не растерялся его юный собеседник. — Сегодняшнего сбора мне хватит либо на ужин, либо на оплату ночлега. А это далеко не тот выбор, который доставляет человеку большее удовольствие.

— Возьми, — Конан порылся в висячем на пояске кошельке, выбрал среди нескольких серебряных монет медную мелочь и протянул побирушке.

— Тысяча благодарностей, благородный господин!

— Ты это о ком? — Киммериец с преувеличением вниманием заозирался по сторонам.

— Э, те господа, которые сами почитают себя благородными, — усмехнулся подросток, — они не жалеют золота на побрякушки, но редко подают медь беднякам. Твой дар куда щедрее, ведь дан от малого. Я же вижу, что твой кошелек не распух от денег, варвар.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии, — он сделал усилие над собой и сконцентрировал свой взгляд на собеседнике. Тоненькая фигура скрыта халатом, лицо — то ли миловидное мальчишеское, то ли девичье с несколько неправильными и резкими чертами.

— Как тебя зовут, девочка?

— Вивейн. А у тебя верный глаз, Конан из Киммерии.

— Что есть, то есть. А чего нет, того нету...

— Ладно, Конан, пока!

Вивейн пошла прочь, а Конан повернулся на встречу легкому дуновению ветерка и шагнул за ворота, стараясь не упустить благословенную прохладу.

— Конан, берегись! — звонкий голосок резанул воздух.

Киммериец качнулся в сторону, поворачиваясь навстречу неизвестной опасности, деревянная дубинка подкравшегося сзади грабителя промелькнула мимо его головы, ударила по плечу и соскользнула вниз.

Могучий кулак Конана, направленный в лицо нападавшего, мог уложить и быка. Если бы попал в цель... Грабитель быстро присел, ловким движением сорвал с пояса киммерийца кошелек и кинулся в сторону. Конан ринулся за ним, наткнулся на подножку и с проклятиями обрушился на землю. Когда он поднялся на ноги, грабитель уже скрылся в переулке.

— Ну как, ты цел? — Вивейн вернулась к киммерийцу, который решил не устраивать в темноте гонку с препятствиями.

— Да, ты вовремя меня окликнула. Ты знаешь, кто это был?

— Нет. Внешность у него была вполне себе неприметная, не то что у тебя.

Слуга из таверны подошел к ним:

— Пора уже закрывать ворота, заходите во двор.

Конан с Вивьеर пошли к дому.

— А не боишься, — спросил варвар, — что этот грабитель захочет потом тебе отомстить? Он тебя не трогал, а ты ему помешала.

— Я же вижу, что ты здесь живешь уже несколько дней, а нападал на тебя какой-то залетный грабитель. Если бы он был местный, то мог бы мстить. Да и промолчи я — ты мог бы принять меня за наводчицу. А это не так.

— Хорошо, — пробурчал Конан.

Они вошли в таверну, киммериец подсел к столу и очистил место для девушки:

— Садись, угощайся.

Вивейн не заставила себя долго уговаривать и накинулась на остатки обильной трапезы. Собутыльники варвара к этому времени уже разбрелись из-за стола — кто спать, кто искать приключений на свою шею. Конан посидел за столом, допил остатки вина из своей кружки и оглядел помещение, где прислуга уже прибирала столы.

— Можешь переночевать сегодня в моей комнате, — сказал он Вивейн.

Та медленно отложила недоеденный кусок:

— Ты считаешь, что я из тех девушек, которые спят с первым встречным?

— Что? А ты считаешь, что я способен домогаться малолетней девочки?

— Ты это нарочно меня дразнишь?

— Нет. Если бы мне сейчас была нужна женщина, я бы ее нашел. Но я хочу спать, а ты мо-

жешь принимать мое приглашение, а можешь договариваться с хозяином о ночлеге сама. Мне это уже все равно.

Конан неторопливо поднялся из-за стола и, попшатываясь, отправился к своей комнате. Вивейн быстро собрала куски со стола в тряпичную сумку и последовала за ним.

На следующее утро Конан проснулся поздно, Вивейн в комнате уже не было. Киммериец перебрал свои вещи и, вздохнув, отправился к хозяину таверны.

— Максус, — сказал он ему, — вчера я немногого перебрал лишнего...

— Ты хочешь опохмелиться, киммериец?

— Нет, я не о том. У меня вчера сорвали кошелек...

— У тебя? — изумился хозяин. — И ты не вырвал свой кошелек у этого смельчака вместе с его руками?

— Не успел.

— Напрасно, ей-ей, напрасно! Но чего же ты от меня хочешь? Чтобы я поймал этого ловкача? Извини, но это не по моей части, приятель.

— Дай мне сказать хотя бы одно слово! — рявкнул раздраженный варвар.

— Говори, конечно.

Конан подозрительно посмотрел на Максуса. Тот выжидающе молчал с выражением искренней заинтересованности на хитрой физиономии.

— Я оказался без денег, хотя рассчитывал прожить тут еще несколько дней, пока необходимость искать заработок не станет для меня на-

сущной необходимостью. Ты позволишь мне пожить у тебя, пока я не раздобуду денег?

Максус посерезнел:

— Не пойми меня неправильно, Конан, я не сомневаюсь, что ты честно расплатишься со мной, но мало ли что может случиться с человеком? Я дам тебе неделю, но за это ты заплатишь мне вдвое. Если у тебя все будет хорошо, то эта лихва тебя не разорит, так ведь?

— Хорошо, Максус. Меня это устраивает. Но скажи, ты можешь мне посоветовать, где искать заработок в вашем городе?

— На самом деле это тяжелый вопрос, — ответил хозяин таверны. — Не так уж много сейчас работы.

— Брось, Максус! Неужели такой человек, как я, не найдет заработка? Или в Палентии не осталось богатых людей, которым нужен телохранитель? Или заезжие купцы не набирают охрану для торговых караванов? Или в вашем войске не найдется места для такого воина, как я?

— Не знаю, не знаю... Ты боец, каких мало, кто бы спорил. Таких, можно сказать, и вовсе нет. Но понимаешь, для богатого человека важнее верность и преданность телохранителя, а не способность к великим подвигам. Купцы сейчас редко берут наемников, довольствуются охраной из солдат. А в войске сейчас больше ценится послушание и готовность исполнять приказ командира, чем воинское мастерство и сила бойца. Ты же не станешь выполнять дурацких приказов, так ведь?

— А что, без дурацких приказов войско сейчас никак не обходится?

— Никак, — покачал головой Максус. — Чтобы воин без промедления исполнял приказ командира, он должен научиться повиновению без размышления.

— Хотелось бы посмотреть на таких воинов, — презрительно проворчал Конан.

— А сходи, посмотри.

— Ладно.

Есть Конану не хотелось, он выпил ковш воды, чтобы унять жажду после вчерашнего, и пошел прогуляться по городу. Те несколько дней, которое он провел в Палентии, прошли в сплошном загуле, и сейчас он впервые внимательно глядел по сторонам, запоминая расположение улиц и лавок торговцев, мастерских и казарм, прикидывал возможные места для кражи и пути для бегства.

Жизнь в Палентии кипела. Работали мастерские, ехали по улицам телеги с грузом, а таверны и пекарни обдавали прохожих вкусными запахами. Но Конан отметил про себя обилие городской стражи и немалое количество людей праздношатающихся, в чем-то неуловимо похожих на него самого — ищущих легкий и быстрый заработок.

Киммериец повернулся к реке. На речной пристани среди множества лодок возвышались два больших корабля, один стоял под погрузкой товаров, второй готовился к отплытию. Рабирийские горы, отделявшие Зингару от Аргоса, делали реку основным путем для перевозки товаров

из восточных провинций Зингары. За торговой пристанью виднелись горы бревен, предназначавшихся для корабельщиков Аргоса.

Конан повернулся назад и вскоре остановился у открытых ворот казармы. Широкий двор оглашали резкие команды и ругань сержантов, гоняющих новобранцев.

Зрелище это сначала немало позабавило варвара, но потом ему стал понятен смысл происходящего. Солдата приучали мгновенно выполнять приказ и отрабатывали выполнение всего лишь нескольких боевых приемов — колющий и рубящий удар, защита и атака в сомкнутом строю. Ни один из этих солдат не мог бы рассчитывать на победу в единоборстве с настоящими воинами, но в сплоченном строю они могли одолеть самого сильного противника. Пока бьешь одного, получаешь удар от другого. Даже если прорубиться через защиту и вломиться в их строй, тебя тут же ударят с двух сторон сразу. В таком войске действительно не имели большого значения сила и ловкость киммерийца — сила строя заключается в его сплоченности.

Конан повернулся было, чтобы идти дальше, и наткнулся на Вивайн.

— Привет, Конан, — легко произнесла она. — Как тебе это понравилось? Не хочешь поступить на военную службу?

— Ты за мной следишь, что ли? — удивился киммериец.

— Да нет, случайно тебя увидела. Хочешь рыбешку?

Она протянула ему вяленую рыбу. Варвар принял угощение, и они пошли вместе вдоль по улице.

— Что это у тебя в рукаве? — спросил Конан.

— Ничего.

— А ну-ка! — Киммериец ухватил девушку за руку и извлек у нее из рукава небольшой стилет. Короткая рукоятка для женской руки и игольной остроты четырехгранный клинок длиной в ладонь.

— Отдай! — Вивейн со слезами на глазах вцепилась в руку варвара.

Он отдал ей стилет, и она быстро спрятала его.

— Зачем тебе эта игрушка? Это ведь не нож, им ни хлеба порезать, ни деревяшку обстругать, ни кожу раскроить. Стилет — только для убийства. В сердце, в горло, в бок, в спину. Не пугать, а сразу наносить смертельный удар. Или ты этим тоже промышляешь?

— Я похожа на убийцу?

— Нет. Но это еще ничего не значит.

Вивейн насупилась, сдерживая слезы:

— Тебе хорошо говорить... Ты мужчина, ты сильный. А что я буду делать, если ко мне пристанут в укромном месте? Честь есть не только у сильных, киммериец!

— У тебя есть родные в этом городе? — спросил Конан.

— Нет. Наша семья жила в маленькой долине среди Рабирийских гор, а в этом году наше селение накрыло лавиной. Мама моя умерла три года

назад, мы с отцом пошли искать прибежища в городе. В одиночку идти через горы тяжело и опасно, мы пристали к торговому каравану, а когда на торговцев напали разбойники, мой отец посчитал постыдным уклониться от боя. Он погиб в схватке, торговцы и их наемники смогли отбить нападение и довезли меня до Палентии. Спасибо, что не продали в рабство. Оказалось, что в городе трудно найти работу, даже за кусок хлеба и ночлег. Иногда удается немного подработать или стянуть что-нибудь. Подают тоже не так плохо. Десятнику стражи заплатишь, чтобы не трогали, и живи спокойно. Ладно, больше ничего пока не требует, как с других...

— А для чего в Палентии столько солдат развели? К войне готовятся?

— Рассказывают, что раньше город частенько грабили то пираты, приплывавшие по реке, то разбойничьи шайки из Пуантена, да и в Аргосе иногда вспоминают, что когда-то давно Палентия была под их владычеством. Вот король Зингары и повелел укрепить город и усилить военный гарнизон. А в последнее время Палентия стала весьма многолюдной, торговля идет вовсю, строительство, ремесла, но на всех работы не хватает, кто ищет удачи в дальних походах, кто разбоем занимается, вот власти и набирают людей в стражу и в войско.

— Но войны сейчас не ждут? В округе все спокойно?

— Войны нет, не ждут. А вот по ночам в Палентии с недавних пор стало неспокойно. Стража

ходит теперь усиленными дозорами, а простые горожане предпочитают ночевать в крепких стенах.

— Что же случилось?

— Мертвые встают из могил и ходят по городу, — с пугающими интонациями произнесла Вивейн.

— И что же они? — серьезно спросил Конан. — Кровь пьют у спящих? В дома ломятся? В оконки к малолетним девицам залезть пытаются?

— Да ну тебя, Конан! — рассердилась Вивейн. — Ты бы не испугался, встретив перед ночью живого мертвеца?

— Да я и днем бы его не испугался.

— Тебе шуточки, а кое-кто из горожан точно не пережил этих встреч! Находили их потом с гримасами ужаса на мертвых лицах!

— Откуда же узнали, что было причиной этих смертей?

— Так стражники однажды ночью встретили живого мертвеца! Потому и стали ходить теперь по шесть человек в ночном дозоре.

— А что же стало с теми, которые первыми натолкнулись на блуждающую нежить?

— О, они его изрубили в куски. Убить-то мертвого они не могли, а чтобы он не мог идти, отрубили ему руки и ноги.

— Разумно, — согласился Конан. — А потом похоронили заново, в разных местах?

— Нет. Маг забрал останки в башню.

— Вот! — оживился киммериец. — Наконец-то я слышу главное слово — маг! Почему я так и

думала, что без этого здесь никак нельзя было обойтись? Что за маг?

— Вообще-то, возле нашего города живут два великих мага. — Ариантус и Ормунд.

— Замечательно! — еще больше развеселился Конан. — Обычно одного великого мага бывает вполне достаточно, чтобы окружающие досыта нахлебались его колдовства. До блесотины. А тут их целых два. Я еще удивляюсь, что у вас по улицам разные духи тьмы и демоны ночи стадами не ходят.

— Ты не веришь? — рассердилась Вивейн.

— Почему? Верю. Только вместо того, чтобы стражу удваивать, надо было ответа у магов потребовать. Кстати, тех героев, изрубивших ожившего мертвеца, хотя бы наградили?

— Ага, — рассмеялась Вивейн. — Им выставили бочонок вина, и они упились до изумления.

— Так все же, магов не пытались привлечь к ответу?

— Не знаю.

— Ну, ладно, ты не знаешь. Тебе маги отчета не давали, но горожане-то должны что-нибудь знать? Или их это не волнует?

Вивейн задумалась:

— Говорили, что Ормунд не стал заниматься этим делом, — припомнила она. — У него разрешение самого короля жить при Палентии, и он, говорят, действительно когда-то помогал городу в защите от чужих магов. А вот Ариантус, насколько я слышала, поселился в наших местах недавно, он договаривался с городской управой,

чтобы ему позволили построить свою башню, выстроил он ее по другую сторону от башни Ормунда, и как раз в той же стороне расположено городское кладбище. И изрубленного мертвеца забирал он. Ты думаешь, что мертвецов оживляет именно Ариантус?

— А кто же еще? Сами мертвецы из могил не встают.

— Конан, а ты что, собираешься с ним сразиться?

— Посмотрим.

* * *

Великий маг Ариантус сидел за широким столом в своей башне и сосредоточенно работал. Маг был невысокого роста, худощав и чисто выбрит. Ясные черные глаза его показывали характер твердый и энергичный.

Перед ним лежали раскрытыми две книги, он читал текст, написанный на давно исчезнувшем языке, периодически сверял перевод со второй книгой, и делал острым стилосом еле заметные пометки на громоздком свинцовом барабане с множеством граней, установленном рядом со столом в какой-то сложной конструкции, где к несущим рамкам обильно крепились разнообразные магические амулеты.

Этот ярус башни имел глухие каменные стены без окон, чтобы посторонний шум не помешал работе, а освещалось помещение пятью комками мелких голубоватых кристаллов размером с

кулак, которые давали мертвенно-белый свет ярче двух десятков свечей. Работа продвигалась успешно, и Ариантус был доволен. Закончив обрабатывать очередной фрагмент текста, он захлопнул книги, аккуратно убрал их на край стола и взял с полки кружку с травяным отваром. Чтобы не так донимала жара, он устроил в своей башне жестяной короб, в котором свободно висели пропитанные водой фитили. Испаряющаяся вода уносила тепло, а колодец для большего удобства был вырыт в подвале башни.

Прихлебывая прохладный напиток, маг некоторое время отдыхал от своего занятия, потом поднялся с места, взял один из своих светильников и поднялся на верхний ярус башни. Здесь были окна, предусмотрительно полуприкрытые ставнями так, чтобы какой-нибудь безрассудный смельчак не смог беспрепятственно проникнуть в жилище великого мага. Не то чтобы в башню Ариантуса были желающие попасть по своей воле, но излишняя предусмотрительность еще никого не погубила, в отличие от трижды обоснованной самоуверенности.

Маг посмотрел в ночное небо и прислушался к звукам, доносящимся снаружи. Город медленно утихал. Засыпали торговцы и мастеровые, солдаты и рыбаки, портовые грузчики и домохозяйки. Тишину ночи нарушали, правда, патрули ночной стражи и отправляющиеся на преступный промысел разбойные люди, но от этого уже было никаку не деться. Главное, что город засыпал, и можно было заниматься тонкой магией без по-

мех. Ариантус поправил настройку некоторых своих талисманов по звездам и собирался уже было пойти вниз, но вдруг почувствовал рядом с собой присутствие кого-то постороннего и резко обернулся назад:

— Кто здесь? — грозно спросил он.

— А ты ожидал увидеть здесь кого-то кроме меня? — негромко прошелестел в ночной тишине чей-то голос.

В дальнем углу башни возникла призрачная фигура, которая постепенно принимала все более отчетливые очертания высокого бородатого старика. Ариантус шагнул в сторону, бросил быстрый взгляд на один из своих приборов, переставил несколько рун в новую позицию и снова проверил настройку.

— Что тебе на этот раз от меня надо, Ормунд? — спросил он делано небрежным тоном, продолжая понемногу изменять положение рун.

— Ты знаешь, — пожал плечами его собеседник.

— Тебе не нравятся мои опыты, — спокойно произнес Ариантус, — но я уже говорил, что как-нибудь постараюсь с этим примириться. Или у тебя появились новые доводы?

— А ты по-прежнему не соглашаешься винить голосу разума? Ты ведь и сам понимаешь, что твои опыты с оживлением мертвых опасны. И для тебя самого в первую очередь.

— Если бы люди всегда избегали опасности, то магия вообще никогда не могла бы возникнуть. Если я не убрался иметь дело с духами тьмы, то

неужели ты думаешь, что сможешь испугать меня больше, чем они?!

— У меня нет намерения тебя напугать, — возразил Ормунд. — Но ты же знаешь, что в высших сферах ты мне вообще не соперник. Так вот, я обращаюсь к тебе с высот своего знания — твой путь приведет тебя к гибели! Остановись, пока еще не стало слишком поздно!

— Ты мудр, Ормунд, — усмехнулся Ариантус. — Что же ты заходишь ко мне только в виде бесстелесного призрака? Навестил бы меня по людски, отобедал, вина выпил. Или ты боишься, великий?

— А ты хочешь испытать на себе мое могущество?

— Ни в коей мере. На своем уровне ты сильнее. Но жители Палентии нуждаются не столько в твоей великой силе, сколько в моих малых возможностях, на которые ты при всем своем величии не способен.

— Ты думаешь, я не смог бы поднимать мертвых? Наглец. Я могу это делать, я знаю, как это сделать, но за все в этом мире приходится платить! Ты просто не знаешь, чем на самом деле тебе придется расплачиваться!

— Мы говорим каждый о своем, — поскучнел Ариантус. — Это вполне бессмысленно. Я все это уже слышал.

— Да. Так вот, если ты не воспринимаешь мои доводы, то послушай еще такое предупреждение — прежде чем ты попадешь под удар магических сил от поднятой тобой волны, тебя настиг-

нет кара людская! Ты не можешь отрицать мои возможности прорицать будущее — тебе нанесут удар смертные, которые не потерпят твоих занятий некромантией!

— Спасибо за предупреждение, — язвительно сказал Ариантус. — Не сам ли ты направил этих людей? Но это так, к слову... Я приму меры, чтобы обезопасить себя. Прощай!

Ормунд, задохнувшись от негодования, почувствовал, что разговор потерял всякий смысл, и медленно развалился. Ариантус злобно дождался, когда смутный образ исчезнет совсем, потом быстро сделал несколько плавных движений руками, мешая слова заклинаний с крепкими ругательствами. Редкое облачко крохотных искорок, слетевших с его рук, вихрем вымело из помещения все следы чужого присутствия, и маг с удовлетворением вернулся к своим талисманам, восстанавливая настройку.

— Старый болван не понимает, что я его использую, — торжествующе пробормотал он. — Сам того не желая, он дает мне возможность понять и использовать его силу!

Старый маг в это же время в своей башне произносил почти то же самое:

— Юный наглец не понимает, что я использую даже его ошибки. Все, что он узнает с помощью своих опытов, становится моим достоянием...

Ариантус неторопливо спустился на ярус вниз и оказался в просторном помещении, освещенном горящими толстыми ароматизированными свечами, где вокруг стола с шестью установлен-

ными вертикально жезлами стояли шесть высоких деревянных ящиков. Они были открыты с одной из сторон, и можно было видеть, что один из ящиков пуст, а в пяти других находится по обнаженному человеческому телу.

Мертвецы, ведь вблизи никто не признал бы их за живых людей, более всего напоминали манекены. Они не дышали и не подавали признаков жизни, но при этом стояли на ногах, лица их были чисты и спокойны, кожа имела обычный цвет, без смертной бледности покойника. Два тела имели еле заметные круговые полоски на руках и ногах, как будто тела собирались из обрубков. Жезлы напротив каждого трупа увенчивались крупными прозрачными камнями, слабо окрашенными в разные цвета от зеленовато-желтого до бледно-фиолетового, не было камня лишь в том жезле, напротив которого еще не было человеческого тела. Ариантус обошел ящики, любовно оглядел тела, убеждаясь в их полной сохранности, вздохнул и пошел к лестнице ведущей вниз, в жилой ярус. Время оживлять тела еще не наступило.

В жилом ярусе мага ждали двое учеников — Астер и Никел. Неутомимый искатель истины и страстный исследователь законов магии, Ариантус подобрал себе учеников, ничуть не похожих на него по складу ума. В свое время он имел дело с разными людьми, стремившимися стать учениками великого мага, но своими доверенными людьми он сделал не самых сообразительных и способных, а самых преданных и исполнитель-

ных. Ему хватало своих сомнений и своих ошибок, чтобы допустить возможность того, чтобы его доверенные ученики могли испортить сложный опыт, пытаясь сделать что-нибудь не так, как сказано, а лучше... Кроме них сейчас в башне оставался лишь привратник, крепким сном спящий в каморке возле тяжелой надежно запертой двери. Наемная прислуга приходила по утрам и в башне не ночевала.

— Нам пора, — сказал маг ученикам, и они направились за ним в лабораторию.

Здесь на полу была выстроена пентаграмма, имевшая в поперечнике около трех локтей. Ариантус превзошел самого себя при создании этого магического атрибута — белая полоса, проведенная на каменном полу, была окружена сплошной цепочкой рун. Дальше шла пятиугольная рамка из железных полос, намертво склеенных кузнецким молотом. К железной рамке прилегала пентаграмма из дерева, пропитанного ароматическими маслами. Венчала конструкцию изящная серебряная пентаграмма тонкой работы, оснащенная несколькими амулетами. В стороне от этого шедевра магической мысли стоял массивный стол, на котором имелась миниатюрная копия большой пентаграммы. Напрасно, ох, напрасно искал бы сторонний наблюдатель хоть какое-то крошечное упущение в работе Ариантуса!

По команде мага, его помощники начали подготовку к проведению ритуала. Делали они это уже не в первый раз, так что вскоре все было готово. Ариантус стал еще более собран и сосредо-

точен. Грозно звучали в замкнутом помещении лаборатории слова древних заклинаний, освобождающих силы потустороннего мира. Никел, внимательно следивший за каждым движением великого мага, наконец уловил ожидаемый сигнал и начал медленно активировать порученные ему талисманы. В большой пентаграмме возникло плотное облачко клубящейся черноты, постепенно приобрело некоторое подобие человеческой фигуры, мощной и коренастой, деформированной так, как будто она была тую стянута невидимыми цепями.

— Готов ли ты исполнить мою волю, демон? — Слова мага ложились как камни в кладку стены — плотно и непоколебимо.

— У-у-У-у-У-у, — протяжный вой плененного демона резанул по ушам, заставив мага невольно поморщиться, но не отказаться от своих намерений.

— Не пой, мерзкая тварь! Отвечай!

— Слушай, маг-недоучка! — отозвался демон. — Ты не воображай, что имеешь власть надо мной, не надо!

— Ты не можешь вырваться из-под власти моих заклинаний, — возразил Ариантус. — И одно это уже дает мне власть над тобой.

— Еще чего! Ты захватил меня по чистой случайности и не можешь мне приказывать. Ты можешь удерживать и пытать меня, но я тебе не раб. Свободу выбора ты у меня не отнимешь, тебе это не по силам! Твои желания — бред сумасшедшего, от которого всем будет плохо и нико-

му — хорошо. Зачем тебе кривые пути через смертельные преграды? Я могу тебе дать славу, богатство и власть напрямую, без всех этих мучений с оживлением мертвых! Соглашайся лучше на сделку!

— Забей себе все свои богатства в свою черную задницу! — не выдержал маг. — Мне нужны знания, а не богатство. Знания об устройстве мира и способах управления миром. И я их получу! С твоего согласия, или без него, неважно. И я смогу заставить тебя выполнять мои требования.

По сигналу Ариантуса, Астер наклонил горящую свечу над малой пентаграммой, и демон зашипел от боли. Над ним появился дымок.

— Послушай, — снова заговорил демон, преодолевая боль, — давай, я научу тебя самого поднимать мертвцев и осуществлять перенос души. Почему это должен делать я? Мне сие чрезвычайно мерзко и отвратно. Занимайся этим сам, если ты такой любитель некромантии!

— Чтобы я позволил тебе проникнуть в мой мозг? — Маг был непреклонен. — Не дождешься. Ты будешь делать только то, что я от тебя потребую. Не больше, но и не меньше. А уж чему я при этом научусь, то и будет моим сокровенным знанием. Таким, которое я смогу применять осознанно и целенаправленно, двигаясь к своей цели, а не слепо устремляясь в подготовленную мне ловушку!

— Ты безумен, смертный. И у меня есть большое искушение послать тебя с твоими устремлениями далеко, далеко... Я выдержу твои пытки,

можешь не сомневаться! И ты будешь находить утешение лишь в моих мучениях, но никаких знаний и никакого исполнения твоей воли ты не получишь. Можешь начинать!

— Послушай, — сбавил тон Ариантус, — мне осталось лишь получить еще одно тело и одну душу. Потом я освобожу тебя. Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?

— Нет таких клятв, которые нельзя было бы нарушить, — сурово отрезал демон.

— Рискни! — Маг уже не приказывал, а уговаривал. — Еще только один раз. Мне больше ничего не нужно. Если я обману тебя, то уже ничего не смогу от тебя добиться. Мне легче будет исполнить обещание, чем стать клятвопреступником!

— Зачем тебе вообще все эти сложности? — усомнился демон. — Если тебе нужны покорные слуги, то гораздо проще было бы делать зомби. Полное послушание, неукоснительная исполнительность и неодолимая сила — чего еще желать?

— Мне не нужны зомби. Создавать зомби легко, но использовать их можно только в том случае, если у меня будет желание вести войну на уничтожение. Я не собираюсь противопоставить себя всему миру, ведь люди никогда не потерпят рядом с собой повелителя мертвцев. Я учусь сокращать и восстанавливать поврежденное человеческое тело, а потом и возвращать его к жизни. Этому я смогу найти множество применений. Я надеюсь овладеть магией сохранения и переноса человеческого сознания. Это вообще ключ к без-

граничному могуществу. И для этого мне нужно точное знание.

— Ты берешься за непосильную ношу. И чем вернее исполняются твои мечты, тем неотвратимее будет твоя гибель.

— Почему?

— Потому что ты манипулируешь силами, которых не представляешь. Ты получаешь желаемый результат и думаешь, что понимаешь происходящие процессы. Но на самом деле ты лишь соединяешь отдельные элементы жизни, воображая себя равным богам в их творящей силе. Я исполню твое желание — в последний раз!

* * *

Конан потратил почти весь день, осматривая город. Не то чтобы здесь не было возможности применить свое мастерство опытному вору, но в последние годы киммериец больше привык зарабатывать на жизнь мечом и отвагой, а не воровством и изворотливостью. Варвару очень не хотелось лезть в достаточно опасную авантюру ради ничтожной добычи, бежать от стражников и попадать в число разыскиваемых преступников. Хороший вор не гонится за славой, его если и застанут в момент кражи, то не должны опознать потом. А киммериец обладал выдающейся фигурой, которую невозможно было скрыть или сделать малозаметной. Что же касается заработка — если вывести на чистую воду мага, занимающегося противоестественным колдовством, то можно бу-

дет получить от магистрата какую-нибудь награду, да попутно поживиться имуществом колдуна.

Вивейн некоторое время следовала за варварам, потом исчезла, отправившись по своим делам. Конан обошел вокруг укрепленную цитадель Палентии и выросшие вокруг нее кварталы, осмотрел обе башни магов. Обиталище Ормунда было выстроено на прилегающем к городу холме и, судя по всему, изначально включалось в систему обороны Палентии. Башня Ариантуса находилась в низинке, на расстоянии в пол-лиги от городского кладбища, оборону здесь в случае серьезной войны никто бы держать не стал — жители отступили бы под защиту крепостных стен. И башня мага была бы беззащитной.

Выяснив все это, Конан вернулся в таверну, пообедал плотно, но без излишеств, потом подготовился к ночной вылазке и засветло вышел из таверны. Он не хотел выходить ночью, чтобы его уход отметили посторонние наблюдатели.

А так — вышел себе человек по делам, а когда вернулся — кому какое дело?

Конан заранее присмотрел себе малолюдное место на окраине города, расположенное на полупути между кладбищем и башней Ариантуса. Здесь варвар огляделся, убедился, что его никто не видит, и быстро поднялся на крышу заброшенного сарая. На крыше он сразу лег, чтобы не привлекать постороннего внимания, огляделся и вскоре задремал в ожидании ночи. На закате он вдруг услышал близкий шорох и мгновенно насторожился, положив руку на рукоять кинжала.

Когда перед ним появилась веселая взъерошенная Вивайн, Конан мысленно выругался.

— Что тебе надо? — негромко, но достаточно угрожающим тоном спросил он.

— Ой, Конан, а ты что, решил все-таки выступить против великого мага?!

— Послушай, девочка, — голос варвара был жесток и непреклонен. — Если ты не оставишь меня в покое, я отложу все свои замыслы до тех пор, пока не смогу осуществить их без помех.

— Я же не буду тебе мешать, честно!

— Нет, будешь. И здесь не имеют значения твои желания и намерения. В смертельной схватке я не могу отвлекаться, чтобы следить еще и за тобой. Ты не сможешь мне помочь, а вот помешать сможешь обязателььно.

— Ну, Конан... — заныла Вивайн.

— Если ты сейчас же не уходишь, то я немедленно возвращаюсь в таверну.

— Да, ладно...

Вивайн с обиженным видом полезла вниз. Конан подозрительно следил, как она скрылась за углом переулка. Ему не раз приходилось страшным напряжением сил преодолевать невероятные опасности и одерживать победы над врагами, теряя при этом друзей и соратников. Менее всего ему были нужны рядом в такие моменты любопытные девчонки.

Киммериец перепечепил перевязь с мечом за спину — так легче скрытно следовать за противником, ножны не путаются под ногами и не мешают двигаться. Тем временем темнело. Пару

раз по окраине городских кварталов проходили усиленные отряды стражников, но Конан вполне убедился, что стражники не столько желают героически преградить дорогу злобной нечисти, сколько стараются как можно быстрее оказаться подальше от опасного места. Наконец, в лунном свете варвар увидел человеческую фигуру, неторопливо бредущую со стороны городского кладбища. Варвар сразу понял, что это именно то, чего он ждет. Живые так не ходят. Человек, которому пришлось куда-нибудь идти ночью, либо торопится быстрее попасть к своей цели, либо двигается медленно и осторожно. Но никто не вышагивает по ночной улице, не обращая внимания на окружающее и не глядя под ноги, запинаясь, но неуклонно двигаясь к неведомой цели.

Варвар почувствовал донесенный дуновением ветра запах сырой земли и тления. Пропустив мертвеца мимо, киммериец легко спрыгнул на землю и крадучись двинулся за ним следом.

Преследование оказалось легким делом, Конан держался шагах в двадцати позади преследуемого и опасался лишь одного — чтобы ему не помешал осуществить задуманное кто-то посторонний. Киммериец намеревался нагнать мертвеца у входа в башню мага, больше идти тому было вроде бы некуда, войти в башню следом за ним и там уже действовать по обстановке. Если маг использует мертвецов в каких-то своих целях, то он предполагает работать со своим мертвецом и вряд ли будет готов к столкновению с живым воином.

Варвар спокойно следовал за темной фигурой и совсем уже уверился, что все пройдет так, как он задумывал, но когда до башни Ариантуса оставалось совсем немного, он заметил впереди шагающего мертвеца еще чью-то фигурку. Конан скрипнул зубами от злости на неведомую помеху. Это явно был человек, двигающийся перед мертвецом по возможности скрытно и постоянно оглядывающийся. И все шло не так уж плохо, пока они не вышли на открытое пространство перед башней мага. Человеческая фигурка вынырнула из тени, и в лунном свете киммериец уверенно опознал Вивейн. Конан чуть было не застонал от сдерживаемого негодования, но сделать он уже ничего не мог. Девушка побежала было к башне, чтобы уйти в ее тень, но не успела это сделать — вокруг нее возник крутящийся вихрь клочков темноты, она остановилась, замерла и вдруг выгнулась в судороге нестерпимой боли.

— Конан! Помоги...

Варвар рванулся к ней, на ходу вытаскивая меч, но тоненькая фигурка уже безжизненно падала навзничь, клочья тьмы разлетелись в стороны, исчезая, а к верхнему ярусу башни от упавшей Вивейн медленно поплыла искра теплого желтого света.

Конан проводил улетающую искорку взглядом, полным бессилия и отчаяния, потом перевел взор на мертвеца, все так же целеустремленно шагавшего к башне. Заскрипела дверь, открывая вход, и Конан ринулся вперед. Его клинок одним широким взмахом отсек ноги мертвеца, и

тот повалился на землю, а неистовый варвар воился в открытый вход с бешеным желанием отомстить проклятому магу. За дверью оказалось обширное помещение, плохо освещенное парой масляных светильников, и здесь его встретили ученики мага, вооруженные мечами, лезвия которых светились голубоватым мертвенным светом.

— Э, ты кто такой? — возмущенно произнес Астер, замахиваясь мечом на вторгшегося в башню варвара. — Тебя кто сюда звал?!

— Я всегда прихожу непрошеным, — оскалился Конан. — Как и мой постоянный напарник.

— А это еще кто такой?

— Смерть!

Ученики мага набросились на киммерийца, тот принял на меч клинок врага, и у него прошел мороз по коже, когда он увидел, как кромка лезвия его меча в месте удара посыпалась мелким крошевом. Варвар качнулся назад, мельком увидел высовывающуюся из привратницкой застпанную физиономию сторожа и коротко полоснул его мечом, чтобы не оставлять лишнего врага у себя за спиной. Противники с магическими мечами между тем надвигались быстро и неотвратимо.

— Кром! — Киммериец издал свой излюбленный боевой клич и ринулся в атаку, не дожидаясь, пока его загонят в угол и лишат возможности маневра. Варвар ловко увернулся от вражеского клинка и рубанул противника по руке, держащей меч. Из широкой раны Никела пото-

ком хлынула кровь, и он медленно повалился на-
взничь, а Конану тут же пришлось броситься в
сторону, уходя от меча Астера. Разорвав дистан-
цию, варвар подхватил у кухонной плиты кочер-
гу и отбил ею клинок, целящий ему в голову.

Как ни были опасны вхватке магические мечи, ученики мага не могли соперничать с киммерийцем в умении владеть оружием. Принимая на кочергу вражеский удар, Конан получил мгновение для того, чтобы ударить самому, и его клинок тут же разрубил голову противника.

Варвар отбросил обрубок кочерги, быстро гля-
нул вокруг и еле успел дернуться в сторону, как
рядом с ним высекла каменную крошку из стены
башни арбалетная стрела. Маг, стоявший на ле-
стнице, ведущей вверх, опустил разряженный ар-
балет и немедленно поднял второй. Конан взмах-
нул мечом, и тяжелая стрела ударила в широкий
клинов, едва не выбив его из рук киммерийца.

Он быстро поднял с пола один из магических
мечей, прикинул баланс и кинул его в мага, как
дротик. Ариантус бросил арбалеты, дернулся в
сторону, и светящееся лезвие ударило о стену.
Свечение клинка погасло, и он осыпался круп-
ными осколками, словно стеклянный. Маг кинулся
наверх, не пытаясь применять свое маги-
ческое искусство. Конан схватил с пола второй
магический меч и ударом о стену тоже разбил
его на куски. Расправившись с магическим ору-
жием, варвар бросился следом за магом.

Снова, как и всегда, творец заклинаний позор-
но бежал от отважного воина с честным железом

в руках! Впрочем, киммериец никогда не терял осторожности и, даже преследуя бегущего врага, был в постоянной готовности отразить возможный удар.

Поднявшись на второй ярус башни, Конан увидел противника, отделенного от него боль-
шим столом, заставленным множеством малопо-
нятных устройств. Маг что-то быстро делал с ними, а по лестнице спускались со следующего яру-
са башни несколько человек с мечами и саблями
в руках, перекрывая дорогу, но не высказывая
пока признаков враждебности. Пятеро. Одеты в
одинаковые туники. Варвар остановился с зане-
сенным мечом в руке, оценивая ситуацию.

— Ты зачем сюда пришел, смертный? — Голос
Ариантуса звучал громко и взволнованно. — Или
ты из тех безумцев, которые кидаются на всех
подряд? Зачем ты вломился в мою башню и убил
моих людей? Чего тебе от меня понадобилось?

— Даже одного того, что ты поднимаешь
мертвецов из могил, было бы достаточно, чтобы
отправить тебя в ту преисподнюю, откуда ты
черпаешь свою черную магию, — твердо ответил
Конан. — Но если я шел к твоей башне, чтобы в
очередной раз встать поперек дороги злобному
колдуна, то теперь мною движет еще и желание
отомстить за девушку, которая приняла смерть
от твоей магии!

— Смерть? — усмехнулся Ариантус. — Смерти
нет, это всем известно. Повторять это стало пре-
сно. А ты понимаешь, что если бы она не оказа-
лась впереди тебя, то это твою душу я бы полу-

чил, а не ее? Ты бы лучше вознес богам молитву за свое собственное спасение. К тому же душа девушки осталась жива.

Он поднял со стола маленький огненный шарик желтоватого цвета.

— Вот она. Я дам ей новое тело. Я дам ей новую жизнь. Она еще долго послужит мне. Ах, какая прелесть!

— Если ты не отпустишь ее, — хрипло сказал киммериец, — я разнесу твою башню по камешку. И никакая магия не сможет меня остановить. Понял?

— Ты еще можешь сохранить свою собственную жизнь, — издевательски возразил маг, — если побежишь сейчас достаточно быстро!

Киммериец, который во время этого разговора незаметно подготовил для броска метательный нож и смеялся в более удобную для атаки позицию, послал нож в горло мага и обрушился с мечом на его приспешников.

Ариантус почти успел уклониться от ножа, и тот вошел ему в плечо.

— Убейте его! — Вскрикнув, маг дрожащими пальцами вытащил нож, с отвращением бросил его на пол и попытался остановить хлынувшую кровь.

Тем временем варвар мощным ударом обезглавил одного из противников, выбил меч из рук и опрокинул на пол другого, после чего сделал отчаянную попытку прорваться к магу, чтобы добить его, пока тот не опомнился.

Но первый успех киммерийца оказался и по-

следним — маг метнулся вокруг стола, и перед Конаном встали трое вооруженных врагов. Зазвенела боевая сталь в короткой яростной схватке, и варвар был вынужден сделать шаг назад, чтобы не пропустить удар. Не часто Конану попадался противник, не уступавший ему в силе и скорости. К тому же снова поднялся с мечом в руке повергенный было враг. Теперь перед киммерийцем стояли четверо.

— Кром! — Конан снова атаковал, ему не в первый раз было сражаться с превосходящим противником, надо просто в каждой схватке выводить из строя хотя бы одного врага. Клинки рубили воздух, безжалостно щербились на отбивах, но в такой драке никто не думает о сохранности меча.

И снова Конан не смог добиться успеха. Дважды ему удалось достать врагов, но слабо, не наповал, потому что в момент удара уже надо было уходить в защиту, и четырежды его самого касались лезвия чужого оружия — тоже вскользь и на излете, оставляя на теле кровоточащие рубцы, которые не были особо опасны и болезненны, но несли с собой отчетливый вкус близкой смерти. И снова киммериец был вынужден отступить, чтобы вырваться из беспощадной мясорубки, получить мгновение отдыха и свободное пространство для маневра.

Теперь страшные прислужники мага не стали ждать, пока варвар соберется с силами для новой схватки, и набросились на него сами. Он попробовал развернуть ближнего врага, чтобы оsta-

вить остальных у него за спиной и рубиться с врагами по очереди. Но те не позволили Конану это сделать и после очередного столкновения отбросили его к лестнице.

Киммериец уже не надеялся на победу, но и бежать, спасая свою жизнь, не позволяла ему гордость. Он не опозорит боевой призыв Крома трусостью! Но ведь победа не всегда достигается в схватке клинок на клинок. Разорвав на миг дистанцию боя, киммериец отскочил на лестницу, быстро захлопнул дверь и ударом ноги на мертвое загнал под нее валявшийся на полу деревянный клин. Оторвавшись от противника, Конан спрыгнул вниз, опрокинул пару масляных светильников и стал бросать в огонь попадающуюся под руку деревянную утварь. Пусть ему не удалось совладать с врагом острым железом, но огонь очистит это гнездо проклятой магии ничуть не хуже!

Киммериец схватил деревянную лестницу, ведущую на второй ярус, неимоверным напряжением сил оторвал ее и тоже бросил в огонь. Горшок с маслом, оказавшийся среди прочей утвари, еще более усилил огонь. С мстительной радостью взглянув на устроенный им пожар, варвар покинул горящую башню мага. Уходя прочь, он брезгливо перешагнул через слабо копошащегося на земле оживленного магией мертвеца, подошел к безжизненному телу Вивейн и поднял ее на руки.

— Я не смог спасти тебя, девочка, — тихо сказал он, — но отомстить за тебя — обещаю.

Никогда еще Ариантус не получал столь тяжелых ударов. Он с трудом остановил кровотечение и перевязал весьма болезненную рану. Его доверенные ученики были убиты, а новых слуг, которыми стали оживленные магией мертвецы, после неимоверных усилий выбивших дверь и потушивших пожар в башне, он вынужден был остановить и вернуть в безжизненное состояние. Когда их станет шестеро, они будут составлять устойчивое сообщество, находящееся в полной власти хозяина, и взаимно усиливать друг друга. А пока ему надо было починить два изрубленных киммерийцем тела и поработать над настройкой сегодняшней добычи — души девушки, заключенной в магический кристалл. Но проклятье! Перед этим ему необходимо будет заняться ремонтом башни, поиском новых наемных слуг и прочими мелочами!

Ариантус наложил на свою рану лечебную мазь, запер дверь, прошел по полу, заваленному обгорелыми досками, и улегся спать в каморке привратника — завтра ему понадобится много работать, и надо хорошо отдохнуть.

Для Конана новый день тоже выдался нелегким. Утром он перевязал свои раны и сменил одежду, чтобы не выглядеть головорезом, только что вышедшими из схватки. После этого киммери-

ец направился к казарме городской стражи. Разговор с сотником прошел совсем не так, как предполагал варвар. Сотник не только не принял обвинения киммерийца в том, что Ариантус занимается некромантией, но и пригрозил незамедлительно покарать любого самозваного героя, который вздумает мешать великому магу в его работе.

— Покрываешь, значит, черного колдуна, — задумчиво сказал Конан, выслушав сотника. — Ждешь, пока самого не припечет?

— А еще за злостную клевету и подстрекательство благонамеренных жителей можем задержать тебя прямо сейчас, — предложил в ответ сотник.

— Ну-ну. Смотри, спохватишься — поздно будет.

— Иди отсюда, умник. И имей в виду, это мой город, и если тебя не устраивают наши порядки, то лучше тебе покинуть его, пока цел. Я запомню тебя, киммериец.

— Ладно, начальник. И пусть этот день будет лучшим днем в твоей жизни!

Конан вышел прочь. Поразмыслив, он прошелся по городу, зашел в какую-то лавку побогаче и ограбил ее хозяина. Он не сомневался, что когда оглушенный торговец придет в себя, стража будет искать преступника, но ему сейчас нужны были деньги любой ценой.

Киммериец оплатил погребальный обряд и похороны Вивейн, после чего зашел в первую попавшуюся кузницу и обновил свое оружие. После

ночной схватки его старый меч, выщербленный сильнейшими ударами, уже не подлежал переточке, его можно было только отдавать в переделку. Конан выбрал вместо него простой, но надежный новый клинок, доплатил кузнецу и покинул город, решив пока что укрыться в пригородном поселке.

Великий маг Ормунд в этот день тоже не сидел без дела. Он держал обширный штат прислуги, не столь доверенной, как у Ариантуса, но по-своему привязанной к щедрому хозяину и более осведомленной о событиях в городе. Ормунд внимательно следил за собратом по магическому искусству и опаснейшим соперником, и сейчас решил действовать наиболее эффективным способом. Так что посланный им слуга не слишком затруднился привести к магу нужного ему человека.

Зотар, высокий худощавый зингарец, который промышлял воровством и разбоем, был при этом достаточно ловок и предусмотрителен, чтобы не попадаться. Пару раз он принимал заказы на убийство и успешно справлялся с этой работой. Ормунд вышел на Зотара, виртуозно совместив сбор слухов и свидетельских показаний с магическим поиском. А теперь он решил сам воспользоваться преступным талантом Зотара, и вот они встретились в башне Ормунда.

— Мне нужна твоя помощь, Зотар. Я заплачу тебе пятьдесят золотых за разовую работу, но если ты вздумаешь меня обмануть или заняться самодеятельностью, то я твердо могу тебе обе-

щать, что твоя жизнь будет интересной, но короткой. Дня два, не больше.

— Пятьдесят монет? — усмехнулся вор. Он чувствовал себя не вполне уверенно под пронзительным взглядом великого мага, но знал, что нельзя дать слабину в разговоре с нанимателем, и внешне держался достаточно развязно. — За такие деньги я возьмусь работать на кого угодно.

— Мне нужно, чтобы ты проник в башню Ариантуса и принес мне оттуда несколько предметов.

— Вот оно что... — Зотар потеребил нижнюю губу. — Но ведь великий маг Ариантус наверняка защищает свою башню могущественными заклинаниями. Не то чтобы я боялся залезть в его башню, однако я не хочу попасть в заведомую западню!

— Как ты думаешь, я брошу тебя туда без всякой поддержки? — спросил маг. — Мне ведь тоже совершенно ни к чему, чтобы Ариантус захватил тебя в плен и захотел отомстить. Я развею его защитные заклинания и рассчитываю, что ты сможешь выполнить мое поручение и уйти незамеченным. Тогда Ариантус ничего не сможет мне предъявить.

— Но он же поймет, кто сломал его защиту!

— Ну и что? Магическую защиту его башни я уже не раз преодолевал, а если в это время к нему просочится еще и посторонний вор, то я тут ни при чем. Даже рядом не стоял.

— Что нужно взять? — спросил Зотар, начиная прикидывать детали своей вылазки.

— Шесть мелко ограненных стеклянных шариков размером с лесной орех. Они находятся на втором сверху ярусе башни Ариантуса, скорее всего, вставлены в навершия жезлов, установленных на рабочем столе. Принесешь их мне, получишь пятьдесят золотых.

— То есть войти надо сверху? — уточнил вор.

— Да. Я думаю, ты без особого труда сможешь залезть на верхний ярус башни?

— Смогу. А дальше?

— Я заранее сниму его магическую защиту, ты войдешь внутрь, спустишься вниз, возьмешь стекляшки и вернешься назад. Это на самом деле не драгоценные камни, мне они нужны только ради их магической силы.

— А если их не будет на месте?

— Девять шансов из десяти, что они там. Ариантус работает с ними в последнее время постоянно, вряд ли он станет менять привычный порядок вещей. Но если их не будет, то они должны быть в какой-то коробочке вроде этой.

Маг протянул Зотару деревянный пенал, под крышкой которого имелось шесть гнезд, разделенных серебряными перемычками.

— Магические камни нельзя держать вместе, так что тебе надо будет искать что-то похожее, — объяснил маг, — переложи их в эту коробку и принесешь мне.

— Лестница на второй ярус закрывается на замок? — задумчиво спросил вор.

— Понятия не имею! А что, это для тебя составит большую проблему?

— Не знаю. Но ты прав, я справлюсь с этим. А помимо защитных заклинаний в башне будут еще и охранники?

— Раньше их не было, только двое учеников. Правда, до меня дошли слухи о том, что прошедшей ночью в башне Ариантуса был пожар, и сегодня он набирал новых слуг, но если он и возьмет сторожей, то не допустит их в свою лабораторию, они наверняка будут на нижних ярусах. Так что если ты сам будешь шуметь и встревожишь их, то они пойдут к тебе снизу. Но это уже твоя забота — работать тихо и бежать быстро. Мне тебя учить, что ли?

— Да нет, учить меня не надо. Меня немного удивляет, что великий маг собирает слухи о своем сопернике, — вор интонацией выделил слово «слухи».

— А ты думаешь, что я слежу за ним днем и ночью? — рассердился Ормунд. — У меня и другие дела есть!

Договорившись с магом о последних деталях задания, Зотар покинул башню Ормунда и отправился готовиться к делу. Он не стал рассказывать магу все, что задумал, ведь тому совершенно незачем знать все его уловки и методы.

В этот день Ариантус убил большую часть дня на хозяйствственные заботы. Пока пара плотников сооружала новую лестницу на верхние ярусы башни, маг подыскал себе восьмерых наемников для охраны. Взял он их на короткий срок — хотя разовая оплата телохранителей обходится гораздо дороже постоянного найма, он рассчитывал,

что через несколько дней сможет обходиться командой из оживляемых слуг.

Душа человека, заключенная в магическом кристалле, вселялась по воле Ариантуса в предназначеннное для нее тело, и получающийся гибрид был практически бессмертен. Обновляемое тело за счет магической силы было способно двигаться быстрее нормального человека, совершать большую работу и восстанавливать повреждения, пусть не сразу, но гораздо быстрее, чем заживают раны у живых людей. При этом маг мог возвращать душу обратно в кристалл, изменять ее, устраняя воспоминания прежней личности и вкладывая в нее частицу собственной воли.

Ариантус с нетерпением ждал, пока этот его проект будет осуществлен в полном объеме. Но пока ему приходилось заниматься подготовительной работой — необходимой, но затянувшейся сверх ожидаемого. Во второй половине дня он разогнал из башни плотников и кухарок, пообещал наемникам великие кары, если они вздумают вместо бдительного несения службы развлекаться или мешать ему в работе, после чего уединился в лаборатории. До вечера он восстановил два разрубленных киммерийцем тела, после чего решил разобраться с демоном. Потеря опытных учеников была досадной помехой в этом деле, но не более того.

— Ну что? — спросил демон, материализовавшийся в пентаграмме. — Будешь наконец меня освобождать или еще какие-нибудь глупости придумаешь?

— Освобождать, конечно.

— А, это хорошо. Безмерно рад за тебя. Делай!

— Вот только одно обстоятельство меня слегка смущает.

— Да ты что? Ну почему я так и думал, что этим все и закончится?!

— Я опасаюсь, что ты станешь мне мстить, когда получишь свободу. А этого мне бы весьма не хотелось.

— Слушай, волшебник-исдоучка! — разозлился демон. — Если ты вляпаешься в кучу дерьяма, то ты потом будешь ей мстить или пойдешь от нее отмываться? У меня дел по горло накопилось, пока ты тут надо мной упражняешься! Век бы мне тебя не видеть!

— Однако же, я не могу удовлетвориться пустыми словами, — возразил Ариантус.

— Чего же тебе от меня надо, предусмотрительный?

— Да пустяк. Назови мне свое подлинное имя, чтобы я мог поставить надежную защиту.

— А ты не хочешь, случайно, чтобы я надел себе на шею рабский ошейник? Для спокойствия твоей души?

— Тогда прости, я буду вынужден держать тебя в плену, пока мы не найдем взаимоприемлемое решение.

— Твоя воля, — демон был на удивление спокоен. — Но больше ты от меня ничего не получишь. Можешь и не пытаться.

— А вот это уже не от тебя будет зависеть, — в голосе мага появилась нотка торжества. —

Кое-какие сведения о тебе я смогу получить и без твоего содействия!

— Давай-давай. Получай. Только когда-нибудь я выйду на свободу, ты же не можешь стеречь меня всю жизнь, не отрываясь. И тогда я не стану тебе мстить. Я просто возьму тебя с собой.

— Тыфу, ты...

Ариантус собирался развоплотить демона и уже взял запирающий талисман, но в этот момент он вдруг уловил на верхнем ярусе какой-то посторонний звук. Кто-то наступил на специально отрегулированную половицу, которая издавала сигнальный скрип. Ярость ударила в голову мага. Тратить сейчас пару минут для завершения обряда запирания демона было невозможно, в башню проник посторонний! Мощнейшие амулеты и их тонкая настройка оказываются под угрозой того, что их будет лапать рука ничтожного болвана, осмелившегося проникнуть в башню! Маг аккуратно отложил талисман в сторону, шагнул к двери и непререкаемым тоном негромко скомандовал своим наемникам, сидевшим внизу:

— Быстро все ко мне! Но тихо и без суетолоки!

Зотар появился у башни Ариантуса, когда только начинало темнеть, в час, когда большинство жителей города уже заканчивают свои дела и готовятся ко сну.

Несколько его помощников, нанятых за небольшую плату или просто обязанных ему службой за прошлые дела, прошли перед этим по окрестностям и подали знак, что все спокойно и

ничего не должно помешать его вылазке. Когда он дошел до башни, они устроили шумную постановку возле жилых кварталов, чтобы возможные свидетели отвлеклись в их сторону.

Зотар имел немалый опыт посещения закрытых помещений, минуя обычные двери, и быстро поднялся по стене, цепляясь за неровности кладки с ловкостью ящерицы. Башня в свое время строилась быстро, и камни для нее тесались наспех. Ариантус надеялся, что его магическая слава будет отпугивать большинство дураков, способных искать добычу в его жилище. К тому же наложенные им заклятья должны были вовремя предупреждать о вторжении посторонних.

Поднявшись до окон верхнего яруса, вор прислушался, удовлетворенно вздохнул, не услышав изнутри никаких подозрительных звуков, и полез в окно. Тут он обнаружил полуоткрытые ставни, мысленно покрыл Ормунда всеми известными ему проклятьями, но через несколько минут акробатики в тесном проеме смог дотянуться до запоров и открыть их. Впрочем, ему никто не помешал.

Верхний ярус башни был пуст и никто не пытался оградить многочисленные амулеты Ариантуса от непрошеного посетителя. Зотар быстро осмотрел их, убедился, что магических шариков здесь нет, и осторожно двинулся к лестнице, ведущей вниз. Мимоходом он отметил пару вещиц, которые выглядели достаточно ценно, чтобы их можно было прихватить заодно с камешками для Ормунда, но потом, на обратном пути,

Мягко ступая по краю досок, Зотар спустился на второй ярус и в полумраке помещения, освещаемого парой светящихся кристаллов, увидел стол с шестью жезлами. На ящики с телами мертвецов вор не обратил особого внимания — мало ли что можно встретить в жилище великого мага. Пока что они не представляют никакой опасности, и ему нет до них дела. Другое дело, если бы ему встретился какой-нибудь страхолюбный монстр...

Ормунд был прав, шесть жезлов стояли на столе и пять из них были увенчаны магическими камнями. Вот только один из жезлов был без камня. Вор снова нехорошо помянул мага и дело его, уже в обратном порядке, но осторожно подкравшись к столу, облегченно вздохнул, увидев, что ему не придется разыскивать недостающий камень по всей башне Ариантуса. Этот камень лежал на столе в окружении нескольких талисманов, как будто накрытый слабо светящимся ореолом. Поразмыслив, Зотар решил собрать сначала камни из жезлов, а уж потом брать последний. Если на нем наложено заклятье, которое оповестит Ариантуса о вторжении в его жилище постороннего, то пусть это произойдет в тот момент, когда вор уже будет готов к бегству.

Зотар вынул тонкий кинжал и принялся осторожно разгибать державки жезлов, после чего аккуратно вынимал и складывал камни в пленал. Дело шло не так быстро, как хотелось бы, но пока все было тихо, и у него оставалось еще несколько минут до того момента, когда его люди

подбрасывают к дверям башни несколько охапок политой маслом соломы и подожгут их. Этим вор рассчитывал отвлечь внимание обитателей башни всерьез и надолго, чтобы уйти с добычей без помех. Пока они будут тушить огонь внизу, вряд ли им придет в голову смотреть по сторонам и беспокоиться о сохранности верхних ярусов. Как раз после работы плотников в нижнем ярусе башни осталось много досок для завершения ремонта, наблюдатели Зотара это хорошо успели разглядеть.

Вор добыл уже пятый камень, когда вдруг его чуткий слух уловил наверху какое-то движение. Наверху?! Но там же никого не было! И все же кто-то явно спускался по лестнице с верхнего яруса. Медленно и осторожно. Хозяева так не ходят. Но и собрат по профессии, заявившийся по невероятной случайности в то же время, был совершенно ненужной помехой. Здесь не место для разборок, непрошенного соперника надо будет уложить тихо, без борьбы. Зотар быстро вложил пятый камень в гнездо, закрыл пенал и, убирая его за пазуху, мягко шагнул в тень, за один из деревянных ящиков. Он все сделал точно и правильно, но не мог предполагать, что половина под его ногой издаст противный протяжный скрип...

Конан тоже вышел к башне Ариантуса в сумерках. В стороне, правда, болтались несколько подозрительных мужчин, но появившийся из переулка патруль спугнул их. Они побежали прочь, стражники устремились за ними, и киммериец

спокойно двинулся к башне. Выбирая самый удобный путь наверх, он естественно поднялся к тому самому окну, через которое проник в башню Зотар. Точно так же, как и он, варвар убедился, что в верхнем ярусе никого нет, точно так же мягко спустился вниз по лестнице, вот только не успел он ступить на пол второго яруса, как в помещении раздался громкий скрип доски, на которую наступает человек.

Любой настоящий вор в такой ситуации немедленно отступает и ждет прояснения ситуации — надо ли бежать, пока тебя не обнаружили, или стоит переждать, пока лишний свидетель не уйдет из помещения. Но Конан шел не ради кражи. Он шел мстить. И, услышав предательский скрип половицы, варвар решительно шагнул вперед, обнажая меч.

Конан сделал несколько шагов, увидел на столе слабо светящийся желтый камень, но не успел ни взять его, ни увидеть прячущегося Зотара, потому что с лестницы снизу послышался топот нескольких человек, и киммериец повернулся к двери, чтобы встретить врагов лицом к лицу.

Башня Ариантуса могла быть сколь угодно хорошо защищена от нападения извне, но встречая врагов в дверях, Конан мог удержать любое количество нападающих, потому что они могли проходить через дверь только поодиночке. Киммериец срубил двоих наемников, намеренно отступил, давая зайти следующим, и одного за другим положил еще двоих. Как бы ни были храбры и сильны воины, нанятые Ариантусом, они долж-

ны были понять, что их противник слишком силен, чтобы тупо лезть под его смертельные удары. Поэтому варвар не стал ждать, пока они вооружатся арбалетами или призовут на помощь мага с его неведомыми возможностями, а стремительно бросился в атаку сам.

Маг внизу показывал своим людям, где лежат арбалеты, но киммериец уже напал на них, осыпая их могучими ударами. Он убил еще одного противника и отбросил остальных.

И вот Конан оказался ярусом ниже, перед тремя наемниками с мечами в руках и магом, который за их спинами спешно готовил арбалет. Трое противников, готовых к бою — тяжкое испытание для любого воина, как бы силен и ловок он ни был. Можно опередить одного, можно уклониться от другого, но третий будет иметь прекрасную возможность нанести тебе удар, хотя бы этот третий был несравненно слабее тебя. А эти воины не производили впечатления новичков.

Варвар не стал раздумывать и ринулся в атаку. Меч Конана скрестился с мечом наемника, и тот попытался удержать касание клинков, чтобы его напарники смогли нанести свои удары беспрепятственно. Но киммериец, рывком сломавший сопротивление врага, отбросил его на другого наемника, увернулся от выпада следующего и тут же рубанул его. Не давая противникам опомниться, Конан рубил их, раз за разом пробивая защиту. И вот уже осел на пол один и упал наизнанку другой, сбивая со стоящего рядом стола какие-то амулеты.

Оставшись с магом один на один, варвар грозно шагнул к нему, занеся меч для смертельного удара, но маг даже не попытался вложить стрелу в арбалет, он с ужасом смотрел не на мстителя, а на стол, где на малую пентаграмму упала металлическая трубка и из нее тихонько сочился черный дымок.

— Что, маг? — спросил Конан. — Неужели и в миг собственной смерти тебя больше волнует твоя магия?

— Ты ничего не понимаешь, — просипел Ариантус. — Демон вырвется на свободу! Дай мне запечатать его, пока не поздно!

— Да уж лучше демон, чем такая тварь как ты, — презрительно отозвался варвар, покосившись в сторону пентаграммы. — Сколько раз я с этим ни сталкивался, всегда демоны входили в наш мир только по желанию магов. А чтобы сам по себе демон кому-то досаждал, нет, не было такого!

— Пожар! — донесся снизу испуганный возглас нового привратника. — Хозяин, горим!

Конан вдруг почувствовал, что у него перед глазами все поплыло, рубанул ненавистного мага точным и сильным ударом, но железо напрасно проскрежетало по стене — маг уже стоял чуть в стороне.

— Ах ты, пакость! — Конан обрушился на Ариантуса с вихрем ударов. Даже если маг умеет отводить взгляд противника, то пусть попробует отвести клинок, который рубит быстро и часто, не оставляя для врага свободного пространства!

Маг оказался готов и к такому — пол ушел у киммерийца из-под ног, и он, внезапно потеряв равновесие, улетел в угол, сшибая какие-то полки. А маг уже снова что-то делал со своими талисманами. Конан поднялся на ноги, готовясь к новому удару, а на лице Ариантуса появилось выражение отчаяния:

— С тобой пришел кто-то еще? — крикнул он варвару. — Что он делает там с моими приборами?!

Конан снова взмахнул мечом и еле устоял на ногах, когда пол начал поворачиваться под ним. Киммериец волевым усилием заставлял себя сохранять равновесие, ведь опора под его ногами была все так же тверда и надежна, хотя зрение показывало ему, что он уже должен упасть. Тем временем черный дымок, вытекающий из пентаграммы, начал собираться в плотную фигуру, грозно поднимавшуюся перед трясущимся от ужаса магом.

Ариантус прекратил наводить иллюзию на Конана и крикнул ему:

— Дай мне возможность связать демона!

Конан глянул на сочащийся снизу дым разгорающегося пожара, на демона, протягивающего к забившемуся в угол магу огромные лапы, усмехнулся и побежал по лестнице наверх. Но, оказавшись возле стола с магическими жезлами, он обнаружил, что камень, заключавший в себе душу Вивейн, бесследно исчез!

Варвар мгновенно вспомнил, что не успел проверить помещение, ввязавшись в схватку с

наемниками мага. Слюннув с досады, он немедленно кинулся наверх. Там тоже никого не было, но к ставне открытого окна была привязана туго натянутая веревка — неизвестный похититель камня уже спускался вниз.

Киммериец выхватил кинжал и полоснул по веревке. Снизу донесся приглушенный крик боли. Конан выглянул из окна и в лунном свете увидел высокого человека, который, прихрамывая, удалялся от башни. Конан быстро спустился вниз и помчался в погоню, оставляя позади зарево горящей башни и любопытных, спешащих к месту пожара.

Зотар предусмотрительно бежал не кратчайшим путем к жилым кварталам, а в сторону, чтобы не встречаться с лишними свидетелями. Полная луна светила достаточно ярко, чтобы киммериец не терял из вида беглеца. Но тот имел отрыв в пару сотен шагов и явно рассчитывал раствориться в лабиринте пригородных строений. Ему бы это вполне удалось, но в ближайшем переулке ему навстречу вышел отряд стражи, спешащий к месту пожара.

Нет более привлекательной цели для стражников, чем бегущий человек. Зотар первым заметил их и метнулся назад, но ускользая от патруля, он оказался слишком близко от киммерийца. Он дернулся в сторону и скрылся в каком-то закутке между салями. Конан пырнул туда же, и они схватились, ломая друг другу руки. Патруль шумно протопал мимо них, не заметив их в темноте, и противники перестали таиться.

Зотар был не столь мощного сложения, как киммериец, но в силе ему не уступал. Борьба продолжилась; Конан рывком с разворотом припечатал соперника к стене, и тот от удара ослабил хватку. Разозленный киммериец ударил Зотара раз, другой, потом схватил за горло. Зингарец попытался пырнуть варвара кинжалом, но тот прижал ему руку и выкрутил из нее оружие.

— Где камень, ублюдок? — тоном непререкаемой угрозы спросил Конан. — Отвечай, пока я не оторвал тебе голову!

— Какой еще камень? — Зотар почувствовал, что ему не справиться с могучим противником, но сдаваться просто так не собирался.

— Желтый камень, который ты вынес из башни мага. Не шути со мною, убью.

— Тебе нужен только этот камень?

— Да.

— Отпусти меня, я отдам тебе его.

Киммериец плотно прижал к горлу зингарца кинжал и только после этого ослабил захват.

— Давай.

Зотар достал из-за пазухи пенал и попытался потихоньку открыть его, но варвар вырвал у него из рук коробку со словами:

— Не утруждайся, я сам с этим справлюсь.

Открыв коробку, киммериец увидел вместо одного камня шесть и задумался. Все камни светились слабым светом и отличались только оттенком. Конан без малейших сомнений опознал солнечный цвет того камня, который вчера показывал ему Ариантус, говоря о заключенной в нем

душе Вивейн, но остальные, значит, тоже содержат души людей? Что же с ними делать?

— Какие сложности, приятель? — Зотар быстро возвращал себе наглый самоуверенный тон. — Возьми свой камень и верни мне мою коробку!

— А ты знаешь, что это такое? — задумчиво спросил киммериец.

— Это именно то, за что мне обещали заплатить несколько золотых монет. Мне достаточно знать это, чтобы не искать других сведений.

— Кто обещал тебе заплатить?

— Послушай, так дела не делаются, — ухмыльнулся зингарец. — Ты получаешь, что хотел, а если тебе нужна еще и моя доля, то давай договариваться по справедливости. А если ты хочешь забрать у меня все, то ищи покупателя сам. Это ведь тебе не драгоценные камни, которые купит любой ювелир. Ты не сможешь получить деньги за эти камни без моей помощи.

— Этим нельзя торговать, — задумчиво ответил Конан. — Если тебе поручили украсть камни, то это мог сделать только тот, кто знает их свойства. Тебя нанял Ормунд, так ведь?

— Ну, да... — неохотно признал вор, не в силах скрыть очевидное. — Но тебе не кажется, что нечестно с твоей стороны отнять у меня все и не дать ничего взамен?

— Я оставлю тебя в живых, — оскалился варвар.

— Это да, конечно, — делано согласился зингарец и, уловив момент, когда киммериец стал засовывать пенал себе за пояс, бросился на него с ножом, выхваченным из рукава.

Насколько меч хорош в поле, настолько опаснее нож в тесной схватке. Конан не успевал достать свое оружие и не имел места для маневра. Он отбил режущие взмахи ножа, но получил два глубоких пореза, прежде чем смог перехватить руку Зотара и яростным ударом кулака разбить ему голову о стену.

Расправившись с противником, Конан перевязал раны, оббрал мертвого зингарца, забрав его кошелек и оружие. Собравшись с силами, киммериец отправился к башне Ормунда. Ему было ясно, что кроме души Вивейн, в других шариках тоже содержатся души людей, заключенные магом в твердую оболочку.

Варвар не знал, как ему поступить. Он вырвал эти души из-под власти мага, но как выпустить их на свободу? Достаточно ли для этого разбить камни, или это окажется жестокой ошибкой? И поэтому Конан шел к представителю тех, кого он всегда ненавидел. Шел к магу за помощью или советом, потому что больше никто другой ему не мог помочь в его деле.

Он прошел совсем немного, когда сзади послышался громкий гул и приглушенный удар. Конан оглянулся — башня Ариантуса, объянутая пламенем пожара, обрушилась, превращаясь в бесформенную груду камней, шарахнувшись в разные стороны многочисленные зрители, которые сбежались на пожар, не имея возможности и желания тушить его. Башня стояла на отшибе, и если пожар в ней чем-то и грозил окружающим строениям, то только летящими искрами. Люди

не столько беспокоились за распространение огня, сколько пришли поглазеть на впечатляющее зрелище. Но Конана оно уже не интересовало, и он отправился дальше своим путем.

После боя и кровопотери накатила усталость, киммериец шел неторопливо, опасаясь встречи со стражей, так что добрался до башни Ормунда лишь через час. Наконец, он достиг цели и громко постучал в запертую дверь. В башне мага не спали, выглянули в крошечное окошко над дверью и впустили позднего гостя. Двое крепких слуг встретили киммерийца у входа.

— Кто ты такой, и что тебе надо в столь поздний час? — спросили его.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. Мне нужно встретиться с великим магом, — объявил варвар.

— Зачем?

— Сегодня он ждал человека, который должен был принести ему одну вещь. Вместо него пришел я. Доложите Ормунду.

— Проведите его ко мне, — раздался сверху спокойный голос мага. Он, по всей видимости, сразу вышел встречать гостя и все слышал.

Конан прошел следом за магом и сел на предложенную ему лавку. Ормунд предусмотрительно занял позицию за обширным столом. Двое слуг встали по обе стороны от хозяина.

— Ты принес мне камни из башни Ариантуса, — уверенно произнес маг. Он не спрашивал, а озвучивал то, что было ему хорошо известно. — Я обещал заплатить за них пятьдесят золотых. Ты

готов отдать мне камни за эту цену, или у тебя будут другие пожелания?

— В этих камнях с помощью черной магии заключены души людей, так? — спросил киммериец не допускающим возражений тоном.

— Откуда ты это взял? — Маг не собирался сразу же подтверждать чужие догадки.

— Я сам видел, как отлетала душа Вивейн, — мрачно ответил варвар. — И Ариантус подтвердила, что ее душа сейчас заключена в камне. А другие камни точно такие же, только цвет немного другой.

— Ладно, Конан из Киммерии, ты прав, — неохотно признал Ормунд. — Но что тебе с того? Ты не можешь воспользоваться своим знанием. А я могу. Поэтому я повторяю свой вопрос — ты согласен взять деньги, или тебе нужно от меня что-то другое?

— Я хочу, чтобы души этих людей получили свободу. Мне невыносима мысль о загробном рабстве!

— Они могли бы получить новую жизнь, — возразил маг.

— Нет, — твердо ответил варвар, — ни один из живущих не минует смерти, но смерть освобождает человека от земных оков. Я никому не позволю держать человеческую душу в посмертном рабстве.

— А тебя кто-то спрашивает, киммериец? Ты сидишь под прицелом арбалетов, а любой момент под тобой может открыться люк, отправляя тебя в каменный мешок, откуда не будет выхода.

Ты сейчас в полной моей власти. И почему бы тебе не уйти, пока тебе дают такую возможность, да еще и со щедрой платой? Я мог бы еще сдать тебя страже за злонамеренное убийство великого мага Ариантуса и поджог его башни. Ты догадываешься, каким будет решение правосудия Понентии за эти преступления?

— Меня не интересует правосудие, — мрачно ответил варвар. — Я привык отвечать за свои дела, и боязнь наказания не заставит меня отступиться от того решения, которое я считаю правильным!

Конан взмахнул рукой с метательным ножом, который он потихоньку достал из рукава во время разговора, но смертоносный бросок не состоялся — его рука замерла на полпути, как будто схваченная невидимой петлей. Киммериец скрипнул зубами и попытался уже открыто схватиться другой рукой за кинжал. Результат был тот же самый. Он замер в перекошенной позе, не в силах пошевелиться. По приказу мага, один из его слуг подошел к скованному волшебством варвару, достал у него из-за пояса пенал с камнями и почтительно подал его Ормунду. Тот приоткрыл крышку, с удовлетворением посмотрел на светящиеся шарики и перевел взгляд на Конана.

— Ну что, Конан из Киммерии? — спросил он. — Тебе не о чем больше торговаться со мной.

— Ну и что теперь? — ответил тот вопросом на вопрос. — Прикажешь своим холуям перерезать мне глотку? Но чем тогда, скажи мне, отличается великий маг от ночного грабителя, под-

жидающего одиноких прохожих в темном переулке?

— Успокойся. Ты сможешь беспрепятственно уйти от меня.

— Я не о том! Чего тебе не хватает в этой жизни, Ормунд? Власти? Могущества? Ради чего ты собираешься терзать души мертвых? Не пристойнее ли великому магу прославлять свое имя великими поступками? Дай свободу мертвым! Или ты не можешь этого сделать?

— Ты убедился, что не справишься со мной силой, — усмехнулся маг. — И пытаешься поймать в словесную ловушку?

— Если ты великий маг, то должен отличать игру словами от истинной правды! Или призрак могущества уже ослепил тебя? Взгляни сам — что хочешь сделать ты, и чего прошу я. И скажи сам себе правду — что достойнее?

— Дожили, — хмыкнул Ормунд немного смущенно. — Варвар, живущий мечом и убийством, будет учить достоинству мага...

— Ты уходишь от ответа! Мне не надо лишних слов — я и так в твоей власти. Но скажи правду себе самому.

— Правду? — великий маг надолго задумался, потом продолжил: — Изволь. Ариантус делал по-разительные вещи, и его достижения в области некромантии весьма велики. Я следил за его опытами с большим интересом и скрытым восхищением. Теперь я держу в руках результаты его исследований и могу их использовать. Но я вижу, варвар, что ты говоришь от чистого сердца и то-

же в чем-то прав. И правота твоя даже более глубока, чем ты можешь понять. Некромантия действительно слишком опасна, чтобы выпускать ее в мир. Под контролем великого мага она еще может давать интересные результаты, но ведь никакие знания невозможно утаить. Ученики и помощники рассеют крупицы тайного знания, и из них вырастут поистине страшные всходы. Я стар и не раз думал о своей близкой смерти. Мне не хотелось бы продлевать свою жизнь пожиранием чужих душ, я слишком ценю свою личность. Очень к ней привязан. И не хотел бы превратиться в нечто нечеловеческое. И не хотелось бы, чтобы мою душу тревожили после смерти...

Маг встал и открыл пенал.

— Не думай, что мне легко было принять такое решение! — Голос Ормунда звучал мощно и чисто. — Всем молчать!

Он простер над столом руки, и фигуру его стал медленно окружать ореол светло-желтого света. Не сотрясали воздух слова могущественных заклинаний, не клубились облака дыма от тайных снарядов, не загорался магический огонь в стоящих на столе тиглях, но из открытого пенала на столе стали один за другим подниматься тонкие лучики света, медленно тающие в полумраке помещения.

Когда все кончилось, Ормунд взял в руки пенал и вытряхнул из него горсть пыли, оставшейся от магических камней.

— Вот и все, — потерянно произнес хозяин башни, глядя на пыль с каким-то недоверием.

— Ты поистине великий маг! — произнес Конан.

— Да? Ну, спасибо, варвар. Не думаю, однако, что мне захочется похвастаться этим деянием перед кем-то из моих собратьев по магическому искусству. — Колдун сгорбился и нахмурился. — Пожалуй, я оказался плохим чародеем, потому что уничтожил то, ради чего другие маги готовы платить любую цену. Впрочем, ты тоже плохой искатель удачи, Конан из Киммерии. Я не знаю, кто еще в этом мире отказался бы от денег в твоей ситуации. Проводи гостя, Орт, — обратился он к одному из слуг.

Орт и Конан спустились вниз, вышли из башни мага и не торопясь двинулись в ночную тьму. Мысленно переживая произошедшие события, киммериец с усмешкой размышлял о том, что никогда бы раньше не подумал договариваться с магами, а добившись своего, — уходить прочь по хорошему, не оставив за собой изрубленных трупов и дымящихся развалин.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Брайан. Беспокойные мертвецы	5
Потерянный город	66
«Отдай мне свою молодость!»	133
Львы Стигии	172
Николас Харрис. Кость демона Уробаха	239
Корона власти	306
Ник Орли. Маги Зингары	372

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЛЬВЫ СТИГИИ

Руководитель проекта: *Михаил Ивахнов*

Составитель: *Наталья Бурлака*

Художественный редактор: *Надежда Беданова*

Обложка: *Владимир Савватеев*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор: *Валентин Успенский*

Корректор: *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наш электронный адрес: WWW.ASTRU.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 511, лит. А

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И АЙК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТОИНЫ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКОРОНДА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАНИЦЫ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЛМОДИИ 85	КОНАН И ТРОН ВЕЛМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ ВЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ 89	КОНАН И ВОДНЫЙ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЮЧИ ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕР МАТА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АГЕНЦИЯ ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАЛИСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЛЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЫ 99
КОНАН И ГРОД ХАЙБОРГИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СООНИЕ 101	КОНАН И ЗАМОКИ ТОКА 102	КОНАН И ПАГОДА СИА 103	КОНАН И ВРУЧАА АУНН 104	КОНАН И АЛЫЙ СТИЛИМ 105			

ISBN 5-17-029821-8

9 785170 298211